

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 1 2024 / ТОМ 30

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА
ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ
ОБЩЕСТВЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

СЛОВО МОЛОДЫМ

ISSN 2713-0681

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 1 / 2024

Том 30

DOI: 10.19181/nko.2024.30.1

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК (К₂). Включён в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2024

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Синх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Miroљub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS; FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPA.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPA.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPA.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPA.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, IS FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPA Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Савинков В. И., Шереги Ф. Э.
Тенденции вхождения научных работников в общественное
разделение труда 6

Мерзликин Н. В.
Граждане и эксперты о доверии институтам и политике российского
государства 22

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Галкин К. А., Рассолова Е. Н.
Волонтеры-исследователи в современной науке: анализ публикаций
журнала Nature 35

Милованова М. Ю.
Гендерное измерение социального настроения в современной России:
опыт историко-социологического анализа 46

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М.
Роль русского населения в социокультурной интеграции народов
Северного Кавказа: демографическая динамика и представления
студенческой молодежи Ставропольского края 62

Чиркова А. В.
Поведение в сфере здоровья: теоретико-методические проблемы
социологического измерения 80

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гуселетов Б. П.
Политические трансформации в Польше: приведёт ли смена правительства
к смене курса? 94

Гаджимурадова Г. И., Русу С. В.
Миграция населения Республики Молдова в контексте перспективы
вступления страны в ЕС. 109

Салгириев А. Р.
Формирование общероссийской гражданской идентичности в контексте
деятельности региональных элит (на материалах Северного Кавказа) 119

СЛОВО МОЛОДЫМ

Пистолетов Д. А.
Актуальные проблемы межкультурного взаимодействия: опыт
стран Запада 132

POLITICS AND SOCIAL SPHERE OF SOCIETY

Savinkov, V. I., Sheregi, F. E.
Trends in the integration of researchers into the social division
of labor 6

Merzlikin, N. V.
Citizens and experts on trust in the institutions and policies
of the Russian state 22

MODERN PROBLEMS
IN A TRANSFORMING SOCIETY

Galkin, K. A., Rassolova, E. N.
Volunteer researchers in modern science: analysing “Nature” publications 35

Milovanova, M. Yu.
The gender dimension of social mood in modern Russia: the experience
of historical and sociological analysis 46

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES
IN CIVIL SOCIETY

Denisova, G. S., Avdeev, E. A., Vorobev, S. M.
The role of the Russian population in the sociocultural integration
of peoples North Caucasus: demographic dynamics and perceptions
student youth of the Stavropol Territory. 62

Chirkova, A. V.
Health behavior: theoretical and methodical problems of sociological
measurement 80

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Guseletov, B. P.
Political transformations in Poland: will a change of government lead
to a change of course? 94

Gadzhimuradova, G. I., Rusu, S. V.
Migration of the population of the Republic of Moldova in the context
of the country’s prospects for joining the EU 109

Salgiriev, A. R.
Formation of all-Russian civil identity in the context of regional elites' activities
(on the materials of the North Caucasus) 119

FLOOR TO THE YOUNG

Pistoletov, D. A.
Current issues of intercultural interaction: experience
of western countries 132

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.1)
EDN [WLJIWI](https://edn.wljiwi.ru)
УДК 316.4.063.22

В. И. Савинков¹, Ф. Э. Шереги²

¹Российский государственный социальный университет. Москва, Россия

²Центр социального прогнозирования и маркетинга. Москва, Россия

ТЕНДЕНЦИИ ВХОЖДЕНИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ В ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Аннотация. По мере расширения функциональной роли науки в развитии экономики, специалисты научных организаций становятся всё более значимым субъектом общественного разделения труда. На основании открытых данных официальной статистики, а также результатов общероссийского репрезентативного исследования авторы статьи показывают, что расширение экономической роли работников науки сопровождается трансформацией большей части их интеллектуальной деятельности в креативную инженерию для инновационного производства. Одновременно труд большинства учёных из эксклюзивного превращается в массово-производственный, приближая характер их жизненных условий к способу жизнедеятельности работников массовых профессий, по форме отчасти трансформируясь в precarious труд. В то же время показано, что становление прекариата – это не девиации в составе классической формы наёмного труда, а трансформация пролетариата как класса в прекариат, что характерно и для научных работников.

Ключевые слова: научные работники, инновационное производство, разделение труда, precarious труд, условия жизнедеятельности

Для цитирования: Савинков В. И., Шереги Ф. Э. Тенденции вхождения научных работников в общественное разделение труда // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 6–21. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.1). EDN [WLJIWI](https://edn.wljiwi.ru).

Введение: противоречия концепции труда учёных. По мере углубления общественного разделения труда виды деятельности, ранее считавшиеся качеством отдельных одарённых индивидов, становятся массовыми. Основной признак становления массовым ранее эксклюзивных видов креативной деятельности – их включение в систему профессионального образования, подготовка *специалистов*. Например, до XVIII века труд зодчего был уделом талантливых архитекторов, и профессиональные умения чаще всего передавались в семье по традиции. Первые учебные заведения по систематизированной профессиональной подготовке инженеров были учреждены во Франции и в России в XVIII веке, в Германии и Англии – в XIX веке [1, с. 55–58, 63, 69].

Легитимированной массовой подготовки учёных как специалистов креативного труда нет. В Российской Федерации учреждением, где готовят учёных, считается аспирантура. Об аморфности роли аспирантуры в подготовке учёных свидетельствует основной критерий «профессиональной зрелости» выпускников – защита учёной степени кандидата наук. На сегодняшний день этот критерий незначимый: доля защитивших диссертацию среди выпускников аспирантуры составила в 2000 г. – 30,2%, в 2021 г. – 10,5%. В том числе среди выпуска аспирантуры научно-исследовательских институтов (НИИ) – 7,3%,

вузов – 11% [2, с. 61, 63–64]. Правительство осознает наличие проблемы и готово принять меры для исправления положения. В частности, на III Конгрессе молодых учёных 29 ноября 2023 года В. Путин отметил, что президентские стипендии для аспирантов будут повышены до 75 тыс. руб. в месяц¹.

Углубление разделения труда способствовало переходу в науке от индивидуального творчества к коллективному. Научный коллектив – не однородная в профессиональном отношении масса сотрудников, а иерархически выстроенная группа для целевой творческой деятельности. Оптимальный по численности научный коллектив: 1-3 генератора идей, 4-7 креативных специалистов, 4-6 активных исполнителей, 2-3 вспомогательных работника. Руководитель коллектива может быть или генератором идей, если в том числе он обладает организаторскими способностями, или только талантливым организатором. Неизменно одно: без генератора научных идей нет творческого коллектива. Но и в этом случае актуален вопрос: в современном институализированном научном коллективе генератор идей является учёным, т.е. творцом науки, или специалистом в области креативной инженерии? Данный вопрос следует из концепции австрийско-американского философа науки Т. Куна о парадигматическом развитии науки [3]. Согласно этой концепции, наука есть сугубо индивидуализированное творчество, задающее логику дальнейшей её материализации, тем самым содействуя развитию цивилизации. Наука как интеллектуальное озарение рождается в умах отдельных творческих личностей, а к практической реализации этих идей подключаются специалисты с преобладанием инженерного мышления – они *конструируют* физическое воплощение научной парадигмы.

До середины 1930-х годов в мире доминировало представление о науке как преимущественно индивидуальной деятельности, космополитичной, мало зависящей от экономики и политики, допускающей свободный трансграничный обмен научной информацией. Это мнение стало меняться по мере милитаризации экономики и резко возросшего спроса с её стороны на новые технологии. Постепенно стали переплетаться собственно научное познание и креативная инженерия. Чтобы избежать бессистемной эклектики в интерпретации научной деятельности, в 1960-х годах в мировой практике произошло вычленение фундаментальной науки и её различение от прикладных исследований. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предложила три уровня градации видов научных исследований: чистые фундаментальные исследования, ориентированные фундаментальные исследования, прикладные исследования (стратегические, конкретные, экспериментальные) [4, с. 7–8]. В Российской Федерации статистические службы также придерживаются тройной градации: фундаментальные исследования, прикладные исследования, научные разработки. Принято считать, что фундаментальными исследованиями занимаются в основном академические НИИ, а вузовские и предпринимательские организации – в основном прикладными исследованиями и разработками [5].

Научная политика Российской Федерации. Распад СССР и глубокий социально-экономический кризис 1990-х годов деструктивно повлияли на десятилетиями выстраивавшуюся, в целом устойчивую систему научных учреждений. Проявились центробежные тенденции в академической системе, и она дифференцировалась по вновь образованным национальным государствам. Из-за банкротства многих производственных компаний наступил кризис в системе прикладных

¹ Встреча с молодыми учёными // Президент России: [официальный сайт]. 29 ноября 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72869> (дата обращения: 29.11.2023).

исследований: в Российской Федерации с 1990 года по 2005 год в 8,7 раза сократилось количество проектных, в 4,1 раза – конструкторских организаций, в 1,8 раза – научно-технических подразделений промышленных предприятий. Кроме сокращения общего числа научных организаций (в 1990 г. – 4646, в 1994 г. – 3968) [4, с. 23] также произошло сокращение численности исследователей (в 1995 г. – 519690 чел., в 2005 г. – 390685 чел., т.е. на 24%) [6, с. 589]. Наиболее остро кризис разразился в общественных науках, как в академической, так и в вузовской среде. Из-за скудости государственного бюджета финансирование науки происходило по остаточному принципу. По этой причине началась миграция исследователей в иные сферы трудовой деятельности, а карьера в науке для молодёжи стала непривлекательной.

Государство стремилось стабилизировать ситуацию в сфере научной деятельности, и в 1996 году был принят закон «О науке и государственной научно-технической политике»². Закон призван регулировать отношения между субъектами научной и научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и научно-технической продукции. Он также предусматривает несвойственную для советского периода форму поддержки исследователей – гранты и субсидии. Гранты и субсидии большей частью не были целевыми, в 1990–2000-х годах их тематику формулировали сами учёные, и завершали научные исследования в основном вербальным отчётом, т.е. в большинстве случаев результаты не доводились до практического внедрения. Тем не менее, данная форма поддержки учёных сыграла большую роль в сохранении российского научного сообщества. Эта практика поддержки российской науки актуальна и сегодня. Так, в 2021 году ассигнования на гранты и субсидии всех уровней составили 407857,9 млн руб., т.е. 31,3% в общем объёме ассигнований на гражданскую науку [2, с. 120]. Практика грантов и субсидий является важной поддержкой для государственных научных учреждений, составляющих в общем количестве научных организаций РФ 61,8% [2, с. 37]. На III Конгрессе молодых учёных представитель Российского научного фонда М. Михалёва отметила, что в 2023 году фонд предоставил учёным порядка 10 тыс. проектов, финансируемых ежегодно; среди исполнителей проектов примерно 70% (56 тыс. чел.) – учёные в возрасте до 39 лет³.

Естественно, гранты не могут быть не только единственной, но даже доминирующей формой поддержки функционирования и развития организаций науки. Как отметил В. Путин на III Конгрессе молодых учёных, результаты науки, в том числе фундаментальной, востребованы в том случае, если она взаимодействует с экономикой⁴. Этот вывод обоснован тем, что в Российской Федерации две трети исследователей работают в технической, медицинской, сельскохозяйственной, т.е. прикладных отраслях науки (см. рис. 1). Но и в социальной, и в гуманитарной науках требуется решать много прикладных задач.

Федеральный закон от 1996 года впервые внёс ясность в функции научных организаций различной формы собственности, при этом не уточнив субординацию горизонтального характера, однако обозначив условную научную иерархию в отношении академических учреждений и исследовательских организаций неакадемического характера. Начиная с 2010 года объём внутренних затрат на научные исследования и разработки непрерывно увеличивался и в 2021 году

² Федеральный закон от 23.08.1996 г. N 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9028333/titles/64U0IK> (дата обращения: 20.11.2023).

³ Встреча с молодыми учёными // Президент России: [официальный сайт]. 29 ноября 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72869> (дата обращения: 29.11.2023).

⁴ Там же.

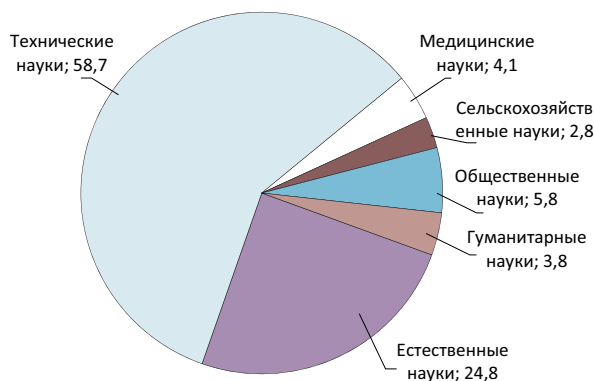

Рисунок 1. Распределение исследователей по областям науки в 2021 году, %

Источник: составлено авторами на основании данных [2, с. 65].

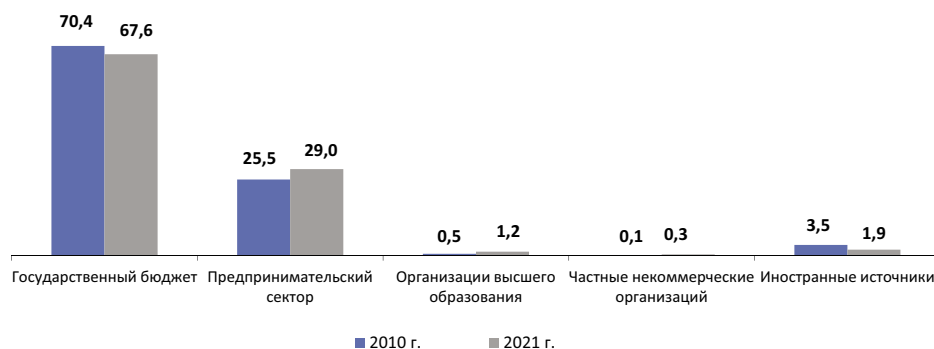

Рисунок 2. Долевое соотношение источников финансирования научных исследований (2010–2021 гг.), %

Источник: составлен авторами на основании данных [2, с. 118].

по номиналу превысил показатель 2010 года в 2,5 раза (с 523377,2 млн руб. до 1301491,0 млн руб.) [2, с. 123]. Однако из-за инфляции в постоянных ценах кратность роста составила 1,02 раза (с \$17216,4 млн до \$17659,3 млн)⁵, т.е. показатель остался на уровне 2010 года.

Средняя величина номинальной заработной платы персонала, занятого исследованиями и разработками, составила в среднем в 2010 году – 25043,5 руб. (\$823,8), в 2021 году – 67685,0 руб. (\$918,4) [2, с. 172]. Относительная стагнация величины реальной заработной платы затрудняет привлечение в науку новых кадров. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, за 20 лет (с 2000 по 2021 гг.) уменьшилась на 225 тыс. чел. (на 25%), в том числе численность исследователей – с 425954 чел. до 340142 чел. (на 20%). В общем количестве численно уменьшившейся части персонала научных организаций исследователи и техники в совокупности составляют 44,7% [2, с. 42].

За последние 10 лет структура источников финансирования науки мало изменилась, основная нагрузка, как и прежде, ложится на государство (см. рис. 2).

⁵ Среднегодовой курс доллара США в 2010 году \$1=30,4 руб.; в 2021 году \$1=73,7 руб.

Такова в целом экономическая и политическая база функционирования научных организаций, условий творческой деятельности российских научных работников, т.е. условий, которые пока *ближе к стагнации, чем к развитию*.

Условия труда и материальное положение научных работников. В аспекте политэкономии правомерно различать три вида труда:

- *производственный труд*, в котором потребительная стоимость и рыночная стоимость (цена) продукта разделены: работник создаёт потребительную стоимость, которую собственник средств производства превращает в рыночную стоимость; возмещение трудозатрат работника зависит от превращения произведённого продукта в товар;
- *услуга*, в которой процесс труда одновременно есть товар, минуя стадию продукта, поэтому капиталист здесь выступает преимущественно как *рантье*, получая прибыль в виде процента от предоставления условий для реализации услуги;
- *креативный труд*, к которому относится и научная работа: продукт труда есть предпосылка для последующего производства массовой или эксклюзивной продукции, для чего научный продукт отчуждается посредством его диверсификации в тиражируемый овеществлённый продукт, при помощи креативной инженерии превращаемый в массовый или эксклюзивный товар.

Отличие труда, создающего овеществлённый продукт и труда учёного, создающего интеллектуальный продукт, заключается в следующем.

Труд, создающий овеществлённый продукт, *не авансируется*, работодатель авансирует только прошлый труд, в овеществлённой форме включённый в новый продукт как органический элемент (например, приобретение кирпича для строительства дома). Он может быть оплачен только в том случае, если произведённый за счёт сложения частных трудовых операций конечный *продукт* становится предметом платёжеспособного спроса – *товаром*.

Труд учёного *авансируется* независимо от вероятностного характера результата. При этом «прошлый труд» (знания), на котором учёный базирует свою творческую деятельность, не оплачивается и работодателем воспринимается как органическое *орудие труда* (типа рук у рабочего), неотъемлемое от креативной деятельности учёного. Для авансирования труда учёного необходим свободный капитал, который из-за неопределённости конечного результата на начальной стадии научного творчества будет восприниматься как «благотворительность». Этим обусловлено то, что спонсором для большинства научных проектов, особенно мегапроектов, в условиях слабого финансового потенциала производственных компаний, может быть только субсидирующее государство.

Классическое товарное производство базируется на учёте рисков конъюнктуры рынка, и это определяет принятие собственником средств производства решения о целесообразности и объёме производства. *Процесс научного труда не регулируется законами классического рынка*, и чтобы научный продукт стал товаром целевого или массового потребления, его необходимо при помощи креативной инженерии диверсифицировать в некий овеществлённый продукт («растворить» в нем).

При традиционном производстве отчуждается общественно разделённый труд, который, будучи овеществлённым и реализованным на рынке товара, компенсируется работодателем в виде заработной платы. Является ли компенсация труда эквивалентной, зависит не от *себестоимости продукта*, а от *цены товара*. Рабочий производства свой труд по содержанию может повторять бесконечно, в любом географическом ареале, постоянно производя по форме и содержанию

один и тот же продукт. Право на труд у рабочего не отчуждается – это его частный «товар». Более того, точно такой же труд по форме и содержанию может выполнять любой другой рабочий, без ограничения законом или собственником средств производства.

Учёный тоже может трудиться неограниченно, но не может повторно воспроизвести однажды уже произведённый научный продукт, который является эксклюзивным и на основании закона о защите прав на интеллектуальную собственность принадлежит учёному – *номинально*. Эту мнимую позицию государство закрепляет в форме *авторского права* на научный продукт – *патентования*. В отличие от права на труд в товарном производстве у рабочих, закрепление научного продукта за учёным как «неотчуждаемого» лишает других учёных права на труд в форме производства тождественного научного продукта.

Чтобы осуществить отчуждение научного труда, методом креативной инженерии научный продукт диверсифицируется в некий овеществлённый продукт целевого или массового потребления. Этот новый продукт обладает свойством товара и может быть тиражирован без учёта интереса учёного. Через «вплетение» индивидуализированного научного труда в общественно разделённый труд (материальное производство) происходит отчуждение интеллектуальной собственности – право учёного распоряжаться научным продуктом, а для других учёных – право на труд, так как закон о защите права на интеллектуальную собственность запрещает создание тождественного научного продукта. У учёного остаётся номинальное *авторское право*, без продукта, а научный продукт приобретает нового собственника в лице предпринимателя или государства. Абсолютный характер отчуждения труда учёного свидетельствует о том, что, *включаясь в традиционный рынок с классическими законами товарно-денежных отношений учёный превращается в пролетария интеллектуального труда*.

Актуален также вопрос, в какой степени труд научных работников является precarious [7, с. 57–73; 8]. Ежегодно десятки тысяч малых предприятий разоряются. Чтобы выдержать конкуренцию, крупные предприятия с высокой частотой меняют номенклатуру товара, что порождает профессионально-квалификационную ротацию работников. Все это нарушает стабильность рабочих мест, трудовые договоры заключаются на период устойчивости производства. Поэтому, при поиске работы многие специалисты ориентированы не на устойчивость рабочего места или социальные гарантии, в стабильности которых не уверены, а на величину оплаты труда. Последний критерий стимулирует многих работников на выполнение официально не зарегистрированной работы, чаще – в форме услуги (ремонт, извоз, дополнительное образование, консалтинг и т.д.), что ведёт к сокращению поступлений в госбюджет и накоплений в социальные фонды. Кроме того, перманентная инфляция минимизирует реальную стоимость капитала социальных фондов. Будучи в них слабо заинтересованными, многие работники становятся прекариями. О масштабах этого явления свидетельствуют усилия государства, направленные на правовую легализацию прекарного труда в форме *самозанятости*. Такую форму трудовой занятости по состоянию на декабрь 2022 года зарегистрировали 6,6 млн человек. По данным Федеральной налоговой службы, с периода законодательного утверждения статуса самозанятого их численность увеличилась в 1,7 раза – до 6,56 млн в 2023 году⁶.

С развитием цифровизации, автоматизации и роботизации производственных процессов трудовые отношения станут ещё более неустойчивыми, а *про-*

⁶ ФНС отметила увеличение числа самозанятых россиян в 1,7 раза – до 6,56 млн // Интерфакс. 13 января 2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/880683> (дата обращения: 01.03.2023).

изводственный труд уступит место *производственной услуге*, т.е. место токаря, многостаночника займёт оператор, контролирующий процесс производства, но не практикующий производительный труд в традиционном понимании.

Учитывая перманентность кризисных явлений в глобальной экономике, в том числе в российской, показатель доли научных работников, удовлетворённых своей работой, вполне благоприятный – 84,7%⁷. Это больше, чем аналогичный показатель по занятому населению РФ в целом – 67,8%. В прекарной ситуации (работают без трудового договора) среди научных работников находятся – 2,9%, что значительно меньше показателя по занятому населению РФ – 9,9%. Имеют «бессрочный» трудовой договор – 87,1% научных работников, среди занятого населения РФ – 65,9%.

Для занятого населения РФ характерен динамизм: в течение 3-х лет (2020–2022 гг.) сменили место работы 21,5%. Этот показатель среди научных работников – 4,3%. Был бы ошибочен вывод о том, что низкий показатель динамизма – это свидетельство привязанности научных работников к своей исследовательской организации. В большой степени – это следствие скудости числа научных организаций, особенно в субъектах РФ.

По нестандартному графику (посменная работа, ненормированный рабочий день, неполная или эпизодическая занятость) работают среди занятого населения РФ 45,4%, среди научных работников – 25,8%.

Среди занятого населения РФ доля таких, у кого содержание работы не соответствует полностью или частично основному образованию / квалификации – 36,3%, среди научных работников – 22,8%.

Доля таких, кого выполняемая работа устраивает, среди занятого населения РФ – 54,4%, среди научных работников – 74,3%; хотят сменить работу среди первых – 16,9%, среди вторых – 5,7%.

Работники науки выше, чем представители других профессий, оценивают только значимость содержания труда. При этом так же, как и представители других профессий, научные работники на первое место по значимости ставят заработную плату и условия труда. Иным характеристикам труда ни научные работники, ни представители других профессий особой значимости не придают.

Из данных на рисунке 3 следует вывод: научные работники, как и представители других основных профессий, труд рассматривают в первую очередь как источник средств для существования, т.е. их трудовые отношения – это *отношения работника и работодателя по поводу наёмного труда*. Поэтому акцентирование учёными проблем трудовых отношений в целом не отличается от претензий, высказанных представителями других основных профессий: прежде всего низкая оплата и неясность в оплате труда, опасение потерять работу. Отсутствие перспективы профессиональной карьеры научных работников волнует в меньшей степени, а отсутствие социальных льгот вообще не волнует (см. табл. 1). Последнее связано с растущим динамизмом рабочей силы, особенно молодых специалистов, значительным ослаблением действия такого фактора сдерживания текучести кадров, как социальные льготы и натуральная форма распределения доли прибавочного продукта, которые доминировали в условиях социалистического распределения. Трудовые отношения в РФ перманентно становятся товарно-денежными, хотя зависимость экономики и социальных фондов от субсидирования государством ещё велика.

⁷ Здесь и далее используются данные общероссийского репрезентативного исследования, проведённого РГГУ в июне 2022 года. Авторы выражают благодарность руководителю исследования Ж. Т. Тощенко за предоставленную возможность использовать в статье данные исследования.

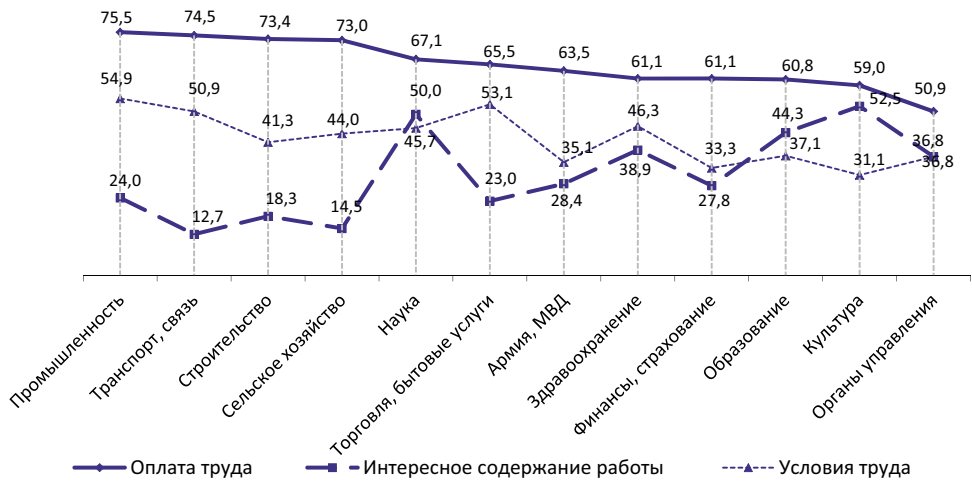

Рисунок 3. Мнение представителей различных профессиональных групп о том, что наиболее важно в работе, которой они заняты, %

Источник: РГГУ, данные общероссийского исследования, июнь 2022 г.

Таблица 1
Проблемы, которые в наибольшей степени волнуют занятое население РФ в целом и научных работников в частности, %

Перечень проблем	Трудящиеся РФ в целом	Научные работники
Низкая оплата труда	42,3	38,6
Неясность в оплате труда	12,6	24,3
Опасение потерять работу	24,2	21,4
Отсутствие перспективы профессиональной карьеры	19,7	17,1
Отсутствие социальных льгот	10,5	2,9

Источник: РГГУ, данные общероссийского исследования, июнь 2022 г.

Исходя из показателей в таблице 1, правомерен вопрос: в какой степени неудовлетворённость оплатой труда обусловлена материальным положением научных работников? За 3 года (2020–2022 гг.) материальное положение улучшилось у 24,3% научных работников, ухудшилось – у 32,9%, у остальных не изменилось. Эти показатели у занятого населения РФ составляют соответственно 22,2% и 33,8%, т.е. касательно динамики благосостояния тенденция у научных работников такова же, как у занятого населения РФ в целом.

Основной источник дохода научных работников – заработная плата (для 100%). Дополнительные источники: трудовое совместительство (27,1%, что не отличается от среднего показателя у занятого населения РФ – 26,8%), пенсия, пособия (для 11,7%), доходы от недвижимости и практики рантье – 15,8% (среди занятого населения РФ – 10,5%), самообеспечение дополнительно продуктами питания с приусадебного хозяйства – 15,7% (среди занятого населения РФ –

25,8%), помогают родственники, получают пособие – 10,3% (среди занятого населения РФ – 7,9%).

Среднестатистическая заработная плата научных работников в гражданской науке в целом по Российской Федерации в январе 2023 года составила 45900 руб.⁸ Согласно самооценке, обозначенной респондентами в ходе общероссийского опроса в июне 2022 года, средняя зарплата научного сотрудника составляла – 47100 руб. Разница по такому «капризному» показателю между статистическим и выборочным показателями небольшая (менее 3%) и свидетельствует о правомерности выведения тенденций в опоре на данные исследования. А тенденция, судя по средней величине оплаты труда различных профессиональных групп, тяготеет к «уравниловке», т.е. к социалистическому принципу распределительных отношений: научные работники своими доходами не выделяются из общей среды представителей большинства иных профессий (рис. 4).

Рисунок 4. Величина среднемесячного заработка представителей различных профессиональных групп, рубли

Источник: РГТУ, данные общероссийского исследования, июнь 2022 г.

Не в такой степени, как для занятого населения РФ в целом, но элементы precarious труда присущи и научным работникам, о чем свидетельствует тот факт, что с той или иной частотой среди них 27,1% получали деньги за труд в конверте (среди занятого населения РФ – 32,9%). Правомерно предположить, что в таких случаях работодателями отчисления в социальные фонды – пенсионный, здравоохранения – не производятся. Если получение денег в конверте считать одним из основных критериев precariousности труда, как социально не защищённого, тогда среди 12-и основных профессиональных групп научные работники по «рейтингу precariousности» располагаются на 8-м месте (рис. 5).

Получение денег в конверте – это косвенный критерий precariousности, однозначный критерий – лишённость социальных гарантий. На основании данных таблицы 2 можно сделать приблизительную оценку долевой величины precariousности: среди занятого населения РФ – 20%, среди научных работников – 10%. О массовости говорить рано, однако признаки нестабильности системы социальных гарантий налицо, что приводит к *трансформации классического пролетариата в precarious*.

⁸ Статистика рынка труда в России – «Научный сотрудник» // ГородРабот.ру. URL: <https://gorodrabot.ru/salary?p=научный+сотрудник> (дата обращения: 20.02.2023).

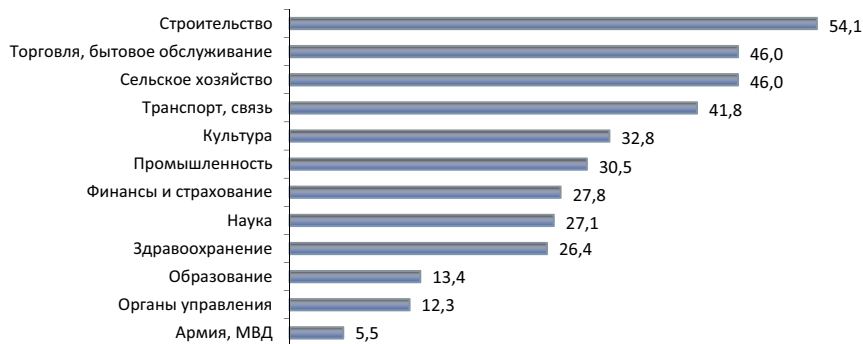

Рисунок 5. Доля представителей различных профессиональных групп, с той или иной частотой получавших деньги в конверте за труд, %

Источник: РГГУ, данные общероссийского исследования, июнь 2022 г.

Доля работников, имеющих социальные гарантии по месту работы, % Таблица 2

Социальные гарантии	Занятое населению РФ в целом	Научные работники
Оплата больничных листов	81,3	90,0
Оплата отпуска	82,6	91,4
Оплата за время вынужденной остановки производства (работы)	56,4	74,3
Уход за ребёнком	68,5	82,9
Возможность взять отгул при необходимости	75,5	87,1

Источник: РГГУ, данные общероссийского исследования, июнь 2022 г.

Если при получении денег в конверте неуплата налогов в социальные фонды зависит и от работодателя, и от работника, то отсутствие социальных гарантий на производстве свидетельствует о функциональном несовершенстве предприятия, а у работников – об отсутствии тредьюнионистского сознания и неготовности к формированию союза для защиты своих профессиональных интересов. Неосознанность своих профессиональных интересов – предпосылка зарождения политической индифферентности. В отношении работников предприятий важен ещё один аспект изменения: *их труд постепенно индивидуализируется и трансформируется в производственную услугу*, каковой можно назвать и труд оператора компьютера на предприятии.

Труд учёного также общественно разделяется: чтобы продукт научного труда был востребован на массовом рынке, его необходимо разделить с креативными инженерами, т.е. внедрить в инновационное производство.

Политические и социальные установки научных работников. Нет оснований утверждать, что условия жизни «угнетают» научных работников, да и занятое население РФ в целом: в той или иной степени удовлетворены жизнью

среди первых – 86,1%, среди вторых – 81,9%. Интерес к политике у научных работников, равно как и у представителей других профессиональных групп, скорее всего пассивный, – в основном потребление политической информации. Среди научных работников 71,4% не состоят ни в каких политических или общественных организациях, даже в профсоюзе состоят всего 18,6%, а в политических партиях или объединениях – 1,4% (среди занятого населения РФ эти показатели составляют соответственно 71,7%, 17,5%, 2,3%). Приведённые показатели свидетельствуют не столько о политической пассивности трудящихся, хотя и это имеет место (например, в 2021–2022 гг. среди научных работников участвовали в федеральных выборах 54,3%, в территориальных и муниципальных выборах – 42,9%; среди электората РФ в целом соответственно – 43,8% и 37,1%), сколько о слабой эффективности государственных форм демократии, засилье бюрократических методов управления обществом, проистекающее из доминирования централизованного бюджетного финансирования, требующего перманентного административного контроля за целевым расходованием выделяемых государством средств. Отчуждённость основной массы трудящихся от демократических форм управления подтверждается также значениями индекса степени влияния на управление государством на различных уровнях (см. рис. 6). Ещё одна значимая причина слабого участия трудящихся в управлении государством – отсутствие организующего начала, т.е. политических лидеров, партий, которым население доверяет полностью. На шкале доверия научных работников политическим и общественным институтам политические партии находятся на последнем месте с отрицательным значением индекса (см. рис. 7). Индекс доверия политическим партиям со стороны занятого населения РФ имеет такое же отрицательное значение – «-0,2».

Недоверие политическим партиям не означает отсутствие политической позиции. Среди научных работников придерживаются левых (в том числе коммунистических) или патриотических позиций – 60%, правых позиций (либеральных) – 20%, монархических, консервативных – 10%, аполитичны – 10%. Среди занятого населения РФ придерживаются левых, патриотических позиций – 56,8%, правых, либеральных – 16,6%.

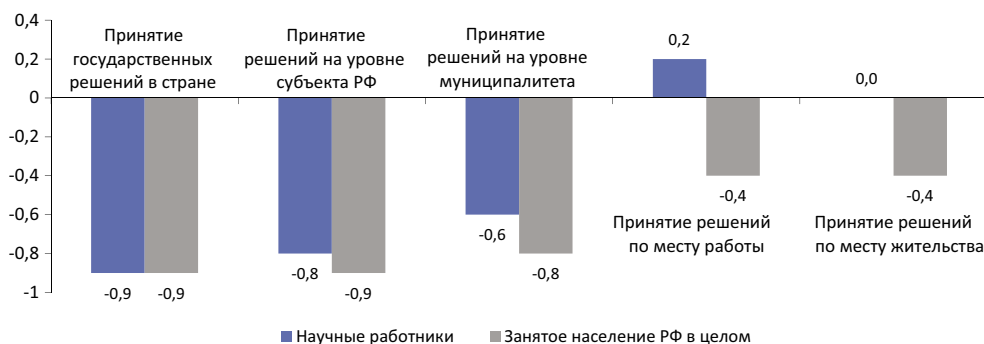

Рисунок 6. Индексная форма оценки научными работниками и занятым населением РФ в целом возможности влиять на управление государством на различных уровнях, (значения индекса: «+1» – могут влиять в высокой степени, «-1» – не могут влиять)

Источник: значения индекса рассчитаны авторами на основании данных исследования, проведённого РГГУ в 2022 г.

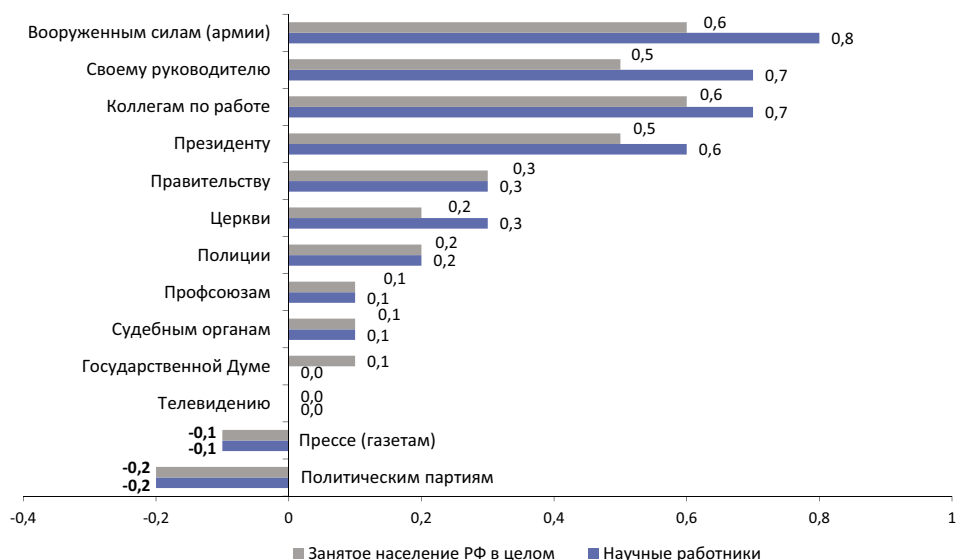

Рисунок 7. Индекс доверия научных работников и занятого населения РФ в целом политикам, коллегам по работе, политическим, общественным и иным организациям, (значения индекса: «+1» – полностью доверяют, «-1» – не доверяют)

Источник: значения индекса рассчитаны авторами на основании данных исследования, проведенного РГГУ в 2022 г.

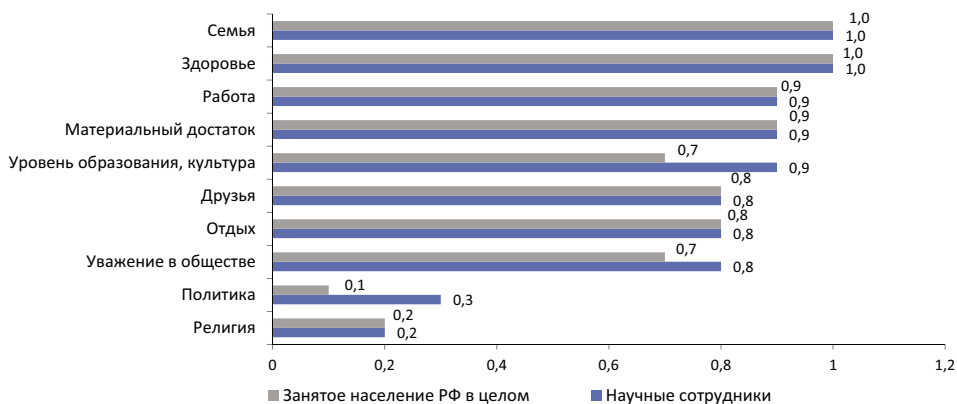

Рисунок 8. Индексная оценка научными работниками и представителями занятого населения РФ в целом значимости для их жизни различных ценностей, (значения индекса: «+1» – наиболее значимое, «-1» – не значимое)

Источник: значения индекса рассчитаны авторами на основании данных исследования, проведенного РГГУ в 2022 г.

Как и занятое население РФ в целом, научные работники обременены кредитными отношениями: имеют кредитные обязательства – 37,1%, среди занятого населения РФ – 55,6%.

Среди научных работников 64,3% либо являются верующими, либо положительно относятся к религии (среди занятого населения РФ – 64,9%). По приоритетности в жизни научные работники выделяют четыре группы ценностей:

неоспоримые ценности – семья и здоровье; далее следуют работа, материальный достаток, уровень образования; на третьем месте, но также с высоким индексом значимости – друзья, отдых, уважение в обществе. На этом перечисление приоритетов можно завершить. Политику и религию (четвертая группа) как важную для жизни ценность научные работники не наделяют высокой значимостью. Ценностные установки научных работников в целом не отличаются от ценностных установок занятого населения страны в целом, что свидетельствует о высокой степени монолита «ценностного облика» граждан РФ, но также и о том, что *по содержанию массового сознания научные работники в целом не отличаются от основной массы занятого населения РФ* (см. рис. 8).

Выводы. Институциональная форма функционирования, масштабы технической, кадровой обеспеченности, объем ассигнований свидетельствуют о том, что наука устойчиво включилась в массовое разделение труда, стремясь занять своё значимое место и в экономике, и в социальной сфере. Научные работники в целом не конкурируют с кадрами промышленности и сферы услуг в профессиональном аспекте, наоборот, содействуют расширению массового и эксклюзивного производства, однако уже «отвлекают» довольно большую долю прибавочного продукта, предназначенного для инвестиций из госбюджета. Более того, в Российской Федерации запросы научных организаций адресованы именно госбюджету, потому что научная деятельность требует полного авансирования, а у частного бизнеса или нет свободного капитала для инвестиций в науку, или он не склонен рисковать путём капиталовложения в трудовую деятельность с непредсказуемым результатом.

Цивилизационное изменение технологии производства под влиянием цифровизации, роботизации, активного использования геной инженерии, особо отмеченное В. Путиным как весьма приоритетное для страны направление – развитие *природоподобных технологий*⁹ ведут к массовой индивидуализации большинства видов труда и его трансформации преимущественно в услугу, в которой труд и конечный продукт совпадают. Аналогичная ситуация характерна и для научной работы, в которой процесс творческого труда завершается конечным продуктом, не являющимся овеществлённой продукцией массового или эксклюзивного потребления. Для отчуждения научного продукта собственник средств производства (капиталист, государство) при помощи креативной инженерии осуществляет трансфер научного продукта в некий серийно тиражируемый вещественный продукт, «растворяя» в нем целостный результат научного труда. Происходит *пролетаризация интеллектуального труда* с отчуждением не только конечного продукта, но и права на труд учёного.

По причине потери государством и общественными фондами способности обеспечить социальное страхование в условиях чрезмерного динамизма рабочей силы и перманентной инфляции происходит постепенная прекаризация и промышленного, и научного труда. Это не специфика России, а общемировая тенденция. В 2022 году из Российской Федерации по официальным данным, полученным за счёт контроля трансграничного перемещения роуминга, уехали не менее 100 тыс. IT-специалистов. Если они не вернуться, их предшествующие взносы на пенсионное и медицинское страхование пропадут. Трудовая миграция может быть многократной, что стимулирует работников в меньшей степени ориентироваться на накопления в социальных фондах, а в большей степени – на

⁹ Встреча с молодыми учёными // Президент России: [официальный сайт]. 29 ноября 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72869> (дата обращения: 29.11.2023).

величину заработной платы. Отсюда появляется зарплата в конвертах и игнорирование работником налоговых отчислений. Индикатором подобного кризиса социальных гарантий в России служит то, что за последние 30 лет реформирование пенсионного и медицинского страхования стало перманентным и остаётся незавершённым по сей день. Таким образом, *прекариат – это не новый класс наряду с рабочим классом, а трансформация представителей физического и интеллектуального труда в новый тип пролетариата*, лишённого не только собственности на средства производства, но и социальных гарантий, а в случае научного труда – и права на труд, отчуждаемого вместе с научным продуктом.

Сопоставительный анализ условий труда, политических установок и ценностных ориентаций свидетельствует о том, что в РФ научные работники слились с основной массой трудящихся и не выделяются как особая привилегированная прослойка наподобие советского периода. Сотрудники научных организаций адаптировались к распределительным отношениям уравнительного типа, стараются не воспринимать, что являются «контрактными» работниками, как и большинство представителей занятого населения; не стремятся объединиться в профессиональную ассоциацию (профсоюз), и в целом не обладают рыночным менталитетом. Причина этого – оторванность большей части научных организаций от реальной экономики, ориентированность на иждивенческую позицию в условиях государственного субсидирования: «платят немного, но и спроса на результаты труда мало». Такая ситуация свидетельствует о чрезмерной архаичности структуры российской науки, необходимости её существенного реформирования.

В науке имеет место также глобальная проблема, заключающаяся в том, что не менее 95% деятельности, по традиции называемой наукой, в действительности – креативная инженерия. Несколько сотен лет назад каждого, кто умел писать, называли учёным, а сейчас – просто грамотным. А раз современная наука в массе своей – это креативная инженерия, тогда она должна быть тесно связана с экономикой, чтобы не приходилось в авральном порядке инициировать импортозамещение. Экономика должна стать универсальным критерием эффективности российской науки. Что касается собственно теоретической науки, призванной формулировать парадигмы, она не творится бригадно и является результатом эволюции логики и уделом отдельных личностей. Эта проблема не утилитарная, она не менее 100 лет дискутируется теоретически. О её актуальности писал В. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» [9] в начале XX века, полемизируя с физиками и философами, в связи с делением атома утверждавшими, что материя исчезает, превращаясь в чистую энергию. В. Ленин правильно заметил, что исчезает не материя, а традиционная модель (парадигма) физики столкнулась со своим пределом при интерпретации явлений микромира. Пределы современных научных парадигм, а по сути, моделей, созданных при помощи формальной логики, подробно анализирует американский популяризатор науки Джон Хорган [10], опросивший о перспективах теоретической науки более 30-и известных учёных-теоретиков из различных отраслей знаний.

В российской научной практике сегодня нет обусловленной экономикой системности, есть «кучкование» по трём в целом автономным группам: академическая, предпринимательская, вузовская наука. Заказчиками научной продукции часто являются министерства или научные фонды и результаты таких исследований редко доходят до предприятий. Учёным кажется, что сам факт государственного финансирования научных организаций свидетельствует о стабильности их положения, хотя при этом трудовые отношения обновляются ежегодно,

и их позиция в научной организации неустойчивая. Доходы учёных – на уровне среднего обывателя, но не среднего класса. В такую среду работать молодёжь не торопится. В аспирантуре подготовка кадров науки неэффективная: доля выпускников, защищающих диссертацию при окончании обучения, стремится к нулю. Нужны срочные меры по реформированию российской науки при помощи её поголовного приобщения к экономической и социальной практике, иначе через 15-20 лет она рассыплется по возрасту.

Библиографический список

1. *Сапрыкин Д. Л.* История инженерного образования в России, Европе и США: развитие институтов и количественные оценки // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. Т. 33, № 4. С. 51–90. EDN [PHCVTZ](#).
2. Индикаторы науки: 2023 : Статистический сборник // Власова В. В., Гохберг Л. М., Дитковский К. А. [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 416 с. ISBN 978-5-7598-2765-8. DOI [10.17323/978-5-7598-2765-8](#).
3. *Кун Т.* Структура научных революций. М. : АСТ, 2020. 320 с. ISBN 978-5-17-122824-8.
4. *Миндели Л. Э., Хромов Г. С.* Научно-технический потенциал России : [в 2 ч]. Часть II. М. : ИПРАН, 2012. 280 с. ISBN 978-5-91294-049-1. EDN [QVHAND](#).
5. *Савинков В. И.* Научно-техническая политика Российского государства и резервы взаимодействия академического, вузовского и предпринимательского секторов науки // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 8–24. DOI [10.19181/nko.2023.29.1.1](#). EDN [OTFULR](#).
6. Российский статистический ежегодник 2006 : стат. сб. М. : Росстат, 2006. 806 с. ISBN 5-89476-222-7130.
7. Прекариат: становление нового класса (опыт социологического анализа) / Ж. Т. Тощенко, Р. И. Анисимов, А. В. Кученкова [и др.]. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с. ISBN 978-5-906001-76-4. EDN [ATVUBE](#).
8. *Воробьева И. В.* Российские ученые: кандидаты в прекариат? // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности. М. : Весь Мир, 2021. С. 199–219. EDN [OXBQSS](#).
9. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полное собрание сочинений в 55 т. Том 18. М. : Политиздат, 1968. 478 с.
10. *Хорган Дж.* Конец науки : Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Пер. с англ. М. В. Жуковой. СПб. : Амфора, 2001. 478 с. ISBN 5-94278-179-6.

Поступила: 21.11.2023. Принята: 19.12.2023.

Сведения об авторах:

Савинков Владимир Ильич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры человеческого капитала и управления персоналом, Российский государственный социальный университет. Москва, Россия. visavinkov@senat.gov.ru
Author ID РИНЦ: [497755](#); ORCID: [0000-0002-1544-1605](#)

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, генеральный директор, Центр социального прогнозирования и маркетинга. Москва, Россия. f-sheregi@inbox.ru
Author ID РИНЦ: [111380](#)

V. I. Savinkov¹, F. E. Sheregi²

¹ Russian State Social University. Moscow, Russia

² Center for Social Forecasting and Marketing. Moscow, Russia

TRENDS IN THE INTEGRATION OF RESEARCHERS INTO THE SOCIAL DIVISION OF LABOR

Abstract. As the functional role of science in the development of the economy expands, specialists of scientific organizations are becoming an increasingly significant subject of the social division of labor. On the basis of open data of official statistics and the results of a nationwide representative study, the authors of the article show that the expansion of the economic role of science workers is accompanied by the transformation of a large part of their intellectual activity into creative engineering for innovative production. At the same time, the labor of the majority of scientists is transforming from exclusive to mass-production, bringing the nature of their living conditions closer to the way of life of workers of mass professions, partly transforming into precarious labor. At the same time, it is shown that the formation of precariat is not a deviation in the classical form of wage labor, but the transformation of the proletariat as a class into precariat, which is also characteristic of scientific workers.

Keywords: scientific workers, innovative production, division of labor, precarious labor, living conditions

For citation: Savinkov V. I., Sheregi F. E. Trends in the integration of researchers into the social division of labor. *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):6–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.1>.

References

1. Saprykin D. L. History of engineering education in Russia, Europe and the USA: development of institutions and quantitative estimates. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. 2012;33(4):51–90. (In Russ.).
2. Vlasova V. V., Gokhberg L. M., Ditkovsky K. A. [et al.]. Science indicators: 2023. Statistical compendium. Moscow: HSE; 2023. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2765-8. DOI [10.17323/978-5-7598-2765-8](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2765-8).
3. Kuhn Th. The structure of scientific revolutions. Moscow: AST; 2020. 320 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-122824-8.
4. Mindeli L. E., Khromov G. S. Scientific and technical potential of Russia. In 2 parts. Part II. Moscow: ISS RAS; 2012. 280 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91294-049-1.
5. Savinkov V. I. Science and technology policy of the Russia and reserves of interaction between academic, university and entrepreneurial sectors of science. *Science. Culture. Society*. 2023;29(1):8–24. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.1).
6. Russian statistical yearbook 2006. Moscow: Rosstat; 2006. 806 p. (In Russ.). ISBN 5-89476-222-7130.
7. Toshchenko Zh. T., Anisimov R. I., Kuchenkova A. V. [et al.]. Precariat: the emergence of a new class. Moscow: Center for social forecasting and marketing; 2020. 400 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-76-4.
8. Vorobyeva I. V. Russian scientists: candidates for precariat? In: Anisimov R. I., Belova N. I., Bulanov M. B. [et al.]. Precarious employment: origins, criteria, features. Moscow: Ves' Mir; 2021. p. 199–219. (In Russ.).
9. Lenin V. I. Materialism and empiriocriticism. Critical notes on one reactionary philosophy. In: Lenin V. I. Complete Works. Vol. 18. Moscow: Politizdat; 1968. 478 p. (In Russ.).
10. Horgan J. The end of science. Facing the limits of knowledge in the twilight of the Scientific Age. St. Petersburg: Amfora; 2021. 478 p. (In Russ.). ISBN 5-94278-179-6.

Received: 21.11.2023. Accepted: 19.12.2023.

Information about the authors:

Vladimir I. Savinkov, doctor of sociology, associate professor, professor of faculty of human capital and personnel management, Russian State Social University. Moscow, Russia.

visavinkov@senat.gov.ru

ORCID: 0000-0002-1544-1605

Franz E. Sheregi, candidate of philosophy, general director, Center for social forecasting and marketing. Moscow, Russia. f-sheregi@inbox.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.2)
EDN [ZRAWXD](https://www.edn.ru/ZRAWXD)
УДК 323.2

Н. В. Мерзликин¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ГРАЖДАНЕ И ЭКСПЕРТЫ О ДОВЕРИИ ИНСТИТУТАМ И ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу уровня доверия российского общества к власти в условиях проведения специальной военной операции России на Украине. События февраля 2022 года стали точкой перелома не только глобальной, но и внутренней российской социально-политической ситуации, ознаменовав начало кардинальных трансформаций в настроениях и общественной позиции граждан России. В таких условиях институт доверия становится одним из важнейших приоритетов в обеспечении устойчивости российской государственности. В основу анализа положено сопоставление данных экспертных опросов, проведённых при участии автора в 2022–2023 годах, с результатами всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» (оба исследования проведены ИСПИ ФНИСЦ РАН). Оценка как экспертного, так и массового социологических опросов позволяет заключить, что общество в большинстве своём осознаёт судьбоносный характер специальной военной операции для будущего страны, поддерживает её. За два года с начала спецоперации выросло доверие граждан к президенту и институтам власти, курс на денацификацию Украины, по оценке экспертов, поддерживают ключевые субъекты гражданского общества (хотя категоричное отношение к спецоперации, – неважно положительное или отрицательное, – постепенно сменяется нейтральным, что может быть обусловлено рутинизацией тематики). На основе анализа динамики экспертных оценок и данных социологического мониторинга автор делает вывод о возникновении в стране новой социальной реальности, отличительной особенностью которой стало формирование устойчивого ядра социальных субъектов, поддерживающих высокий уровень доверия населения к государству, но оно на текущий момент не стало преобладающим и неизменным.

Ключевые слова: доверие, социальная консолидация, уровень доверия, экспертная оценка, специальная военная операция, народное доверие

Для цитирования: Мерзликин Н. В. Граждане и эксперты о доверии институтам и политике российского государства // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 22–34. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.2). EDN [ZRAWXD](https://www.edn.ru/ZRAWXD).

Доверие: теоретико-методологические аспекты анализа. Доверие – один из основных компонентов социально-политической устойчивости России. Под влиянием глобальной геополитической обстановки, Россия вошла в особый этап своего развития, главной задачей которого стала необходимость не только отстаивать свою суверенность, но и кардинально изменить экономическое положение, обеспечить гражданам достойное качество жизни. Необходимым условием для этого становится единение общества и власти, их консолидация, – термин, ставший последние два года постоянным элементом риторики общественных деятелей и политиков¹. Консолидация – это единение на основе согласия и до-

¹ Путин заявил, что России нужна консолидация всего общества // ТАСС. 30 сентября 2022. URL: <https://tass.ru/politika/15921565>; Каверин Д. Спикер СФ Матвиенко заявила, что для защиты суверенитета РФ нужна консолидация общества // Газета.ру. 4 ноября 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/11/04/18955537.shtml>; Вячеслав Володин: главное сейчас – всем объединить силы и возможности // Государственная дума. 21 декабря 2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/56101/>; Чернов А. Политолог: этот год стал годом консолидации и солидарности // Газета.ру. 20 декабря 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/12/20/19317577.shtml> и др. (дата обращения: 16.01.2024).

верия [1], где доверие выступает как необходимое и обязательное условие взаимодействия граждан, общества и государства: «доверие, социальный феномен, становящийся при определённых условиях явлением политической жизни, предпосылкой и результатом безопасности. Их взаимополагание обусловлено принадлежностью к базисным потребностям личности и социума» [2, с. 252]. Принципиально важным в этом определении выступает принадлежность доверия к базисным потребностям как личности, так и общества. Это превращает доверие в обязательный и необходимый атрибут социально-политической устойчивости государства, его безопасности. Доверие общества к власти и социальная напряжённость взаимосвязаны и взаимообусловлены: «энтропия социальных конфликтов ослабляет доверие, недоверие к власти блокирует созидательный порыв общества» [3, с. 63]. Говоря о взаимосвязях, нельзя не упомянуть работы зарубежных исследователей взаимодействия гражданского общества и государства [4; 5; 6], отмечающих, что лишь эффективная обратная связь между государством и институтами гражданского общества обеспечивает социальный диалог и способствует устойчивому развитию социально-политических систем.

Доверие – важнейшая конституционно-правовая ценность, закреплённая в статье 75.1 Конституции Российской Федерации наряду с прочими поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года. Статья гласит: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, *для взаимного доверия государства и общества*, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнёрство, *экономическая, политическая и социальная солидарность*»². Обращает на себя внимание, что наряду с доверием в статье перечислены и другие конституционные ценности социального государства. В прежней редакции Конституции РФ этой статьи не было. Поправки в текст Основного закона через новую статью ориентируют российское общество и власть на необходимость создания в стране условий для устойчивого развития социального государства. При перечислении в статье социально-правовых ценностей социального государства ценность «взаимного доверия государства и общества» идёт на втором месте после таких социальных ценностей как «устойчивый экономический рост страны», «повышение благосостояния граждан». Таким образом доверие выступает эмоционально-психологической основой устойчивости социально-экономического развития страны.

Доверие как необходимое условие взаимодействия государства, общества и гражданина проявляется в таких конституционно-правовых ценностях как доверие граждан к институту выборов, доверие к институту судебной власти, обеспечение и укрепление которых напрямую влияет на характер восприятия обществом легитимности и органов государственной власти [7]. В числе механизмов обеспечения доверия гражданского общества к органам публичной власти можно назвать прозрачность и открытость информации о деятельности [8].

Уровень доверия к власти – один из значимых показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, перечень которых утверждён Указом Президента РФ от 25 апреля 2019 г. № 193. Решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации вхо-

² Конституция Российской Федерации // Президент России: [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 15.12.2023).

дит в полномочия Государственной Думы РФ (пункт «б» части 1 статьи 103, части 4 и 6 статьи 117 Конституции Российской Федерации). «Утрата доверия» как основание для применения меры конституционно-правовой ответственности главы субъекта Российской Федерации в виде отрешения его от должности Президентом Российской Федерации предусмотрена подпунктом «г» пункта 1 статьи 19 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 189-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Роль и значение феномена доверия как предмет научных исследований обусловлены множеством функций в повседневной жизни отдельного гражданина. В научной литературе отсутствует консенсус относительно теоретических подходов к исследованию сложной взаимосвязи объективного и субъективного процесса формирования доверия. Одни видят в доверии основной механизм в функционировании общества [9], другие – в воспроизводстве институциональных отношений [10; 11, с. 180–208], психологи рассматривают доверие в качестве психологического феномена [12]. Широкий круг научных публикаций, посвящённых проблеме доверия в российском обществе, основное внимание уделяют динамике доверия к президенту, правительству, региональным и муниципальным органам власти, информационной сфере, церкви, армии, общественным структурам (см. например, [13; 14]).

Значимость доверия становится решающей в судьбоносные периоды жизни государства, когда повышается потребность в единении общества и власти, институтов гражданского общества и системы властных структур. Именно тогда доверие становится определяющим фактором в обеспечении стабильности и легитимности институтов политической власти, в достижении согласия между государственными органами и гражданским обществом, а в конечном итоге, – в социально-политической устойчивости государства. Подобным судьбоносным периодом стали происходящие в стране после начала специальной военной операции (СВО) трансформации. При этом уровень доверия к власти является значимым фактором, влияющим на представления о геополитическом будущем страны в период проведения СВО [15]. Обращают на себя внимание и данные актуальных исследований, показывающие отсутствие прямой взаимосвязи между отношением респондентов к целям и проведению спецоперации и видением будущего развития России (прозападного или самобытного) [16].

Стратегической целью автора является комплексная объективная оценка актуальных процессов консолидации в стране, фундаментально значимым для которых является уровень доверия общества к власти. В рамках в данной статьи автор ставит задачу анализа результатов общественных и экспертных опросов, посвящённых выявлению отношения опрошенных к общественным структурам и институтам власти, ключевым политическим решениям (а именно, специальной военной операции и её целям), а также задачу рассмотрения социально-политических факторов, способных повлиять на взаимоотношения общества и власти.

Следует отметить, что сложившаяся в научном сообществе практика идёт по пути реализации прямых опросов респондентов, что предполагает, что все респонденты вкладывают одинаковый смысл в показатели социологического инструментария. Избежать неточностей в определении позиций респондентов при анализе их ответов «доверяю», «не доверяю» и «в какой степени» позволяет сопоставление результатов опроса респондентов о деятельности властных структур по позициям «одобряю», «не одобряю» и «в какой мере».

В основу эмпирической базы легли два массива данных:

– Экспертные опросы Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН 2022–2023 гг. На этапе 2022 года приняли участие 206 экспертов, на этапе 2023 года – 120 экспертов, в качестве которых выступили специалисты высокого уровня компетенций: государственные служащие федеральных и региональных органов власти, главы муниципальных образований, представители крупного бизнеса, среднего и малого бизнеса, профессорско-преподавательский состав ведущих российских вузов, учёные РАН. В 2022 году эксперты представляли 25 регионов страны, в 2023 – 15 регионов. Из них, из сферы госслужбы – 10,8%, муниципального управления – 14,2%, управленческих структур сферы науки и образования – 21,7%, из бизнес-среды федерального и международного уровня – 16,8%, из среднего и малого бизнеса – 32,5%, из других сфер – 5%.

– Социологический мониторинг «Как живёшь, Россия?» проводится Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основе территориального размещения выборки лежит экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности на различных этапах составлял 1312–1866 респондентов.

Специальная военная операция: уровень доверия в социологических оценках. В условиях специальной военной операции феномен доверия общества к власти становится определяющим фактором в исследовании социальной основы устойчивости российской государственности. Не случайно поэтому с 2022 года ведущими российскими социологическими центрами проведена серия опросов, рассчитанных на изучение отношения граждан к специальной военной операции, на определение уровня доверия общества к институтам государственной власти. Показательна в этом плане динамика, отражённая в данных социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», позволяющая проследить изменение ответов «до» и «после» начала СВО. Результаты опросов населения показали значимый рост доверия граждан к институтам власти и общественным структурам за последние два года (см. табл. 1).

При анализе данных таблицы 1, обращает на себя внимание обозначившийся в 2022 году резкий рост доверия к Президенту Российской Федерации. Если в 2021 году за доверие в адрес высшего должностного лица государства высказывались 50% респондентов, то в 2022 году – 74%. Высокий уровень доверия зафиксирован и в 2023 году (73%).

При хронологическом переходе через события февраля 2022 года отмечается рост уровня доверия и к структурам президентской власти – Совету Безопасности РФ (46% в 2021 г., 52% в 2023 г.) и Администрации Президента РФ (36% в 2021 г., 47% в 2023 г.). Характерно, что столь резкий рост доверия к этим структурам отмечен впервые с 2016 года, а достигнутые в 2022–2023 годах значения – самые высокие за весь период измерений (с 1992 года). Скачок доверия обозначился и в отношении Правительства РФ, если в 2021 году ему доверяло 35% респондентов, то в 2023 г. – уже 53%. Распространяется тренд на руководителей регионов (39% в 2021 г., 50% в 2023 г.) и органы местного самоуправления (35% в 2022 г., 41% в 2023 г.). Повысился уровень доверия и к законодательной власти. Если в 2021 году Совету Федерации доверяло 27% респондентов, то в 2023 г. – 39%, Государственной Думе – 23% и 34% респондентов соответственно.

Таблица 1

Динамика отношения респондентов к общественным структурам и институтам власти по позиции «доверяю» (РФ, 2016–2023 гг. % от числа опрошенных респондентов)

Общественные структуры и институты власти	2016, VI	2016, XII	2017, VI	2018, V	2018, XII	2019, VI	2020, IX	2021, VI	2022, V	2023, VI	Ранг рейтинга
Президент РФ	68	67	68	68	57	54	61	50	74	73	1
Правительство РФ	42	37	40	41	32	32	44	35	52	53	3
Совет Федерации	33	26	30	32	23	25	30	27	37	39	8
Государственная Дума	20	17	19	17	15	14	23	23	31	34	12
Администрация Президента РФ	36	32	34	37	29	26	35	36	49	47	6
Совет Безопасности	41	36	40	39	33	36	35	46	51	52	4
Общественная палата	18	19	19	18	16	16	18	29	27	35	10
Полиция, суд, прокуратура	14	17	17	16	13	15	20	25	31	37	9
Армия	65	64	69	70	61	64	64	66	72	69	2
Профсоюзы	17	19	15	15	18	18	16	34	35	34	11
Церковь	49	45	45	44	38	39	47	40	46	52	4
Партии, политические движения	11	15	16	13	10	14	17	20	17	22	14
Общественные организации	17	21	25	21	20	23	21	37	30	35	10
Руководители регионов	24	30	29	25	25	31	46	39	43	50	5
Средства массовой информации	16	17	17	18	16	17	16	22	25	27	13
Банковские, предпринимательские круги	10	13	9	10	11	15	9	20	13	22	14
Органы местного самоуправления	–	–	–	–	–	–	–	–	35	41	7

Примечание: (–) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация, 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года. М., 2023. С. 18 [17].

Отдельно отметим структуры, уровень доверия к которым упал с началом спецоперации. К ним относятся банковские/предпринимательские круги и общественные организации (-7 п.п. в 2022 году по отношению к 2021 году), а также партии/политические движения (-3 п.п. в 2022 году по отношению к 2021 году). Причиной этому могла послужить неоднородная реакция и действия представителей этих структур в условиях неопределённости первых месяцев после начала

спецоперации. При этом, на этапе опросов 2023 года снова отмечен уверенный рост доверия ко всем указанным структурам. И если общественные организации почти сумели вернуться к показателям 2021 года, то партии/политические движения и банковские/предпринимательские круги добились в 2023 году уровня доверия, превышающего показатели 2021 года (табл. 1).

Стоит обратить внимание также на высокий уровень доверия к Армии и Церкви, ставших в ходе специальной военной операции стержневой основой эмоционально-патриотического и духовного потенциала в стране.

Отмеченная тенденция свидетельствует о возникновении в ходе специальной военной операции новой социальной реальности, отличительной особенностью которой стало повышение уровня доверия граждан ко всем институтам власти в стране. Усиление доверия к консолидирующей роли Президента Российской Федерации и кристаллизирующегося вокруг него ядра властной вертикали обусловило повышение социально-политической устойчивости всей политической системы страны.

Атмосфера доверия общества к институтам государственной власти зависит не только от общественных настроений в социуме, но и от характера восприятия деятельности институтов государства со стороны ключевых социальных субъектов правящего класса. Это обуславливает необходимость дифференцированного анализа феномена доверия с учётом позиций социально активных сил из управленческой среды. Исходя из этого, Центр социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН провёл в 2022–2023 годах социологические опросы экспертов из числа занятых в федеральных и региональных структурах власти, в органах местного самоуправления, в сфере бизнеса федерального и международного уровня, в среднем и малом бизнесе, в управленческих органах науки и образования. Особенностью проведённого исследования стало то, что эксперты давали дифференцированную оценку отношения ключевых субъектов гражданского общества к целям специальной военной операции с учётом их социального статуса (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика оценки экспертами уровня поддержки специальной военной операции
(эксперты, 2022 г. N=206; 2023 г. N=120. % от числа опрошенных)

В какой мере, на Ваш взгляд, курс на демилитаризацию и денацификацию Украины поддерживается следующими субъектами гражданского общества?	В малой мере		В средней мере		В высокой мере	
	2022	2023	2022	2023	2022	2023
Государственный сектор экономики	15,1	10,0	20,0	25,8	64,9	64,2
Крупный корпоративный бизнес	34,7	30,0	32,7	52,5	32,6	17,5
Средний и малый бизнес, предприниматели	50,4	30,0	29,4	35,0	25,2	35,0
Представители органов государственной власти и местного самоуправления	14,7	15,9	17,6	26,9	67,7	57,1
Политические партии и общественные движения	12,2	18,4	28,3	25,0	59,5	56,7
Сфера науки и образования	35,3	29,4	32,8	42,0	31,5	28,6
Информационный сектор, IT специалисты	51,9	39,2	30,9	36,7	16,2	28,2

Окончание табл. 2

В какой мере, на Ваш взгляд, курс на демилитаризацию и денацификацию Украины поддерживается следующими субъектами гражданского общества?	В малой мере		В средней мере		В высокой мере	
	2022	2023	2022	2023	2022	2023
Активные участники интернет-среды, социальных сетей, блогеры	47,8	37,8	16,7	42,0	25,8	20,1
Медиасфера: телевидение, радио, массовая печать, журналисты, комментаторы	13,8	17,8	18,7	31,4	66,5	60,9
Активисты гражданских и политических объединений и организаций	42,2	15,4	25,5	45,3	32,8	39,3
Сфера массовой культуры и шоу-бизнеса	33,6	47,0	42,0	41,0	24,4	12,0
Граждане страны в целом	33,6	14,8	30,7	43,6	44,9	41,9

Примечание: Результаты по позициям «в наименьшей мере» и «в невысокой мере» объединены в группу «в малой мере», результаты по позициям «в высокой мере» и «в наивысшей мере» объединены в группу «в высокой мере».

Источник: Центр социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В данных таблицы 2 обращает на себя внимание оценка экспертами тех социальных субъектов, деятельность которых непосредственно связана с системой государственного управления. Лидирующие места по параметру поддержки «в высокой мере» оба рассмотренных года занимают представители органов государственной власти и местного самоуправления, государственный сектор экономики и медиасфера (телевидение, радио, журналисты и комментаторы). Следующее место по уровню поддержки в оценках экспертов занимают политические партии и общественные движения. Значимо, что в верхней части ранговой шкалы по параметру «в высокой мере» поддержки находятся «граждане страны в целом». По существу, всё это и есть стержневая основа социальной базы специальной военной операции.

Напротив, невысоко оценили эксперты уровень поддержки спецоперации со стороны массовой культуры и шоу-бизнеса, социальных сетей, блогеров и пр. Причём, нечастые оценки 2022 года «в высокой мере» в их отношении ещё больше снижаются к 2023 году. Так, сфера массовой культуры и шоу-бизнеса получила в 2022 году 24,4% экспертных оценок в пользу высокой меры поддержки СВО, а в 2023 году это значение снизилось вдвое – до 12%. Невысокая оценка уровня поддержки участников интернет-среды, в свою очередь, во многом обусловлена объёмом разностороннего, зачастую недружественного, информационного воздействия [18], – это тревожный показатель, учитывая высокое влияние интернет-контента на молодёжь.

Диссонансом в экспертных оценках выступает уровень поддержки спецоперации со стороны науки и образования, «в высокой мере», по мнению экспертов, цели СВО поддерживают в 2023 году не более 28,6% представителей этих сфер. На формировании оценки неизбежно сказались последовавшие за началом СВО санкции, ограничившие участие российской науки в глобальной системе международного сотрудничества, международных программах научных исследований, а сферы образования – в международном студенческом обмене, нарушив международные связи российской науки и образовательных учреждений, что неизбежно отразилось на отношении занятых в данной сфере [19].

Такое положение свидетельствует о наличии социальной уязвимости российской государственности в лице занятых в бюджетной сфере, слоя, который раньше было принято называть «интеллигенцией» [19]. Опасение вызывает и резкое – почти вдвое, с 32,6% в 2022 г. до 17,5% в 2023 году – снижение оценки экспертами уровня поддержки целей СВО «в высокой мере» со стороны крупного корпоративного бизнеса, традиционно обладающего рычагами воздействия на политические решения.

Динамика экспертных оценок показывает смещение оценок с полярных позиций («в малой мере», «в высокой мере») в сторону увеличения числа нейтральных оценок («в средней мере»). В этом отношении выделяется оценка уровня поддержки со стороны крупного корпоративного бизнеса: оценка «в малой мере» сократилась за год с 34,7% до 30,0%; оценка «в высокой мере», как уже отмечено выше, фактически рухнула с 32,6% до 17,5%; соответственно оценка поддержки «в средней мере» поднялась с 32,7% в 2022 году до 52,5% в 2023 году. Прослеживается эта тенденция и по другим субъектам гражданского общества.

Произошли изменения в экспертной оценке позиции информационного сектора, IT-специалистов. Если в 2022 году подавляющая часть экспертов (51,9%) считала характерной для них поддержку целей СВО лишь «в малой мере», то в 2023 году ситуация изменилась. Более трети экспертов (36,7%) отметило «средний» уровень поддержки, а 28,7% – поддержку «в высокой мере» (в 2022 г. – 16,2%), что можно объяснить беспрецедентным уровнем поддержки и предпочтений, выданных IT-специалистам в мотивационных целях для скорейшего нивелирования негативных эффектов от объявленных санкций [18].

С позиции определения устойчивости российской государственности принципиально важной выступает оценка экспертами уровня доверия общества к власти (см. табл. 3).

Как следует из данных таблицы 3, по оценкам значительной доли экспертов (46,7%) в обществе сформировался «высокий и наивысший» уровень доверия к государству. Пятая часть экспертов (20,8%) оценила уровень доверия «в наименьшей и малой мере», треть (32,5%) отметила «средний уровень доверия». Из анализа распределения экспертных оценок следует, что в обществе сложилось устойчивое ядро социальных субъектов, поддерживающих высокий уровень

Таблица 3

Экспертные оценки уровня доверия общества к власти
(эксперты, 2023 г. N=120. % от числа опрошенных)

Доверие в системе отношений власти и общества – основополагающий принцип в обеспечении государственной устойчивости. Как бы Вы оценили уровень доверия общества к власти в условиях проведения СВО?	2023
В наименьшей мере	2,5
В малой мере	18,3
В средней мере	32,5
В высокой мере	37,5
В наивысшей мере	9,2

Источник: материалы экспертного опроса Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

доверия населения к государству, но оно не стало преобладающим. По мнению большинства экспертов (53,3%) уровень доверия общества к власти оценивается по параметрам «в наименьшей, малой и средней мере».

В целом же, как это следует из сопоставления экспертных оценок с данными массового опроса респондентов, можно сделать следующий вывод: настроение российского общества и уровень его доверия к властям тесно связаны с изменениями, которые наблюдаются во внешней и внутренней политике государства. В острой для страны геополитической ситуации общество осознает опасность разобщённости населения и власти, лишения государства своей поддержки. Болезненное восприятие разрушения Советского Союза, потерявшего в последний период своего существования поддержку гражданского общества, воздействует на общественное сознание, ориентирует на защиту российской государственности, повышение его устойчивости.

Главный вызов для России сейчас – это противоречия между курсом В. Путина на державность, патриотизм, культурно-историческое ядро русской истории и неолиберальными аспектами политики в экономике. В экспертном сообществе отмечается, что основные вызовы устойчивости российской системы властных отношений, процессу доверия общества к власти находятся в области взаимодействия системы госуправления и бизнеса. Наличие социальных напряжений в этой сфере и экспертная оценка их остроты обозначены в таблице 4.

Таблица 4

**Иерархия социально-политических факторов отрицательного влияния на отношение общества и власти (эксперты, 2023 г. N=120. % от числа опрошенных.
Ранжировано по параметру «в высокой мере»)**

Новая социальная реальность предъявляет повышенные требования к сфере государственного управления и к бизнес-сообществу. В какой мере на процессе управления отрицательно влияют следующие факторы?	В малой мере	В средней мере	В высокой мере	Ранг
Низкая нацеленность верхнего слоя управленческой и экономической элит на восприятие и реализацию стратегии прорыва в развитии страны	19,1	27	53,2	1
Наличие противоречий между производственным сектором экономики и банковской сферой	20	34,2	45,8	2
Борьба за влияние внутри бизнес-элиты двух сил: с одной стороны, ориентированных на западные глобальные элиты и с другой, – увязывающих свои интересы с укреплением позиций российского капитала, с ростом потенциала российской экономики	18,3	30,0	41,7	3
Влияние на российские бизнес-структуры зарубежных акционеров и инвесторов	28,3	30,0	41,6	4
Наличие в управленческой среде латентной социальной группы из приверженцев идей западного глобализма, внутреннее надеющийся на восстановление прежних отношений с Западом	31,7	30,8	37,5	5

Примечание: Результаты по позициям «в наименьшей мере» и «в невысокой мере» объединены в группу «в малой мере», результаты по позициям «в высокой мере» и «в наивысшей мере» объединены в группу «в высокой мере».

Источник: материалы экспертного опроса Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Из анализа данных таблицы следует низкая оценка экспертами нацеленности верхнего слоя управленческой и бизнес-элиты на восприятие и реализацию стратегии прорыва в развитии страны. Более половины (53,2%) экспертов дали такую оценку этому фактору. В массовом сознании слабая результативность государственных программ, национальных проектов увязывается с данным фактором.

Значимым по своему негативному воздействию, по мнению экспертов, выступает наличие противоречий между производственным фактором экономики и банковской сферой. По параметрам «в средней мере» и «в высокой мере» деструктивность этого фактора оценило в совокупности 80% экспертов.

Отдельную группу составляют факторы, отражающие наличие в обществе социальной среды для влияния на управленческий процесс в стране со стороны социальных субъектов, ориентированных на увязывание своих интересов с Западом. К их числу относятся: наличие внутри бизнес-элиты борьбы за влияние двух сил: ориентированных на западные глобальные элиты и социальных сил, увязывающих своё благополучие с укреплением позиций российского капитала, ростом российской экономики. Совокупное отрицательное влияние этого фактора по параметрам «в средней мере» и «в высокой мере» оценило 71,7% экспертов. К этой же группе можно отнести фактор «наличия в управленческой среде латентной социальной группы из приверженцев восстановления прежних отношений с Западом». Деструктивность данного фактора оценило 68,3% экспертов, из них оценку «в средней мере» выбрали 30,8%, «в высокой мере» – 37,5%

Приведённые данные показывают, что важнейшей задачей в современный период становится обеспечение суверенности управленческого процесса внутри российского общества, ориентация его на потребности российской национальной экономики. Именно это выступает основой доверия российского общества к управленческому классу страны.

Заключение. За два года с начала спецоперации выросло доверие граждан к президенту и институтам власти, курс на денацификацию Украины, по оценке экспертов, поддерживают ключевые субъекты гражданского общества (хотя категоричное отношение к спецоперации, – как положительное, так и отрицательное, – постепенно сменяется нейтральным, что может быть обусловлено рутинизацией тематики). Некоторые опасения вызывает резкое изменение оценки экспертами уровня поддержки целей спецоперации со стороны крупных корпораций (снижение с 32,6% в 2022 г. до 17,5% в 2023 г.), традиционно обладающих рычагами воздействия на политические решения.

Специальная военная операция обозначила тот временной период в жизни страны, когда институт доверия превращается в ключевой фактор достижения государством своих стратегических целей. Доверие выступает в условиях СВО не только морально-этической категорией, но и одним из важнейших приоритетов в обеспечении устойчивости российской государственности. Общество осознаёт судьбоносный характер спецоперации для будущего страны, необходимость единения, укрепления доверия между гражданами и властью. Всё это выносит проблему сохранения и развития в обществе атмосферы доверия на уровень государственной политики. Приоритет общегосударственных ценностей в стратегии развития становится решающим даже в условиях наличия значимых противоречий между властью и населением. Таким образом, специальная военная операция обусловила формирование в российском обществе новой социально-политической реальности, отличительной способностью которой стала атмосфера единения, сплочённости и поддержки курса, направленного на обеспечение суверенного развития страны.

Библиографический список

1. Воржецов А. Г. Проблемы консолидации современного российского общества // Власть. 2016. Т. 24, № 7. С. 148–152. EDN [WHYILH](#).
2. Канто А. С. Мир = Peace = Paz = Paix : энциклопедия : [в 2 т.]. Т. 1. А-М. М. : Академия, 2008. 495 с. ISBN 5-902936-13-8. EDN [QKHWBD](#).
3. Ильичева Л. Е., Лапин А. В. Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 50–67. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](#). EDN [UZXUSM](#).
4. Ray L. State and civil society: civil society and the public sphere // The Blackwell companion to political sociology / Ed. by K. Nash, A. Scott. Wiley-Blackwell, 2008. P. 219–229. DOI [10.1002/9780470696071.ch20](#).
5. Black A. Guild and state: European political thought from the twelfth century to the present. New York : Routledge, 2017. 320 p. DOI [10.4324/9780203790373](#).
6. van Rensburg A. J. The Political Economy of Mental Illness in South Africa. London : Routledge, 2021. 184 p. DOI [10.4324/9780429201455](#).
7. Матвиенко В. И. Решение научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по итогам заседания на тему «Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства» // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2021. № 1(761). С. 67–70.
8. Гупорова А. Н. Аналитическое информирование граждан как фактор повышения народного доверия к деятельности органов государственной власти // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 438–441. EDN [NUOHJW](#).
9. Штомка П. Доверие – основа общества / Пер. с польск. Н. В. Морозовой. М. : Логос, 2012. 445 с. ISBN 978-5-98704-495-7. EDN [QONPXD](#).
10. Пушкарева Г. В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 151–175. DOI [10.24411/2070-1381-2019-10008](#). EDN [KJDUSW](#).
11. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](#). EDN [ORTSAQ](#).
12. Скрипкина Т. П. Психология доверия. М. : Академия, 2000. 264 с. ISBN 5-7695-0647-4. EDN [QXTIOJ](#).
13. Киселев В. О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6(124). С. 51–64. DOI [10.14515/monitoring.2014.6.05](#). EDN [TLOKEB](#).
14. Козырева П. М., Смирнов А. М. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблемы оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. № 1(12). С. 79–99. EDN [TMETEV](#).
15. Великая Н. М., Тартыгашева Г. В., Новоженина О. П. Представления о геополитическом будущем России как фактор консолидации российского общества // Регионология. 2023. Т. 31, № 2(123). С. 275–293. DOI [10.15507/2413-1407.123.031.202302.275-293](#). EDN [TXSBSX](#).
16. Андреев А. Л., Андреев И. А., Слободенюк Е. Д. Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 104–119. DOI [10.17976/jpps/2024.01.08](#). EDN [VUHIXY](#).
17. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53-й этап социологического мониторинга, июнь 2023 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023](#). EDN [UVGWIE](#).
18. Левашов В. К., Гребняк О. В. Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2(30). С. 204–213. DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-204-213](#). EDN [KHJIBR](#).
19. Мерзликин Н. В., Иванов А. В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 85–96. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.7](#). EDN [UAVMUP](#).

Поступила: 09.02.2024. Доработана: 11.03.2024. Принята: 15.03.2024.

Сведения об авторе:

Мерзликин Николай Васильевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. merzlikin37@bk.ru
Author ID РИНЦ: 73106

N. V. Merzlikin¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

CITIZENS AND EXPERTS ON TRUST IN THE INSTITUTIONS AND POLICIES OF THE RUSSIAN STATE

Abstract. The article is devoted to the sociological analysis of the level of trust of the Russian society to the authorities in the conditions of Russia's special military operation in Ukraine. The events of February 2022 became a turning point not only in the global, but also in the internal Russian socio-political situation, marking the beginning of cardinal transformations in the mood and public position of Russian citizens. Under such conditions, the institution of trust becomes one of the most important priorities in ensuring the sustainability of the Russian statehood. The analysis is based on the comparison of data from expert surveys conducted with the author's participation in 2022-2023 with the results of the all-Russian sociological monitoring "How are you, Russia?" (both studies were conducted by ISPR FCTAS RAS). The assessment of both expert and mass sociological surveys allows us to conclude that the majority of society understands the crucial nature of the special military operation for the future of the country and supports it. Over the two years since the beginning of the special operation, citizens' trust in the president and the institutions of power has grown, the course for the denazification of Ukraine, according to experts, is supported by key actors of civil society (although the categorical attitude to the special operation, whether positive or negative, is gradually being replaced by a neutral one, which may be due to the routinisation of the subject). Based on the analysis of the dynamics of expert assessments and sociological monitoring data, the author concludes that a new social reality has emerged in the country, the distinctive feature of which is the formation of a stable nucleus of social actors that maintain a high level of public trust in the state, but it has not become prevalent and unchanged at the moment.

Keywords: trust, social consolidation, level of trust, expert assessment, special military operation, people's trust

For citation: Merzlikin N. V. Citizens and experts on trust in the institutions and policies of the Russian state. *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):22–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.2>.

References

1. Vorzhetsov A. G. Consolidation problems of the modern Russian society. *Vlast'*. 2016;24(7):148–152. (In Russ.).
2. Kapto A. S. Peace = Paz = Paix. Encyclopedia in 2 vols. Vol. 1. A-M. Moscow: Academia; 2008. (In Russ.). ISBN 5-902936-13-8.
3. Ilicheva L. E., Lapin A. V. Trust in the authorities and social consolidation of society. *Science. Culture. Society*. 2022;28(3):50-67. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.4).
4. Ray L. State and civil society: civil society and the public sphere. In: Nash K., Scott A., eds. *The Blackwell companion to political sociology*. Wiley-Blackwell; 2008. P. 219–229. DOI [10.1002/9780470696071.ch20](https://doi.org/10.1002/9780470696071.ch20).
5. Black A. Guild and state: European political thought from the twelfth century to the present. New York: Routledge; 2017. DOI [10.4324/9780203790373](https://doi.org/10.4324/9780203790373).
6. van Rensburg A. J. *The Political Economy of Mental Illness in South Africa*. London: Routledge; 2021. DOI [10.4324/9780429201455](https://doi.org/10.4324/9780429201455).

7. Matvienko V. I. Decision of the Scientific-Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on the results of the meeting on the topic "Trust as a critical factor in achieving strategic goals of socio-economic and political development of the state". *Analiticheskij vestnik Soveta Federacii Federal'nogo Sobrańija RF*. 2021;(1):67-70. (In Russ.).
8. Gutorova A. N. Analytical informing of citizens as a factor of increasing public confidence in the activities of public authorities. *Juridicheskaja tekhnika*. 2024;18:438–441. (In Russ.).
9. Sztompka P. Zaufanie – fundament społeczeństwa. Moscow: Logos; 2012. (In Russ.). ISBN 978-5-98704-495-7.
10. Pushkareva G. V. Trust in the Public Space of Government. *Public Administration. E-journal (Russia)*. 2019;(76):151–175. (In Russ.). DOI [10.24411/2070-1381-2019-10008](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10008).
11. Berezina N. V., Bogdanov I. Ya., Velikaya N. M. [et al.] Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023).
12. Skripkina T. P. Psychology of trust. Moscow: Academy; 2000. (In Russ.). ISBN 5-7695-0647-4.
13. Kiselev V. O.. Trust in Russian political institutions: sociological monitoring case study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2014;(6):51–64. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2014.6.05](https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.05).
14. Kozyreva P. M., Smirnov A. M. Political trust in Russia: peculiarities and problem of optimality. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2015;(1):79–99. (In Russ.).
15. Velikaya N. M., Tartygasheva G. V., Novozhenina O. P. Ideas about the Geopolitical Future of Russia as a Factor of Russian Society Consolidation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):275–293. (In Russ.). DOI [10.15507/2413-1407.123.031.202302.275-293](https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.275-293).
16. Andreyev A. L., Andreev I. A., Slobodenyuk E. D. Division and consolidation in Russian society resulting from the Russian special military operation. *Polis. Political Studies*. 2024;(1):104–119. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2024.01.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08).
17. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] How are you, Russia? Express information. 53rd stage of the sociological monitoring, June 2023. Moscow : FCTAS RAS: 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023).
18. Levashov V. K., Grebnyak O. V. Current changes in social media and the digital environment during a special military operation in Ukraine. *Social'nye i gumanitarnye znania*. 2022;8(2):204–213. (In Russ.). DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-204-213](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213).
19. Merzlikin N. V., Ivanov A. V. Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment). *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):85–96. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7).

Received: 09.02.2024. Corrected: 11.03.2024. Accepted: 15.03.2024.

Information about the author:

Nikolay V. Merzlikin, candidate of philosophy, leading researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
merzlikin37@bk.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.3)
EDN [NCUVFE](#)
УДК 316.3+001.89

К. А. Галкин¹, Е. Н. Рассолова¹

¹ Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия

ВОЛОНТЕРЫ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА NATURE

Аннотация. В статье представлен наукометрический анализ публикаций по гражданской науке, – то есть проведённых с участием непрофессиональных учёных, – размещённых на портале журнала Nature, с целью выявления основных направлений и тематических трендов в сфере гражданской науки за последние 5 лет. В статье обозначены ключевые тематические кластеры, которым относятся рассмотренные публикации, проанализированы тематические направления в каждом из представленных кластеров. Поиск был осуществлён на английском языке среди публикаций, размещённых на портале в период с 2019 по 2023 годы. Результат представлен с использованием компьютерной визуализации и таблицы ключевых тем рассматриваемых публикаций, в перспективе планируется расширение исследования и построение тематической карты и схемы ключевых трендов как за рубежом, так и по России. Как показал проведённый анализ, ключевыми темами, в разработку которых включались исследователи из числа волонтеров, в последние 5 лет стали охрана и защита окружающей среды, публикации, посвящённые биологическому разнообразию и проблемам изменения климата, а также анализу данных в экологии. Авторы отмечают повсеместно возрастающий интерес к поиску научных волонтеров для проведения исследований, а также растущую роль исследователей-волонтеров. Участие непрофессиональных учёных стимулирует переход к междисциплинарным исследованиям и способствует применению различных исследовательских методик. Отмечаются тенденции трансформации роли исследователей-волонтеров от статуса рядовых полевых исследователей до полноценных участников исследовательской работы.

Ключевые слова: наукометрический анализ, гражданская наука, научное волонтерство, волонтеры, исследование гражданской науки, публикации по гражданской науке, журнал Nature

Для цитирования: Галкин К. А., Рассолова Е. Н. Волонтеры-исследователи в современной науке: анализ публикаций журнала Nature // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 35–45. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.3). EDN [NCUVFE](#).

Введение. В последние десятилетия в поле общественных дисциплин отмечается интерес к гражданской науке (научное волонтерство), определённой А. Ирвином как «наука, в рамках которой ключевую роль играют исследователи-волонтеры, совершающие открытия и создающие возможности для учёных-профессионалов» [1]. В виду того, что научная мысль имеет гораздо больший след в истории, чем профессиональная наука, то всех исследователей, естествоиспытателей и экспериментальных философов более раннего времени следует считать любителями [2]. Так, в биографиях известных учёных и исторических источниках о первых исследовательских обществах (например, Лондонское королевское общество) содержатся сведения об исследованиях, авторы которых не были профессиональными учёными, так как

наука представляла для них форму интеллектуального досуга [3]. В процессе разделения исследований на любительские и профессиональные в конце XIX века произошло выделение института учёных-профессионалов. Это привело к формированию особых форм коммуникации и лексики, принятой в профессиональном научном сообществе, а также к созданию режимов доступа для исследователей-волонтёров [4; 5]. В первой половине XX века производство научных знаний было монополизировано. После Второй мировой войны наметился переход к более открытой форме науки. В разных странах мира в тот период времени разрабатывались целые системы привлечения новых участников научных исследований из числа добровольцев [5]. Изначально исследователи-волонтёры привлекались в целях реализации различных образовательных программ. Со временем сферы участия добровольцев расширялись, что приводило к повышению их статуса до авторов самостоятельных исследовательских программ. С тех пор количество инициатив и проектов гражданской науки в мире неуклонно растёт. На сегодняшний день объективные количественные данные, позволяющие судить о распространённости данного явления в мире, малочисленны, однако отмечается рост количества научных публикаций, посвящённых теме гражданской науки [6; 7]. Это открывает возможности осмысления качества взаимодействия профессиональных учёных и исследователей-любителей. При этом в публикациях фиксируются сложности преодоления монополии профессиональной науки на право первенства в научных исследованиях [8]. Результаты таких исследований публиковались в профессиональных периодических изданиях, где основными авторами были указаны профессиональные учёные, а роль исследователей-волонтёров упоминалась лишь эпизодически.

Затем произошло значительное расширение сфер участия научных волонтёров, которые стали самостоятельно выдвигать исследовательские программы и проекты. Новые технологии привели к развитию новых каналов коммуникации и упрощённому доступу для исследователей-волонтёров, которые смогли делиться результатами своей деятельности, используя Интернет, и, особенно, социальные сети [9; 10]. Вместе с тем монополия на признание после публикации статей в специализированных изданиях сохранилась, что побудило исследователей-волонтёров объединяться с профессионалами для большей авторитетности полученных результатов. Для авторов, занимающихся изучением гражданской науки, это открывает возможности для систематизации таких публикаций, создания их тематической классификации и применения методов наукометрического анализа.

Комплексное исследование особенностей развития гражданской науки на современном этапе мы начинаем с обзора существующих публикаций по данной теме в одном из старейших (выпускается с 1869 года) общенаучных изданий, авторитетных как для профессиональных учёных, так и для исследователей-волонтёров, – журнала *Nature*. Выбор издаваемого в Великобритании журнала обусловлен тем, что на текущий момент за рубежом гражданская наука развивается гораздо быстрее чем в России. Однако как за рубежом, так и в отечественной научной литературе отсутствует комплексный взгляд на описание и систематизацию ключевых исследовательских направлений в сфере гражданской науки. Наше исследование было проведено с целью обнаружения основных предметных областей, находящихся в фокусе исследовательского интереса профессиональных учёных и волонтёров для начала масштабного картирования публикаций по гражданской науке как в России, так и за её пределами.

Обзор литературы. Исследованиям гражданской науки посвящено множество публикаций, что свидетельствует о популярности настоящей темы и возросшем интересе к ней. В большинстве работ можно обозначить два подхода к изучению гражданской науки. Первый связан с пониманием важности развития гражданского общества через включение непрофессиональных исследователей в инициативы гражданской науки [11; 12; 13]. Этот подход рассматривает перспективы любительской науки, в первую очередь, исходя из совершенствования механизма государственного управления и сокращения монополии на открытия и исследования, закреплённой ещё с начала XX века за профессиональными учёными [14; 15].

Второй подход применяется преимущественно в исследованиях по социологии науки и социологии профессий. Сектор любительских научных изысканий рассматривается как возможность развития самой науки. Применение данного подхода, как правило, сопряжено с количественными исследованиями и связано с тем, что некоторые авторы рассматривают вклад энтузиастов и волонтеров в профессиональную науку, обращаясь к содержанию их публикаций [16; 17; 18; 19]. В рамках этого направления применяется наукометрический анализ и исследуется специфика того, какой вклад вносят непрофессиональные исследователи.

В отечественных исследованиях характерно применение первого подхода, рассматривающего инициативы научного волонтерства с позиций гражданского участия. Это может представлять некоторую оппозицию профессиональной науке, идти вразрез с официальными научными исследованиями, особенно в сфере гуманитарных дисциплин.

Следует отметить, что, несмотря на рост числа публикаций, посвящённых теме гражданской науки, их наукометрическое измерение немногочисленно [20; 21]. Приоритетное значение имеют зарубежные исследования, рассматривающие на основании метода наукометрии количество публикаций, их темы и связанность ключевых слов по тематике гражданской науки [22]. Как правило, подобные публикации носят обзорный характер и в своём большинстве связаны с изучением самих исследований. Также в данной группе существует отдельный пул работ, посвящённых практическим рекомендациям для университетов и исследовательских центров по развитию инициатив гражданской науки [23; 24; 25]. Также в этой области отмечается важность применения новых цифровых технологий [26].

Бурный рост эмпирических исследований нуждается в осмыслении и формировании теоретического аппарата. Значение также имеют работы по изучению взаимодействия различных акторов в гражданской науке и тематическое картирование распределения и ранжирования степени влияния различных сфер в данной области [27; 28]. Важным представляется поиск теоретической обоснованности категории «гражданская наука» и её включение в терминологические аппараты других научных дисциплин. Основываясь на определении, предложенном А. Ирвином, гражданская наука представляет собой действия, направленные на демократизацию процесса научных исследований и их переориентацию на решение общественно важных проблем и задач, а также на расширение образовательного и исследовательского потенциала исследователей-волонтеров. Нередко к этому определению присоединяют и анализ данных, предоставленный волонтерами. Однако одним из недостатков столь общего концепта можно считать отсутствие тематической направленности. В данном контексте подобное определение выглядит как попытка привести все исследования в сфере гражданской науки к общему знаменателю, в результате чего возникают сложности с определениями границ и сфер участия исследователей-волонтеров в рамках раз-

личных научных дисциплин. В настоящее время ряд авторов предлагает определять этот концепт не как единый и имеющий общие свойства и признаки, а как конструкт, который трансформируется по своему содержанию в зависимости от дисциплинарного поля и сферы науки [29; 30]. Например, идеи гражданской науки в Великобритании в её классическом понимании интегрированы в мероприятия по защите окружающей среды и обеспечению экологической безопасности. При этом имеет значение количество проектов и публикаций, в которые вовлечены энтузиасты, ставящие перед собой цель сформировать дисциплинарное поле науки [31]. В 2015 году Европейской ассоциацией гражданской науки были утверждены принципы, провозгласившие расширение участия различных акторов и важность получения взаимовыгодного результата на основании обмена данными, основанного на значимости оценки реализации проектов научного волонтерства [32]. Для достижения объективности этой оценки нельзя обойти стороной публикационную активность, в которую вовлечены исследователи-волонтеры. Следует отметить, что новейшие работы в сфере гражданской науки расставляют акценты не только на производстве данных, но и их результативном управлении, невозможном без оценки публикационной эффективности исследователей-волонтеров. С этой целью необходимо проводить анализ позитивных и негативных случаев публикационной активности и, в целом, способствовать взаимодействию профессионалов и волонтеров в рамках подготовки текстов.

Методология и эмпирическая база. Исследование было проведено с целью выделения основных предметных областей, находящихся в фокусе публикаций, посвящённых изучению гражданской науки и имеющих в качестве соавторов исследователей-волонтеров. Источником публикаций был выбран портал журнала Nature [<https://www.nature.com>]. Выбор для анализа публикаций портала Nature методологически обусловлен тем, что журнал изначально был ориентирован на создание коммуникационных мостов между профессиональными исследователями, волонтерами и общественностью. Также следует отметить, что данный журнал поддерживает многие инициативы гражданской науки различного спектра, что отражается и на пуле текстов. Были отобраны публикации за последние 5 лет (период с 2019 по 2023 гг.), так как за это время произошли определённые трансформации, повлиявшие на изменение векторов развития гражданской науки, например, пандемия COVID-19. Для фильтрации публикаций был составлен набор ключевых слов, который включал следующие словосочетания: «гражданская наука»; «инициативы гражданской науки»; «проекты гражданской науки»; «участие исследователей-волонтеров в научных исследованиях». В рамках предварительно сформированных поисковых запросов на портале было установлено, что подобные термины часто встречаются в ключевых словах статей по разным научным направлениям. Для визуализации полученных результатов применены программа VOSviewer и инструменты облака слов. Выбранное программное обеспечение и методы анализа доказали свою эффективность в описании библиографических данных по различным тематикам, а также релевантность и универсальность применения этой методологии. Ключевой задачей в рамках исследования стало разделение публикаций по блокам и определение тематических кластеров, которые представлены в эмпирической части.

Результаты исследования. В результате анализа по искомым ключевым словам за пятилетний период было обнаружено 1000 публикаций. В таблице 1 представлено сопоставление количества публикаций с различными дисциплинарными направлениями.

Таблица 1

Распределение количества научных публикаций по тематическим направлениям и отраслям знаний

Тематическое поле	Количество публикаций	Отрасль знания/научная дисциплина
Исследования защиты окружающей среды (environment)	475	Экология; биология; микробиология; биофизика; биоразнообразие
Анализ данных	146	Биология; компьютерные науки и исследования; исследования суперкомпьютеров и квантовых компьютеров
Анализ влияния	98	Экология и науки об охране окружающей среды; биология; медицина
Климатические изменения	100	Экология и науки об охране окружающей среды; биологические науки; биофизика; науки о Земле
COVID-исследования	58	Медицина; науки о здоровье; биология; психология
Гражданское участие и гражданская наука	55	Экология и науки об охране окружающей среды; исследования НКО; социология и исследования волонтерства и гражданского участия
Глобальные исследования	68	Экология и науки об охране окружающей среды; глобальная безопасность; политология

Источник: данные авторского поиска по portalу журнала Nature.

Отбор публикаций осуществлялся за период с 2019 по 2023 гг. Для поиска были использованы ключевые словосочетания: «гражданская наука»; «инициативы гражданской науки»; «проекты гражданской науки»; «участие исследователей-волонтеров в научных исследованиях».

Как видно из таблицы 1, в публикациях на портале Nature, посвящённых гражданской науке и включению непрофессиональных исследователей в научную работу, за последние пять лет лидируют публикации, посвящённые защите окружающей среды и изменению климата, а также исследования в области экологии. Среди последних тенденций можно отметить рост количества публикаций, посвящённых теме COVID-19. Эти работы представлены широким дисциплинарным полем: от медицинских исследований до психологических, когда исследователи-волонтеры изучают специфику переживания пандемии и фиксируют в дневниках наблюдений свои состояния, связанные с изоляцией и карантинными ограничениями.

Наш особый исследовательский интерес был связан с обозначением тематических кластеров, характеризующих всё поле публикаций, в которые вовлечены непрофессиональные исследователи на портале Nature. Для этого с применением инструментария программы VOSviewer были разработаны карты совпадения ключевых слов. Далее, на основании совпадений по ключевым словам были обо-

значены тематические кластеры. Всего было выделено три кластера, объединяющих ключевые темы.

Первый кластер – **«Защита окружающей среды»**. Этот кластер самый многочисленный, он объединяет работы по изменению климата и охраны окружающей среды, а также фокусирует внимание на одном из популярных направлений “birdwatching” (любительская орнитология, наблюдение за птицами в естественной среде), которое исследователи гражданской науки называют классическим для научных волонтеров [33]. Большинство статей по охране окружающей среды и климатическим изменениям посвящено наблюдениям непрофессионалов, чьи тексты создаются и публикуются в соавторстве с экспертами. При этом роль исследователей, не имеющих специальной подготовки, сводится к фиксации данных или поиску редких видов птиц, их изучению и дальнейшему наблюдению за ними. Стоит отметить, что в рамках этого кластера вклад непрофессиональных учёных отмечается как наиболее весомый, и исследования в области окружающей среды представляют собой наиболее оформленную сферу гражданской науки.

Второй кластер обозначен нами как **«Анализ данных и глобальные исследования»**. Отличительной чертой публикаций, представленных в данном кластере, является их междисциплинарность и разнообразие тем исследований: от изучения окружающей среды и анализа данных о загрязнении атмосферы до аналитики собственных страхов в период масштабных изменений и развития новой архитектуры глобальной безопасности. В этом кластере прослеживаются как естественнонаучные и технические, так и гуманитарные направления. К примеру, одно из исследований посвящено созданию более открытых возможностей тестирования и развития квантовых компьютеров. Также присутствуют работы, посвящённые генетике, в которых роль непрофессионалов заключается в участии в самом исследовательском процессе, например, при анализе различных гаплогрупп ДНК. Однако роль исследователей-волонтеров в рамках публикаций этого кластера становится более значимой и, в некоторых случаях, ведущей к разрушению профессиональной монополии учёных. Важным фактором здесь выступают навыки, связанные с анализом данных. Следовательно, такие качества, как профессионализм и непосредственное участие в работе над публикациями, а также в аналитике самих материалов становятся ключевыми для научных волонтеров. Характерным признаком данного кластера выступают исследования, имеющие положительный практический опыт по привлечению волонтеров для участия в проектах гражданской науки.

Третий кластер **«Исследования здоровья»** так же, как и первый, представляет собой классический пример развития публикационной активности в сфере гражданской науки. В рамках данного кластера отчётливо выделяются исследования, связанные с изучением состояния собственного здоровья и сопровождающиеся заполнением соответствующих дневников, а также работы, посвящённые психологическому самочувствию, включающие в себя анализ различных соматических трудностей. Преимущественно в период пандемии в эту группу исследований были включены и работы, в рамках которых рассматривались особенности психологического состояния и самочувствия людей, сложности перенесения изоляции в пандемию и различных ограничений [34]. В рамках этого кластера упоминания о непрофессиональных исследователях присутствуют как с точки зрения непосредственного их участия в экспериментах и наблюдениях, так и в контексте анализа данных. Следует отметить, что большинство исследований в этом кластере выполнены, в ос-

новном, профессионалами, а исследователи-волонтеры исполняли здесь, скорее, роль участников экспериментов и наблюдений за собой и за состоянием своего здоровья.

Проведённый анализ совпадений ключевых слов в публикациях показал, что на портале журнала Nature на сегодняшний день наблюдается слабо выраженное смещение в сторону рассмотрения исследователей-волонтеров не в качестве подопытных самих экспериментов, а в качестве аналитиков и полноценных участников исследовательского процесса. В то же время, как отмечают сами авторы публикаций, важную роль играет механизм привлечения волонтеров и интерес к выбранной области науки, а также наличие знаний и навыков, которые позволяют перейти от наблюдений к аналитике. Анализ публикаций и их кластеризация показали смещения фокуса в сторону исследований по охране и защите окружающей среды, биоразнообразию и вопросам климата. Эти направления представляют собой те сферы науки, в которых научные волонтеры могут быть полноправными участниками публикационного процесса и всего цикла проведения исследовательской деятельности. Следует отметить смещение в сторону междисциплинарных исследований, что указывает на важность владения исследователями-волонтерами навыками и знаниями широкого профиля. Об этом свидетельствует полученный набор слов в виде комбинации различных экологических, биологических, статистических, медицинских и психологических факторов. Роль научного волонтера и гражданской науки становится определяющей, поскольку исследователи-волонтеры позволяют определить новые векторы в существующих работах, взглянуть на исследование с другой точки зрения и получить новые выводы. Фиксируется отчётливая тенденция участия исследователей-волонтеров в публикационной активности и их включение в коллективы соавторов.

Рисунок 1. Визуализация наиболее часто встречаемых слов в заголовках научных статей, выполненных при участии исследователей-волонтеров на портале Nature (2019–2023 гг.)

Заключение, дискуссия. На основе публикаций за последние пять лет в журнале *Nature* можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство статей, в которых упоминается вклад гражданской науки в развитие научной работы, посвящены защите и охране окружающей среды, а также проблемам изменения климата и анализу данных по экологии и биоразнообразию. Знакомство с научными публикациями позволило зафиксировать инициативу исследователей по привлечению к научной работе волонтеров. Эта тенденция растёт с каждым годом, причём изначально роль исследователей-волонтеров рассматривается профессионалами, скорее, как роль полевых исследователей, которые помогают собирать данные, но не участвуют непосредственно в их анализе. При этом фиксируется постепенная эволюция роли волонтеров от рядовых полевых исследователей до полноценных участников научной работы, готовых анализировать данные и быть соавторами публикаций.

Проведённая тематическая кластеризация публикаций, в которых принимали участие исследователи-волонтеры, показывает необходимость междисциплинарности и указывает на растущую значимость научных волонтеров, способных применять методики из различных дисциплин для анализа данных и формулировки выводов. Например, в публикациях, посвящённых вопросам здоровья и особенностям жизни в период пандемии, важны были знания непрофессиональных исследователей в сфере психологии и дальнейшее их совмещение с данными по физическому здоровью, описание повседневности, что является в большей степени предметом антропологических исследований. Как было отмечено ранее, в анализируемых публикациях в кластере по медицине наибольшее число исследований, выполненных совместно с исследователями-волонтерами, относится к изучению пандемии и её последствий. Такой интерес вызван, скорее, стихийными событиями, которые происходили в течении последних 3-х лет. Одной из ключевых тенденций, выделенных при анализе публикаций, можно считать увеличение количества случаев включения исследователей-волонтеров в производство научного знания и подготовку научных публикаций (с включением в число соавторов) [35; 36]. Отмечается монополия профессионалов на представление научных результатов и право их публикации, которая может снижать степень вовлеченности научных волонтеров в проекты гражданской науки.

Таким образом, в дальнейших исследованиях в сфере гражданской науки важным выступает анализ взаимодействий и распределения властных отношений между профессиональными учёными и исследователями-волонтерами. От подобного распределения в будущем может зависеть усовершенствование механизма мотивации и, следовательно, вовлеченности научных волонтеров в проекты гражданской науки.

Библиографический список / References

1. Irwin A. Constructing the scientific citizen: science and democracy in the biosciences. *Public understanding of science*. 2001;10(1):1–18. DOI [10.1088/0963-6625/10/1/301](https://doi.org/10.1088/0963-6625/10/1/301). EDN [JTQBDB](#).
2. Pedersen O. The “Philomaths” of 18th Century England: A Study in Amateur Science. *Centaurus*. 1963;8(1):238–262. DOI [10.1111/j.1600-0498.1963.tb00555.x](https://doi.org/10.1111/j.1600-0498.1963.tb00555.x).
3. Miller-Rushing A., Primack R., Bonney R. The history of public participation in ecological research. *Frontiers in Ecology and the Environment*. 2012;10(6):285–290. DOI [10.1890/110278](https://doi.org/10.1890/110278).
4. Bauer M. W., Allum N., Miller S. What can we learn from 25 years of PUS survey research? Liberating and expanding the agenda. *Public understanding of science*. 2007;16(1):79–95. DOI [10.1177/0963662506071287](https://doi.org/10.1177/0963662506071287). EDN [JTRQRV](#).

5. Bodmer W. F., ed. The Public Understanding of Science. Available at: <https://royalsociety.org/-/media/policy/publications/1985/10700.pdf> (accessed: 01.09.2023).
6. van Vliet K., Moore C. Citizen science initiatives: engaging the public and demystifying science. *Journal of microbiology & biology education*. 2016;17(1):13–16. DOI [10.1128/jmbe.v17i1.1019](https://doi.org/10.1128/jmbe.v17i1.1019).
7. Bonney R., Phillips T., Ballard H.L., Enck J. W. Can citizen science enhance public understanding of science? *Public understanding of science*. 2016;25(1):2–16. DOI [10.1177/0963662515607406](https://doi.org/10.1177/0963662515607406).
8. Riesch H., Potter C. Citizen science as seen by scientists: Methodological, epistemological and ethical dimensions. *Public understanding of science*. 2014;23(1):107–120. DOI [10.1177/0963662513497324](https://doi.org/10.1177/0963662513497324).
9. Cappa F., Franco S., Rosso F. Citizens and cities: Leveraging citizen science and big data for sustainable urban development. *Business Strategy and the Environment*. 2022;31(2):648–667. DOI [10.1002/bse.2942](https://doi.org/10.1002/bse.2942).
10. Ostermann-Miyashita E.-F., Pernet N., König H. J. Citizen science as a bottom-up approach to address human–wildlife conflicts: From theories and methods to practical implications. *Conservation Science and Practice*. 2021;3(3):385. DOI [10.1111/csp2.385](https://doi.org/10.1111/csp2.385).
11. Волкова А. В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-политические исследования. 2019. № 1(2). С. 41–50. DOI [10.24411/2658-428X-2019-10337](https://doi.org/10.24411/2658-428X-2019-10337). EDN ZFAUIP.
Volkova A. V. Potential of «civil science» in social and political development. *Social and Political Research*. 2019; № (1):41–50. (In Russ.). DOI [10.24411/2658-428X-2019-10337](https://doi.org/10.24411/2658-428X-2019-10337).
12. Göbel C., Ottolini L., Schulze A. Science as a lever: the roles and power of civil society organisations in citizen science. In: Vohland K. [et al.] (eds). *The science of citizen science*. Springer Cham; 2021. P. 331–349. DOI [10.1007/978-3-030-58278-4_17](https://doi.org/10.1007/978-3-030-58278-4_17).
13. Stilgoe J. *Citizen Scientists: reconnecting science with civil society*. London: Demos; 2009. 75 p. ISBN 978-1-9066930-12-1.
14. Вердиева Н. Н. Взаимосвязь и перспективы развития гражданской науки и волонтерского движения // Problems of the Information Society. 2021. № 1. С. 130–137. DOI [10.25045/jpis.v12.i1.12](https://doi.org/10.25045/jpis.v12.i1.12).
Verdiyeva N. N. Relationship and development perspectives of citizen science and volunteers' movement. *Problems of the Information Society*. 2021;(1):130–137. (In Russ.). DOI [10.25045/jpis.v12.i1.12](https://doi.org/10.25045/jpis.v12.i1.12).
15. Cohn J. P. Citizen science: Can volunteers do real research? *BioScience*. 2008;58(3):192–197. DOI [10.1641/B580303](https://doi.org/10.1641/B580303).
16. Bautista-Puig N., De Filippo D., Mauleón E., Sanz-Casado E. Scientific Landscape of Citizen Science Publications: Dynamics, Content and Presence in Social Media. *Publications*. 2019;7(1):12. DOI [10.3390/publications7010012](https://doi.org/10.3390/publications7010012).
17. Follett R., Strezov V. An Analysis of Citizen Science Based Research: Usage and Publication Patterns. *PLoS ONE*. 2015;10(11): e0143687. DOI [10.1371/journal.pone.0143687](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0143687).
18. Kullenberg C., Kasperowski D. What is Citizen Science? A Scientometric Meta-analysis. *PLoS ONE*. 2016;11(1):e0147152. DOI [10.1371/journal.pone.0147152](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0147152).
19. Lintott C. J., Schwamb M. E., Barclay T., [et al.]. Planet Hunters: New Kepler Planet Candidates from Analysis of Quarter 2. *The Astronomical Journal*. 2013;145(6):151. DOI [10.1088/0004-6256/145/6/151](https://doi.org/10.1088/0004-6256/145/6/151).
20. Бусыгина Т. В. Анализ литературы по проблеме «гражданская наука» на основе базы данных Scopus // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13, № 4. С. 169–201. DOI [10.24412/2079-0910-2022-4-169-201](https://doi.org/10.24412/2079-0910-2022-4-169-201). EDN FVOPFU.
Busygina T. V. An analysis of the literature on citizen science based on Scopus database. *Sociology of science and technology*. 2022;13(4):169–201. (In Russ.). DOI [10.24412/2079-0910-2022-4-169-201](https://doi.org/10.24412/2079-0910-2022-4-169-201).
21. Pelacho M., Ruiz G., Sanz F. [et al.]. Analysis of the evolution and collaboration networks of citizen science scientific publications. *Scientometrics*. 2021;126(1):225–257. DOI [10.1007/s11192-020-03724-x](https://doi.org/10.1007/s11192-020-03724-x). EDN XFVUVX.
22. Moczek N., Voigt-Heucke S. L., Mortega K. G. [et al.]. A self-assessment of European citizen science projects on their contribution to the UN Sustainable Development Goals (SDGs). *Sustainability*. 2021;13(4):1774. DOI [10.3390/su13041774](https://doi.org/10.3390/su13041774).
23. Муравьева А. А., Олейникова О. Н. Роль университетов в развитии дискурса гражданской науки // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 3. С. 45–55. DOI [10.15826/umpa.2021.03.026](https://doi.org/10.15826/umpa.2021.03.026). EDN HVJJWJ.

- Muravyeva A. A., Oleynikova O. N. The universities' role in developing citizen science discourse. *University Management: Practice and Analysis*. 2021;25(3):45-55. (In Russ.). DOI [10.15826/umpa.2021.03.026](https://doi.org/10.15826/umpa.2021.03.026).
24. Vohland K., Land-Zandstra A., Ceccaroni L. [et al.] The science of citizen science evolves. In: Vohland K., [et al.] *The Science of Citizen Science*. Springer, Cham; 2021. DOI [10.1007/978-3-030-58278-4_1](https://doi.org/10.1007/978-3-030-58278-4_1).
 25. Robinson L. D., Cawthray J. L., West S. E. [et al.] Ten principles of citizen science. In: Hecker S. [et al.] eds. *Citizen Science: Innovation in Open Science, Society and Policy*. UCL Press; 2018. P. 27–40. DOI [10.2307/j.ctv550cf2.9](https://doi.org/10.2307/j.ctv550cf2.9).
 26. Kariotis T., Borda A., Winkel K., Gray K. Citizen science for one digital health: a rapid qualitative review of studies in air quality with reflections on a conceptual model. *Citizen Science: Theory and Practice*. 2022;7(1):39. DOI [10.5334/cstp.531](https://doi.org/10.5334/cstp.531). EDN [CYLTSV](https://doi.org/10.5334/cstp.531).
 27. Dickinson J. L., Zuckerberg B., Bonter D. N. Citizen science as an ecological research tool: challenges and benefits. *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics*. 2010;41(1):149–172. DOI [10.1146/annurev-ecolsys-102209-144636](https://doi.org/10.1146/annurev-ecolsys-102209-144636).
 28. Mueller M. P., Tippins D., Bryan L. A. The future of citizen science. *Democracy and Education*. 2011;20(1):2.
 29. Bonney R., Cooper C., Dickinson J. L. [et al.] Citizen science: a developing tool for expanding science knowledge and scientific literacy. *BioScience*. 2009;59(11):977–984. DOI [10.1525/bio.2009.59.11.9](https://doi.org/10.1525/bio.2009.59.11.9).
 30. Wiggins A., Crowston K. From conservation to crowdsourcing: A typology of citizen science. In: 2011 44th Hawaii International Conference on System Sciences. Kauai, HI, USA: IEEE; 2011. P. 1–10, DOI [10.1109/HICSS.2011.207](https://doi.org/10.1109/HICSS.2011.207).
 31. Theobald E. J., Ettinger A. K., Burgess H. K. [et al.] Global Change and Local Solutions: Tapping the Unrealized Potential of Citizen Science for Biodiversity Research. *Biological Conservation*. 2015;181:236–244. DOI [10.1016/j.biocon.2014.10.021](https://doi.org/10.1016/j.biocon.2014.10.021).
 32. Soroye P., Ahmed N., Kerr J. T. Opportunistic citizen science data transform understanding of species distributions, phenology, and diversity gradients for global change research. *Global Change Biology*. 2018;24(11):5281–5291. DOI [10.1111/gcb.14358](https://doi.org/10.1111/gcb.14358).
 33. Sullivan B. L., Aycrigg J. L., Barry J. H. [et al.] The eBird enterprise: An integrated approach to development and application of citizen science. *Biological Conservation*. 2014;169:31–40. DOI [10.1016/j.biocon.2013.11.003](https://doi.org/10.1016/j.biocon.2013.11.003).
 34. Chen C. A Glimpse of the First Eight Months of the COVID-19 Literature on Microsoft Academic Graph: Themes, Citation Contexts, and Uncertainties. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2020;5:607286. DOI [10.3389/frma.2020.607286](https://doi.org/10.3389/frma.2020.607286).
 35. Liu W., Zhang H., Wang Q. [et al.] A review and scientometric analysis of global research on prefabricated buildings. *Advances in Civil Engineering*. 2021;2021: 8869315. DOI [10.1155/2021/8869315](https://doi.org/10.1155/2021/8869315).
 36. Vigneshkumar C., Salve U. R. A scientometric analysis and review of fall from height research in construction. *Construction Economics and Building*. 2020;20(1):17–35. DOI [10.5130/AJCEB.v20i1.6802](https://doi.org/10.5130/AJCEB.v20i1.6802).

Поступила: 27.11.2023. Принята: 31.01.2024.

Сведения об авторах:

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН. Санкт-Петербург, Российская Федерация. Kgalkin1989@mail.ru
Author ID РИНЦ: [850737](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=850737); ORCID: [0000-0002-6403-6083](https://orcid.org/0000-0002-6403-6083)

Рассолова Елена Николаевна, младший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН. Санкт-Петербург, Российская Федерация. enrassolova@gmail.com
Author ID РИНЦ: [861266](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=861266); ORCID: [0000-0003-3637-5544](https://orcid.org/0000-0003-3637-5544)

K. A. Galkin¹, E. N. Rassolova¹

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS. St. Petersburg, Russia

VOLUNTEER RESEARCHERS IN MODERN SCIENCE: ANALYSING “NATURE” PUBLICATIONS

Abstract. The article presents a scientometric analysis of publications on citizen science, i.e., conducted with the participation of non-professional scientists, posted on the portal of the journal *Nature*, in order to identify the main directions and thematic trends in the field of citizen science over the last 5 years. The article identifies the key thematic clusters to which the reviewed publications belong, and analyses the thematic trends in each of the presented clusters. The search was carried out in English among the publications posted on the portal in the period from 2019 to 2023. The result is presented using computer visualisation and a table of key topics of the reviewed publications; in the future it is planned to expand the study and build a thematic map and scheme of key trends both abroad and in Russia. The analysis shows that the key topics in which volunteer researchers have been involved over the last 5 years have been environmental protection and conservation, publications on biodiversity and climate change, and data analysis in ecology. The authors note a widespread and growing interest in finding scientific volunteers to conduct research, as well as the growing role of volunteer researchers. The participation of non-professional scientists encourages a shift towards interdisciplinary research and promotes the use of different research methodologies. There are trends in the transformation of the role of volunteer researchers from the status of ordinary field researchers to full-fledged participants in research work.

Keywords: scientometric analysis, citizen science, science volunteering, volunteers, citizen science research, citizen science publications, *Nature*

For citation: Galkin K. A., Rassolova E. N. Volunteer researchers in modern science: analysing “Nature” publications. *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):35–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.3>.

Received: 27.11.2023. Accepted: 31.01.2024.

Information about the authors:

Konstantin A. Galkin, candidate of sociology, senior researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS. St. Petersburg, Russian Federation. Kgalkin1989@mail.ru
ORCID: [0000-0002-6403-6083](https://orcid.org/0000-0002-6403-6083); Researcher ID (WoS): [A-8784-2016](https://orcid.org/A-8784-2016)

Elena N. Rassolova, junior researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS. St. Petersburg, Russian Federation. enrassolova@gmail.com
ORCID: [0000-0003-3637-5544](https://orcid.org/0000-0003-3637-5544); Researcher ID (WoS): [AAJ-5888-2021](https://orcid.org/AAJ-5888-2021)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.4)
EDN [MQAFPA](#)
УДК 316.3

М. Ю. Милованова¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НАСТРОЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Социальное настроение – наиболее разрабатываемый феномен социологической теории и практики, учёт которого важен для оценки и экспертизы в периоды кризисов и очевидных социальных изменений. Социальное настроение рассматривается как феномен и интегральная характеристика восприятия жизни в обществе, состояние духовного мира человека, целостная форма жизнеощущения, доминанта реально функционирующего общественного сознания и поведения. Для выявления гендерных особенностей социальных позиций проведён первичный анализ данных всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» (1992–2022 гг.) в кризисные и переломные моменты трех десятилетий новейшей истории России – 1993, 2001, 2008, 2014, 2022, привлечены данные НИР «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (РНФ № 18-18-00024). Эмпирической базой для вторичного анализа стали данные общероссийских центров социологических исследований, статистическая информация, публикации СМИ в актуальные периоды. Сравнение реакций респондентов на проблемы, их приоритезация во мнениях женщин и мужчин позволило обозначить доминантные события, сложившиеся новые комбинации кризисных явлений экономического, политического, духовного порядков в развитии российского общества на мега-, мезо-, микроуровнях. Сделан вывод о присутствии в социальных позициях 1993, 2001, 2008, 2014, 2022 годов общих констант, устойчивого реагирования социума с обозначением главных проблем дороговизны жизни, преступности, социального расслоения. Положение гендерных общностей в рассматриваемые периоды характеризуется недостаточной «подушкой безопасности», отчуждением от властного ресурса, различием в оценках социальных ожиданий о счастье женщины с точки зрения мужчин и самих женщин, наличием гендерно-чувствительных проблем как для женщин, так и для мужчин.

Ключевые слова: социальное настроение, социология жизни, женщины, мужчины, гендер, социальные позиции, социальные ожидания, социальные изменения, технологии гендера, ценности

Для цитирования: Милованова М. Ю. Гендерное измерение социального настроения в современной России: опыт историко-социологического анализа // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 46–61. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.4). EDN [MQAFPA](#).

Введение. Социальное настроение представляет собой «не только самое массовидное явление, но одну из наиболее значительных сил, побуждающих людей к деятельности, накладывающей отпечаток на поведение различных коллективов, групп, слоёв общества, а также классов, наций и даже народов» [1, с. 22–23]. Социальное настроение продолжает оставаться наиболее разрабатываемым феноменом социологической теории и практики в силу своей специфики отражать реальность, исходя из содержания потребностей и интересов индивидов. Б. Д. Парыгин одним из первых обозначил, что социальное настроение выступает доминирующим и решающим фактором, объясняющим кардинальные сдвиги в общественной жизни, классифицировав социальное настроение как по полю-

су восприятия (позитивное – негативное), так и по длительности (ситуативное, актуальное, константное) [2]. Многоплановость и многокомпонентность социального настроения отражается в применяемых методиках опросов Левада-центра* – Индекс социального настроения¹ и ВЦИОМ – Индекс социального самочувствия², используемых как интегральные показатели.

Суть социального настроения такова, что имеется его конкретный носитель (индивид, социальная группа, население, организации и институты). В рамках данной работы в качестве носителей рассмотрены женщины и мужчины как гендерные общности, социальные позиции которых детерминированы кризисными явлениями экономических, политических и духовных процессов, переживаемых трансформаций, получивших название пермакризис³ и поликризис⁴.

Методология, методика и методы исследования. Методология социологии жизни, выражением которой стало определение П. Бергера «человек в обществе, общество в человеке» нашла дальнейшее отражение в концепции «социология жизни», получившей комплексную разработку в трудах Ж. Т. Тощенко. В его работах раскрыта сущность названной конструктивистской парадигмы, позволяющей с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе [4]. Социология жизни – это концепция движущих сил сознания и поведения людей, их функционирования в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние общественной макро-, мезо- и микросреды, между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом. Оценка социального настроения по вышеобозначенной методологии проведена в гендерном измерении на основе первичного анализа данных, с акцентом на кризисные и переломные моменты трех десятилетий новейшей истории России – 1993, 2001, 2008, 2014, 2022⁵. Важен историко-социологический анализ для более объективной оценки социального настроения по длительности (ситуативное, актуальное, константное) и его

* АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО – иностранных агентов

¹ Индекс социальных настроений (ИСН) – совокупность социальных, политических, экономических настроений, формирующихся в обществе. В нем учитываются представления людей об их личной сегодняшней жизни, о ситуации в стране в целом, оценки деятельности властей, а также ожидания относительно ближайшего будущего. ИСН обобщает данные ответов респондентов на 12 вопросов, каждый из которых нацелен на выявление положительных или отрицательных оценок. Совокупный ИСН рассчитывается как арифметическая средняя индивидуальных индексов. Подробнее см. URL: <https://u.to/Nwd8IA> (дата обращения 20.11.2023).

² Индекс социального самочувствия строится на основе показателей: удовлетворённость жизнью; социальный оптимизм; материальное положение; экономическое положение страны; политическая обстановка; общий вектор развития страны. Подробнее см. URL: <https://u.to/6Qd8IA> (дата обращения 20.11.2023).

³ Пермакризис – понятие обозначает «длительный период нестабильности и отсутствия безопасности». Словарь Collins выбрал «пермакризис» словом 2022 года. URL: <https://u.to/AgI8IA> (дата обращения 20.11.2023).

⁴ Поликризис (polycrisi) введён в обращение канадскими учёными для обозначения современной ситуации, где переплелись катастрофические процессы, угрожающие не только благосостоянию, но и существованию человечества, такие как климатические угрозы, пандемия, инфляции, военные конфликты, миграции и др., причём эти глобальные кризисы и угрозы взаимосвязаны и усиливают действие друг друга [3].

⁵ Автор благодарит за предоставленные для анализа первичные данные всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» (1992–2022 гг.). В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования и местожительства при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Объем выборочной совокупности на различных этапах – 1312–1866 респондентов. Социологический мониторинг «Как живёшь, Россия?» проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга – д.соц.н. В. К. Левашов.

значимости для диагностики общности или расколотости социальных позиций. Периоды выбраны с шагом в 7–8 лет, когда совокупные индексы социальных настроений (Индексы семьи, Индексы России, Индексы ожиданий, Индекс власти) имели тенденцию к падению [5, с. 16–20].

Подчинённость динамики социальной структуры определённым принципам, о которых писал в теории социального становления П. Штомпка [6], безусловно, важна и принимается в расчёт. Назовём эти принципы. Во-первых, инерции – недопустимости радикальных поворотов. Во-вторых, момента – за стадией изменений наступает следующая стадия. В-третьих, последовательности – фазы изменений не могут быть пропущены. Для исследования социальных позиций женщин и мужчин применяется гендерный подход. Гендер как аналитическая категория совсем молод, «отсутствует в основных разделах социальной истории, артикулированной с XVIII по начало XX века» [7, с. 420], и получил развитие лишь во второй половине XX века. Научный потенциал гендера раскрывается той ролью объективных связей для определения социальной общности, которые выделил П. Штомпка [8]. Он определяет признаки пола для социальной общности наряду с возрастом, расой, гражданством, территорией проживания, видом профессиональной деятельности. Женщины и мужчины как воплощение человеческих ресурсов в настоящем выступают источником воспроизводства будущих поколений, испытывают на себе происходящие технологические и социальные изменения, геополитическую трансформацию мироустройства, когда технологии гендера везде в силу задеирования не только социальных институтов – семьи, образования, права, СМИ, – но и языка, искусства, литературы, кино. Т. де Лауретис говорит о том, что всякий «субъект действенно ген(д)ерируется в интерактивной вовлечённости» и называет это «технологией гендера» [9, с. 34]. Независимо от пола, каждый человек продолжает оставаться индивидуумом, обладает самосознанием и имеет личную картину мира, когда при помощи технических средств или в процессе общения он воспринимает, потребляет, использует информацию того или иного качества, интересующую его, а также преподносимую ему, исходя в том числе из гендерных характеристик. Проблема «информационного пузыря» конструирует представления и ценностные установки человека, вероятно влияет на его гендерную идентичность, поляризует её. По мнению Л. Н. Казнина при социальном конструировании моделируется не пол, а ценностно-нормативные отношения к нему в конкретных социальных условиях [10, с. 76]. Л. Н. Казнин считает, что гендерная модель объяснения половых различий исчерпала себя, а мужское и женское начала выступают как соотносительные, взаимодополняющие по своему содержанию. Принято считать, что неконтролируемые информационные потоки, их всеохватность и конструирование медиа выступают катализатором изменения социальных настроений, фиксируемых как новые страхи, стресс, депрессия. Тем не менее тридцатилетие новейшей истории через интегральный показатель социального настроения демонстрирует определённые константы, независимые от внешнего информационного воздействия и событийного ряда.

В условиях, когда острее прежнего ставится вопрос о связанности реальности и её репрезентации в гендерном измерении, исследовательский интерес, таким образом, продиктован поиском ответов на вопросы, работает ли «технология гендера» и проявляется ли в социальных позициях женщин и мужчин в России под его воздействием, есть ли основания говорить о гендерных особенностях социального настроения и учитывать их в социальном развитии и принятии политических решений? Насколько это коррелирует с фиксируемыми данными жизнеощущений, эмоций, чувств, ценностных ориентаций как составляющих

видения социального настроения по признаку пола? Как характеризуется социальное настроение относительно полюса восприятия (позитивное–негативное), позволит ли длительность исследуемых периодов определить ситуативность, актуальность и константы социального настроения?

Полученные результаты. Наиболее влиятельные события экономических, политических и духовных процессов 1993, 2001, 2008, 2014, 2022 описаны контурно с определением их доминант и новых комбинаций событий общественной макро-, мезо- и микросреды, выступают фоном истории новейшей России для анализа социальных позиций женщин и мужчин.

1993. Конституционный кризис стал общим лейтмотивом для событий внутри страны в этом году. Его активная фаза проходила с марта по декабрь: с открытия 10 марта 1993 г. 8-го Внеочередного Съезда народных депутатов и принятия постановления о соблюдении Конституции РФ высшими органами государственной власти и должностными лицами и до принятия 12 декабря новой Конституции РФ, избрания нового законодательного органа (Совета Федерации и Государственной Думы) вместо Верховного Совета РФ, заблокированного в сентябре. 3–4 октября 1993 г. вошли в историю как «расстрел Белого дома» с оценкой Б. Ельцина о «спланированном фашистско-коммунистическом мятеже». Страна входила в ситуацию «каннибализации скопленных советской властью ресурсов» [11, с. 272–291], нарастания акторности «трофейной экономики» – ЮКОС, Лукойл, Газпром и т.д. В этом году граждане уже имеют возможность выезжать за рубеж. На международном уровне это год прихода к власти Б. Клинтона, В. Гавела, Г. Алиева, Б. Бхутто, военных действий в Боснии, Абхазии, Таджикистане, Карабахе, осетино-ингушского конфликта и т.д. Наибольшее беспокойство как мужчин, так и женщин вызывает рост преступности, об этом заявили 62,8% женщин и 53,3% мужчин (см. рис. 1). Дороговизна жиз-

Рисунок 1. Проблемы, которые волнуют человека
(вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»),
1993 г., % от числа опрошенных в гендерных группах

Источник: данные мониторинга «Как живёшь, Россия?», 1993 г.

ни стала приоритетной проблемой для 61,7% женщин и 52% мужчин. Мужчины в большей степени реагировали на остановку производства – 34,6%, чем женщины – 24,1%, а также на проблему разделения общества на богатых и бедных – 25% среди мужчин и 20,9% среди женщин. Угроза безработицы волновала практически треть женщин и мужчин в равной степени. Достаточно высокими были показатели реагирования на ухудшение экологической обстановки – 38,5% женщин и 34,2% мужчин заявляли об этом, как о волнующей их проблеме. С распадом СССР ощутимыми для людей стали ухудшение межнациональных отношений и приток беженцев и мигрантов. Несколько большее значение этому придавали мужчины, нежели женщины. Более чувствительной проблемой для женщин стала детская беспризорность, 27% женщин против 17,9% мужчин были этим обеспокоены (см. рис. 1).

2001. Начало третьего тысячелетия для России связано с избранием главой государства В. Путина, победившего на выборах в марте 2000 года с результатом в 53% в первом туре. Дж. Буш сменяет Б. Клинтона в январе 2001 года, становясь президентом США, а 11 сентября в ходе террористической атаки и координированных актов самоубийств происходит крушение башен Торгового центра в Нью-Йорке. Это стало переломным моментом на мега-уровне. Российская пресса писала, что это «знаменовало начало кризиса американской цивилизации и декларируемого религиозного смысла её существования»⁶. Э. Тодд констатирует, ожидалось, что «рана, нанесённая 11 сентября ... приблизит Америку к общей участи человечества. Сделает её более чувствительной к проблемам бедных и обездоленных», но произошёл «пересмотр их образа», «институционализация постоянного состояния войны в масштабах планеты» [12, с. 5]. По данным опроса РОМИР 54,2% россиян назвали это событие наиболее значимым в международной жизни. Терроризм как проблема стал актуален для 30% российских женщин и 23,8% мужчин (см. рис. 2). Внутри страны как о значимом событии 42,1% заявили о подъёме атомного подводного крейсера «Курск», а четверть считала главным событием войну в Чечне. Визит В. Путина в США и «дело НТВ» волновали гораздо меньшее число россиян – 5,4% и 3% соответственно⁷. Тем не менее в Москве в марте митинг в защиту свободы слова и телекомпания НТВ собрал около 20 тыс. человек⁸. В 2001 году гражданам России разрешено было открывать счета в иностранных банках на фоне роста дороговизны жизни. Дороговизна жизни отмечена как самая волнующая проблема – 70,5% женщин и 60,7% мужчин. Половина как женщин, так и мужчин продолжали быть обеспокоенными ростом преступности, треть заявляли о падении нравов, а каждого пятого коснулись задержки заработной платы. Из социальных болезней, названных актуальной проблемой, наркомания значительно повышает свою значимость. Так, в 1993 году об этом говорили 26,4% женщин и 19,4% мужчин, а в 2001 году уже 46,8% женщин и 36,9% мужчин, а об алкоголизме – 18,8% женщин и 15,2% мужчин (см. рис. 2).

⁶ Десять наиболее значительных событий 2001 года // Независимая газета. 26 декабря 2001. URL: <https://u.to/zyB8IA> (дата обращения: 04.12.2023).

⁷ РОМИР: Важнейшие события 2001 года // РБК. 03 января 2002. URL: <https://goo.su/8xE0zQ> (дата обращения 04.12.2023).

⁸ Там же.

Рисунок 2. Проблемы, которые волнуют человека (вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»), 2001 г., % от числа опрошенных в гендерных группах

Источник: данные мониторинга «Как живёшь, Россия?», 2001 г.

2008. Происходит выборная рокировка В. Путина на Д. Медведева с результатом 70,3% в пользу преемника. Мировой финансовый кризис влиял на отток капитала из страны, нефть дешевет. Четверть как женщин, так и мужчин заявили о высокой инфляции как проблеме (см. рис. 3). Открытие Олимпийских игр в Пекине было омрачено грузино-южноосетинским конфликтом и закономерным грузино-российским кризисом в связи с признанием Абхазии и Южной Осетии. Пост президента в США занимает Б. Обама, а Ф. Кастро подаёт в отставку на Кубе. В России оформляется новая партийная парламентская система и вертикаль власти. Социальные позиции гендерных групп реагируют обозначением проблемы роста произвола чиновников, на которую мужчины реагируют как на более значимую проблему – 34,2% против 22,8% женщин. Дороговизна жизни продолжает оставаться самой приоритетной проблемой для 59,8% женщин и 56,0% мужчин, что взаимосвязано с отношением к росту цен на продукты питания и тарифы на жильё и коммунальные услуги. Распорядителем кошелька на оперативные нужды семьи выступает чаще женщина, поэтому повышение цен на продукты питания их волнует куда чаще – 40,9%, чем мужчин – 30,8%, также как и оплата коммуналки – 37,7% и 31,9% соответственно (см. рис. 3).

2014. В 2014 г. проходит референдум в Крыму и присоединение Крыма и Севастополя к России, что привело к военным действиям, называемым «антитеррористическая операция» в Донбассе. Следствием стало введение США и странами Западной Европы санкций против России, введение Россией запрета на ввоз продуктов из США и Западной Европы. До 42% в 2014 году вырос удельный вес тех, кто заявили о возможности в будущем году в России экономического кризиса, такого же как в 2008 г. О боязни мировой войны как постоянном страхе

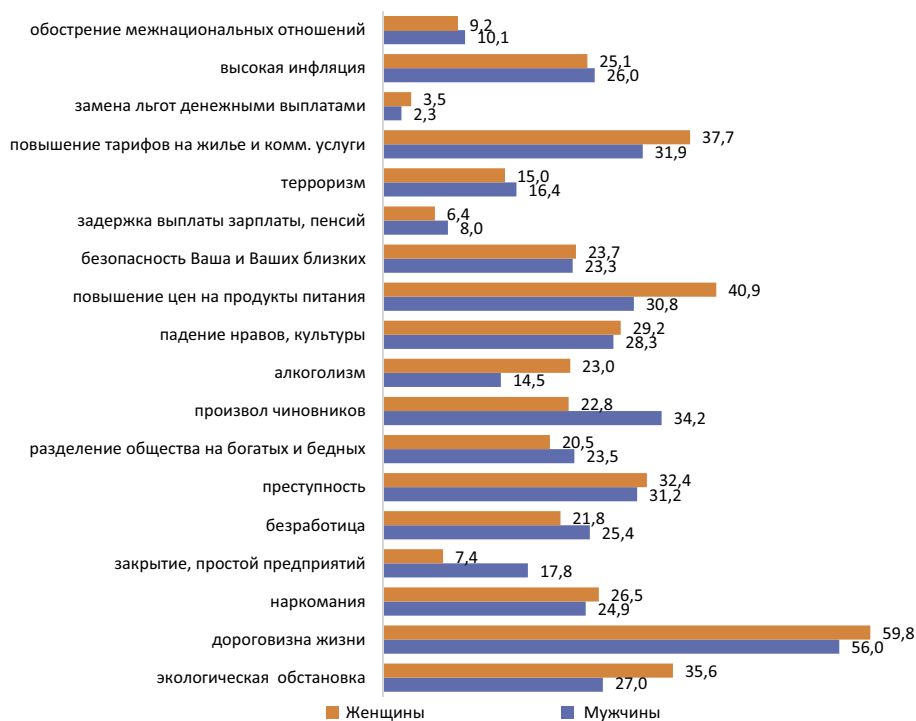

Рисунок 3. Проблемы, которые волнуют человека (вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»), 2008 г., % от числа опрошенных в гендерных группах

Источник: данные мониторинга «Как живёшь, Россия?», 2008 г.

заявили 51%, стихийных бедствий – 43%, ужесточения политического режима – 24%, возврата к массовым репрессиям – 26%. Снизилась по сравнению с 2008 г. доля тех, кто считает «Россия должна идти по своему собственному пути» с 60% до 46%. Падение ИСН наблюдалось с апреля 2014 года, достигло «дна» волны к декабрю 2014 года [5, с. 14].

Наиболее значимыми общими для гендерных общностей проблемами всё также остаётся дороговизна жизни, повышение цен на продукты питания, повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги (более 30 п.п. роста для всех), то есть то, что непосредственно касается жизненного микромира человека, его насущных забот. Женщины более обеспокоены экологической ситуацией, падением нравов и культуры, наркоманией, алкоголизмом, ухудшением положения пенсионеров в обществе. И в целом женщины испытывают страх перед будущим в большей степени, чем мужчины – 15,7% и 20,8% соответственно. Более мужскими можно считать «причинные» проблемы – безработицу, высокую инфляцию, а также более высокую озабоченность внешнеполитической повесткой и произволом чиновников, коррупцией (см. рис 4).

Учитывая важность принципа последовательности в динамике социальной структуры по П. Штомпка, когда фазы изменений не могут быть пропущены в силу их перманентности, отметим доминанту воздействия чрезвычайной ситуации, вызванную пандемией и введением серии локдаунов⁹ в 2020–2021 гг.,

⁹ В переводе означает «блокировка» (lock – блокировка, down – окончательно).

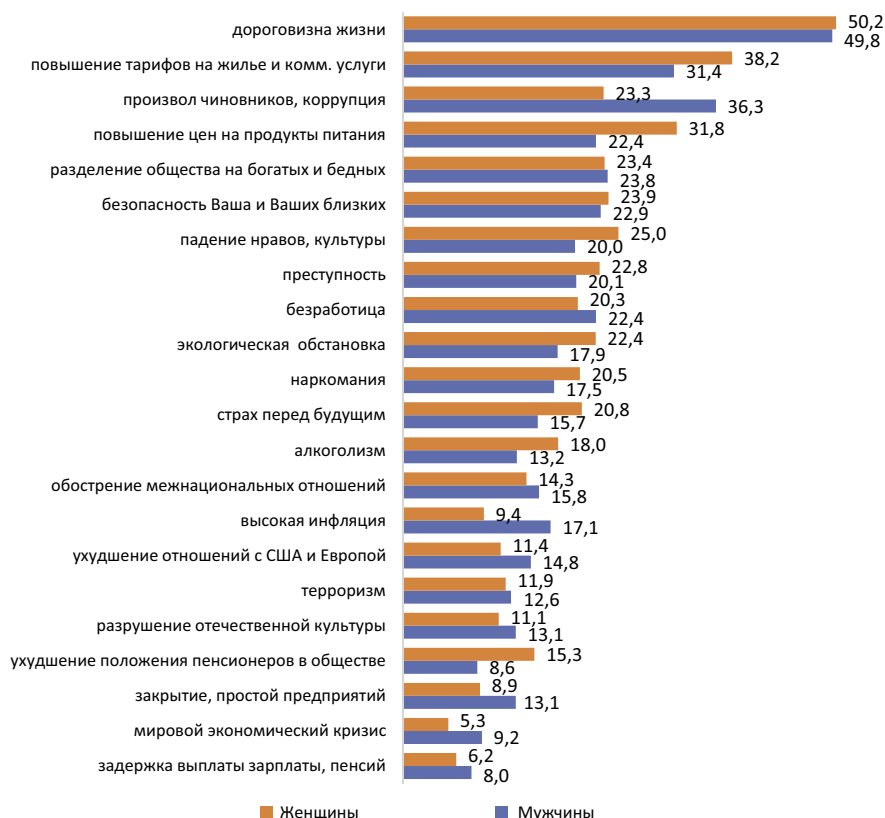

Рисунок 4. Проблемы, которые волнуют человека
(вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»),
 2014 г., % от числа опрошенных в гендерных группах

Источник: данные мониторинга «Как живёшь, Россия?», 2014 г.

видоизменивших правила социальной мобилизации, привычные социальные практики и социальные взаимодействия. В обиход вошла оценка жизни как «новой нормальности», социально-психологическая установка «мир уже не будет прежним» [13, с. 77–78].

2022. Нижняя палата российского парламента России голосует за обращение к президенту Владимиру Путину с просьбой признать самопровозглашённые Донецкую и Луганскую Народные Республики независимыми государствами. Законопроект был предложен КПРФ, далее 21 февраля президент объявил, что Россия признает самопровозглашённые Донецкую и Луганскую Народные Республики в качестве независимых государств. 24 февраля Россия начинает специальную военную операцию (СВО). 10 марта реакцией стало отстранение России от членства в Совете Европы, а сама Россия объявила о своём намерении выйти из организации. В сентябре 2022 г. была объявлена частичная мобилизация российских граждан на службу в армии в связи со спецоперацией. Актуальный политический анализ состояния российского общества и государства в условиях значимости проблемы многополярности проведён научным коллективом ИСПИ ФНИСЦ РАН [14], мы же остановимся на социальных позициях гендер-

ных общностей. По мнению россиян, повышение тарифов ЖКХ, рост цен на товары оставалось ключевой и влиятельной проблемой для их жизненного мира [5, с. 14, 16]. В 2022 г. не снизилась в целом значимость проблемы дороговизны жизни для 47,6% мужчин и 51,1% женщин, повысилась значимость роста цен на продукты питания для 55,1% мужчин и 59,6% женщин, практически сравнялась важность проблемы ухудшения отношений России с США и Европой как для мужчин, так и для женщин – 24,3% и 23,3% соответственно. Гендерный разрыв в отношении страха перед неопределённостью будущего составил 4 п.п., как и в 2014, но повысил своё значение до 25,2% для мужчин и 29,3% для женщин. Женщин всё также волнует экологическая обстановка – 20,4% против 15,4% мужчин, а также ухудшение положения пенсионеров – 16,9% женщин против 12,3% мужчин. Более «мужскими», чем «женскими» остаются безработица – 23,7% против 19,2% женщин, углубление разделения общества на богатых и бедных, – 15,8% против 12,2% женщин, экономические санкции против России 25,0% против 22,7% женщин, высокая инфляция – 31,3% против 23,8% женщин.

Вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?» мониторинга «Как живёшь, Россия» в 2022 году был дополнен вариантом ответа «Специоперация на Украине». Социологи справедливо отмечают, что «россиян обоих полов специоперация на Украине с внешне-политической точки зрения мало тревожит», тревогу вызывают «различные проявления последствий СВО: потеря доходов, рост цен, экономические проявления объявленных санкций» [15, с. 32]. В мае 2022 года эта проблема в жизнеощущениях волновала 3,7% мужчин и 2,9% женщин (см. рис. 5). Тогда как в условиях нарастания информационной агрессии «главным итогом уходящего года для россиян стала специальная военная операция (62%), этот вариант лидирует с заметным отрывом от других позиций. Специальная военная операция чаще звучит в ответах россиян 35-59 лет (67-69%), жителей обеих столиц (76%) и городов-миллионников (71%), а также граждан с высшим образованием (73%)»¹⁰. Ухудшилось и социальное самочувствие, так в ноябре 2022 г. «каждый второй россиянин отметил, что в этом году у него чаще возникала потребность получить поддержку близких людей (46%). В большей степени с этим сталкивались молодые россияне 18–24 лет (57%), женщины (51% против 40% мужчин)»¹¹.

На фоне событий 2022 года фиксируется чувство беспомощности, невозможности повлиять на происходящее у более чем четверти женщин и мужчин, а также сопоставимое чувство несправедливости и чувство, что так жить дальше нельзя. По данным Прекариат–2022¹², в испытываемых негативных чувствах опрошенных есть и гендерные различия (см. табл. 1).

¹⁰ Итоги 2022: события, герои, планы на новогодние праздники // ВЦИОМ. 22 декабря 2022. URL: <https://u.to/9SR8IA> (дата обращения: 22.11.2023).

¹¹ Тренды-2022: больше общения, больше поддержки, больше здоровья! // ВЦИОМ. 28 ноября 2022. URL: <https://u.to/SCV8IA> (дата обращения: 22.11.2023).

¹² Привлечены данные пятого всероссийского исследования с охватом всех отраслей национального хозяйства на базе усовершенствованной методики 2018 г. для выявления изменений за 5 лет (этот лаг времени дал надёжные результаты для выявления устойчивых изменений на рынке труда). Осуществлено в мае-июне 2022 г. (N=200) по репрезентативной выборке для Российской Федерации и федеральных округов с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Всего отобрано 89 поселений, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов РФ, 30 районных центров, 23 села, 15 поселков городского типа. Расчёт эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами с учётом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-и поселений; 3) по социально-профессиональному составу (14 групп). Проект РНФ «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» № 18-18-00024 (<https://rscf.ru/project/21-18-28013/>).

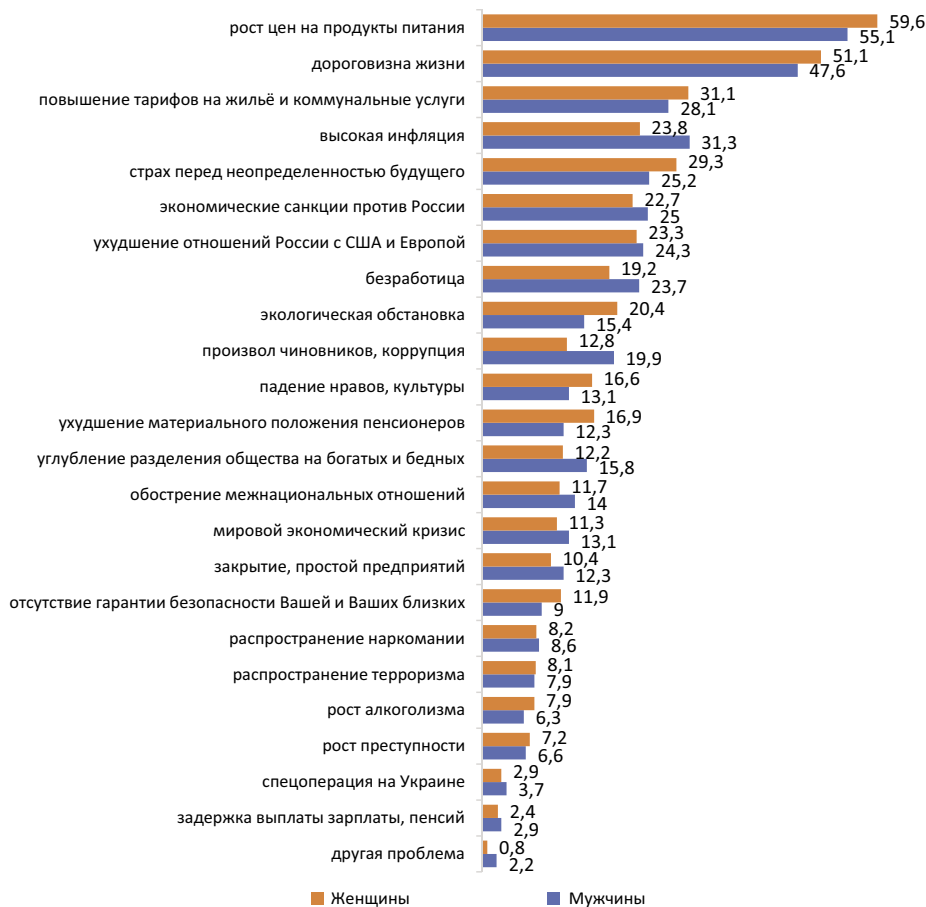

Рисунок 5. Проблемы, которые волнуют человека
(вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»),
2022 г., % от числа опрошенных в гендерных группах

Источник: данные мониторинга «Как живёшь, Россия?», 2022 г.

Чувства, которые в последнее время испытывают мужчины и женщины, 2022, % Таблица 1

Чувства	Пол	
	Мужской	Женский
Удовлетворённость своим положением	15,5	15,5
Уверенность в своём будущем	18,8	11,9
Страх перед будущим	15,8	29,5
Беспомощность повлиять на происходящее	25,4	27,1
Чувство несправедливости	19,2	17,5
Чувство, что так жить дальше нельзя	9,6	9,4
Стыд за нынешнее состояние своей страны	8,6	6,6
Одиночество	3,9	4,1
Затруднились ответить	21,0	16,7

Источник: данные исследования Прекариат–2022.

Так, мужчины более уверены в своём будущем, чем женщины – 18,8% против 11,9%, наряду с чем страх перед будущим испытывают почти в два раза больше женщины – 29,5%, чем мужчины – 15,8%, а стыд за нынешнее состояние своей страны присущ 8,6% мужчин и 6,6% женщин. Принято считать, что о чувствах мужчины готовы заявлять менее охотно, что отражается в разнице затруднившихся ответить – 21% мужчин и 16,7% женщин. Эмоциональная тревожность и «хрупкость» личного и семейного будущего как возможного сценария развития событий порождает у более чем половины опрошенных пессимистические чувства – 50,2%. Представления о своём собственном будущем скорее спокойные и уверенные у 52%, беспокойные и опасные у 44%, а о будущем России 49% и 48% соответственно.

Безусловно, СВО переустраивает жизненный мир, а возникающие проблемы носят и будут носить гендерную характеристику. Например, мобилизация мужчин в ряды вооружённых сил повлекла за собой дефицит кадрового состава на производстве и в бизнесе. В связи с чем к должностным обязанностям мужчин подключаются женщины. Отток мужского населения произошёл также и по причине массового выезда из страны в связи с частичной мобилизацией – «приблизительно 700 тысяч мужчин покинули страну, тем самым создали кадровый дефицит»¹³. Влияние мобилизации и выезд из страны точно оценить сложно, тем более что имеет место возвратная миграция, однако, ситуационно дефицит специалистов был зафиксирован. Как правило, речь идёт о профессиях, которые женщинам не под силу: дальнобойщики, строители и другие рабочие профессии, которые востребованы в малом и среднем бизнесе. Так, из-за нехватки машинистов в метрополитене г. Москвы было приостановлено движение некоторых поездов. В Магадане были призваны 15 специалистов Госкорпорации по организации воздушного движения, что чуть не повлекло закрытие организации¹⁴. Также были на грани закрытия ИТ-компании и предприятия морских и речных портов. Таким образом, на фоне мобилизации снизилось количество квалифицированного мужского персонала. То, каким образом будет развиваться ситуация представляет интерес в перспективном социологическом анализе.

Обсуждение. Доминантой социального настроения последних трёх десятилетий стали социальные изменения как таковые. На долю россиян выпали трансформации как глобального, так внутригосударственного уровней. В социальном конструкте гендера, как мы говорили выше, «моделируется не пол, а ценностно-нормативные отношения к нему в конкретных социальных условиях», работают «технологии гендера». По данным ФОМ за 2023 г., 16% россиян считают, что женщинам проще живётся, чем мужчинам, а 37% считают, что женщинам сложнее, в 2011 году такое мнение высказывали 49%. Треть опрошенных (34%) в 2023 г. полагают, что оба пола имеют одинаково сложную жизнь, в 2011 г. так считали 38%. Гендерные особенности проявляются в социальных ожиданиях и притязаниях представителей полов. Примечательно, что залогом женского счастья мужчины считают любовь, такое мнение высказали 57% мужчин, также более половины мужчин – 52% следующим приоритетом назвали семью, а 41% – материнство. Тогда как сами женщины на первое место поставили доста-

¹³ Forbes: С начала мобилизации Россию покинули от 700 тысяч до 1 миллиона человек // Издание «Бизнес Online». 4 октября 2022. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/565839> (дата обращения: 22.02.2023).

¹⁴ Набиуллина Л. «Получаю предложения, которых раньше не было»: как мобилизация отразилась на рынке труда // Журнал «КО». 30 ноября 2022. URL: <https://u.to/-Ch8IA> (дата обращения: 22.02.2023).

ток (59%), на второе – любовь (57%) и лишь на третье – семью (53%). Таким образом, триада женского счастья по мнению мужчин – любовь, семья и материнство, а по мнению женщин – достаток, любовь, семья. Каковы причины такой разницы?

По данным исследования Прекариат–2022, величина среднемесячного заработка мужчин составила 45 362,4 рублей, женщин 36 370,8 рублей, т.е. разрыв в заработной плате составляет около 20%. Причина уменьшения разрыва скрывается в том, что 19,6% мужчин и 14,8% женщин подрабатывают на стороне регулярно, а фактически треть опрошенных – 34,1% мужчин и 30,3% женщин, предпринимают это на нерегулярной основе. Субъективная оценка справедливости вознаграждения за труд также важна для оценки гендерных особенностей шансов и возможностей. В пользу того, что оценка оплаты их труда справедлива высказывается чуть большее количество опрошенных мужчин – 25,9% против 22,8% женщин. Сомнения не всегда справедливого вознаграждения есть у 44,5% женщин, против 41,8% мужчин. О полной несправедливости их оценки труда заявляют примерно равное количество женщин и мужчин – 23,9% и 24,1% соответственно.

Вернёмся к данным ФОМ: практически сравнялась для женщины значимость материнства (35%) и карьеры (33%). Современная российская женщина ориентирована на свободу (30%), а каждая четвёртая не мыслит счастливую жизнь без творчества (25%). Примечательно, что в молодёжных возрастах до 34 лет триада счастья – карьера, свобода, дружба, но с возрастом это нивелируется, приоритеты меняются в пользу материнства и замужества. Однако есть опасный сигнал для института семьи в принципе, так как по мнению обоих полов значимость брака и детности по сравнению с 2010 г. снизилась¹⁵. Таковы примеры проявления «технологии гендера» в социальных позициях женщин и мужчин.

Предваряя выводы в целом, представим приоритетность как распределение ответов женщин и мужчин в отношении проблем, которые беспокоят в первую очередь в структуре (см. табл. 2), что позволяет лучше визуально дать константы социальных позиций как Топ-3: красным «первый приоритет», жёлтым «второй приоритет», зелёным «третий приоритет». В 1993 году «первый приоритет» – преступность, далее в 2001, 2008, 2014, 2022 «первый приоритет» – дороговизна жизни как доминантная проблема, сигнализирующая о выживаемости социума, константа социального настроения. Преступность как «второй приоритет» доминирует и в 2001, и в 2008 гг., снижаясь в 2014 г., более чувствительна эта проблема для женщин, чем для мужчин. Разделение общества на богатых и бедных – проблема устойчиво волнующая общество в целом, но её значимость как приоритетной и весомой особенно обозначается в 2014 и в 2022 гг. Триада первенства значительных противоречий, вызывающих неприязнь в современном российском обществе, названы: противоречия между бедными и богатыми – 72% в 2014 г. и 64% в 2022 г., противоречия между низшими и высшими классами – 68% в 2014 г. и 61% в 2022 г., противоречия между народом и властью – 51% в 2014 г. и 50% в 2022 г. [16, с. 32]. Данные таблицы 2 также показывают более плотный набор, спрессованных проблем в 1993 и 2001 гг., затрагивающих потребности и интересы гендерных групп. Примером гендерно-чувствительной проблемы служит реагирование на ухудшение экологической обстановки (3-й приоритет в 1993 г. для обоих полов), для женщин данная проблема имеет значимо большее значение во все исследуемые годы: в 2001 +13 п.п., в 2008 +8,6 п.п., в 2014 +4,5 п.п., в 2022 +5 п.п. (см. табл. 2).

¹⁵ Дети для счастья женщинам нужны так же, как карьера // SuperJob. 10 июля 2023. URL: <https://u.to/7i98IA> (дата обращения: 16.08.2023).

Таблица 2

Приоритетность распределения ответов женщин и мужчин в отношении проблем, которые беспокоят их в первую очередь, % по столбцам от числа опрошенных в группах

Проблемы	1993		2001		2008		2014		2022	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Ухудшение экологической обстановки	34,2	38,5	26,2	39,2	27,0	35,6	17,9	22,4	15,4	20,4
Дороговизна жизни	52,0	61,7	60,7	70,5	56,0	59,8	49,8	50,2	47,6	51,1
Наркомания	19,4	26,4	36,9	46,8	24,9	26,5	17,5	20,5	8,6	8,2
Остановка производства	34,6	24,1	35,1	21,8	17,8	7,4	13,1	8,9	12,3	10,4
Угроза безработицы	30,4	30,6	30,2	31,4	25,4	21,8	22,4	20,3	23,7	19,2
Преступность	53,3	62,8	49,7	51,3	31,2	32,4	20,1	22,8	6,6	7,2
Разделение общества на богатых и бедных	25,0	20,9	33,4	33,4	23,5	20,5	23,8	23,4	15,8	12,2
Детская беспризорность	17,9	27,0	–	–	–	–	–	–	–	–
Приток беженцев, мигрантов	19,9	15,5	–	–	–	–	–	–	–	–
Ухудшение межнациональных отношений	16,1	15,6	22,2	19,9	10,1	9,2	15,8	14,3	14,0	11,7
Другое	5,1	4,5	0,9	0,6	–	–	–	–	–	–

Примечание: Выделение цветом отражает степень приоритетности. Красный – «первый приоритет», жёлтый – «второй приоритет», зелёный – «третий приоритет».

Источник: данные мониторинга «Как живёшь, Россия?», 1992–2022 г.

Закключение. Оценка и сравнительный анализ социального настроения женщин и мужчин с целью выявления гендерных особенностей, с акцентом на кризисные и переломные моменты трех десятилетий новейшей истории России – 1993, 2001, 2008, 2014, 2022 показывает высокую степень ёмкости и аккумуляирования социальным настроением влияния и воздействия ситуативных факторов, высокую критическую массу событий, определяющих негативное восприятие действительности, что определяет эмоциональное состояние. При этом для женщин характерен в большей степени страх перед будущим, а для мужчин большая уверенность, но и стыд, фиксация связки беспомощности и невозможности повлиять на происходящее. Установлено также различие в оценках социальных ожиданий о счастье женщины с точки зрения мужчин и самих женщин, поставивших в триаде своего счастья на первое место «достаток», а не «любовь», как это кажется мужчинам. Это может быть подтвержде-

нием состояния конфликтного поля гендера в его ценностной составляющей. Можно говорить о наличии гендерно-чувствительных проблем как для женщин, так и для мужчин, но различия оценок часто в пределах 4%, а это статистически незначимые различия. В целом общее воздействие технологий гендера, значимость ценностно-нормативной нацеленности социального конструкта гендера имеет место быть, но инерционность социального настроения, его основной алгоритм требует высокой степени адаптивности, решения материальных проблем, в большей степени выживания и преодоления нужды, чем самореализации в половом проявлении. Налицо универсализация, сближение интересов и потребности индивидов независимо от пола в переживаемых социальных изменениях. Константа социального настроения последних трех десятилетий выступает доминирующим и решающим фактором, объясняет отсутствие кардинальных сдвигов в общественной жизни, диагностируемое в устойчивой отчужденности от властного ресурса, осознании несправедливости общества неравных возможностей, что характерно, как для женщин, так и для мужчин. Именно историко-социологический анализ позволил дать объективную оценку социального настроения по признакам длительности (ситуативное, актуальное, константное), подтвердить его значимость для диагностики общности или расколотости социальных позиций в гендерном измерении. Социальные изменения продолжают носить кардинальный характер, новый социальный порядок, включая новый гендерный порядок, продолжает быть в подвижном, несбалансированном состоянии, поэтому дальнейшее внимательное отношение к особенностям реагирования гендерных общностей остаётся актуальным в перспективных исследованиях для фокуса видения настоящего и прогнозирования будущего.

Библиографический список

1. *Тощенко Ж. Т. Харченко С. В.* Социальное настроение. М. : Academia, 1996. 195 с. ISBN 5-87444-043-7. EDN [SAPJBV](#).
2. *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М. : Мысль, 1966. 328 с. EDN [VQMDVL](#).
3. *Lawrence M., Scott J., Homer-Dixon Th.* What Is a Global Polycrisis? Version 2.0. Cascade Institute, 2022. URL: <https://cascadeinstitute.org/wp-content/uploads/2022/04/What-is-a-global-polycrisis-v2.pdf> (accessed: 04.12.2023).
4. *Тощенко Ж. Т.* Социология жизни. М. : Юнити-Дана, 2016. 399 с. ISBN 978-5-238-02880-4. EDN [XFBQUJ](#).
5. Общественное мнение – 2022. М. : Левада-Центр*, 2023. 224 с.
6. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс. 1996. 416 с. ISBN 5-7567-0053-6.
7. *Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования : в 2-х ч. Часть II: Хрестоматия / Под. ред. С. В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001. С. 405–436.
8. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с. ISBN 5-98704-024-8.
9. *де Лауретис Т.* Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования : в 2-х ч. Часть II: Хрестоматия / Под. ред. С. В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001. С. 23–47.
10. *Казнин Л. Н.* Гендерная теория в социальном знании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 4. С. 71–77. EDN [MBVZYB](#).
11. *Дерлугьян Г.* Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. 384 с. ISBN 978-5-93255-363-3.
12. *Тодд Э.* После империи: Рах Americana – начало конца / Пер. с фр. Е. Н. Корендясова. М. : Международные отношения, 2004. 231 с. ISBN 5-7133-1188-0.

* АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

13. Милованова М. Ю. Социальное настроение сельских жителей в условиях пандемии COVID-19: гендерные аспекты // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 77–89. DOI [10.21064/WinRS.2022.3.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.5). EDN CUQOSG.
14. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023). EDN ORTSAQ.
15. Гребняк О. В., Новоженнина О. П. Структура социальной тревожности российского общества: гендерный акцент // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 24–35. DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.2](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.2). EDN KNQPPC.
16. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53-й этап социологического мониторинга, июнь 2023 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023). EDN UVGWIE.

Поступила: 09.01.2024. Принята: 02.02.2024.

Сведения об авторе:

Милованова Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия. m_milovanova@mail.ru
Author ID РИНЦ: 383579; ORCID: 0000-0002-5453-5954; Researcher ID (WoS): AEO-4299-2022

M. Yu. Milovanova¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

THE GENDER DIMENSION OF SOCIAL MOOD IN MODERN RUSSIA: THE EXPERIENCE OF HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. Social mood is the most developed phenomenon of sociological theory and practice, the consideration of which is important for assessment and expertise in times of crises and obvious social changes. Social mood is considered as a phenomenon and an integral characteristic of the perception of life in society, the state of the human spiritual world, an integral form of life perception, the dominant of a really functioning social consciousness and behavior. To identify the gender characteristics of social positions, a primary analysis of the data of the All-Russian sociological monitoring “How are you, Russia?” (1992-2022) during the crisis and turning points of three decades of the modern history of Russia was carried out – 1993, 2001, 2008, 2014, 2022. The data of the research institute “Precariat: a new phenomenon in the socio-economic structure of society” are involved (RNF No. 18-18-00024). The empirical basis for the secondary analysis was the data of the All-Russian centers for sociological research, statistical information, and publications in the media in current periods. A comparison of respondents’ responses to problems, their prioritization in the opinions of women and men allowed us to identify dominant events, emerging new combinations of crisis phenomena of economic, political, and spiritual orders in the development of Russian society at mega-, meso-, and microlevels. The conclusion is made about the presence of common constants in the social positions of 1993, 2001, 2008, 2014, 2022, the stable reaction of society with the designation of the main problems of high cost of living, crime, social stratification. The situation of gender communities in the periods under review is characterized by an insufficient “safety cushion”, alienation from a power resource, differences in assessments of social expectations about a woman’s happiness from the point of view of men and women themselves, and the presence of gender-sensitive problems for both women and men.

Keywords: social mood, sociology of life, women, men, gender, social positions, social expectations, social changes, gender technologies, values

For citation: Milovanova M. Yu. The gender dimension of social mood in modern Russia: the experience of historical and sociological analysis. *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):46–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.4>.

References

1. Toshchenko J. T. Kharchenko S. V. Social mood. Moscow: Academia; 1996. (In Russ.). ISBN 5-87444-043-7.
2. Parygin B. D. Public Mood. Moscow: Mysl'; 1966. (In Russ.).
3. Lawrence M., Scott J., Homer-Dixon Th. What Is a Global Polycrisis? Version 2.0. Cascade Institute; 2022. URL: <https://cascadeinstitute.org/wp-content/uploads/2022/04/What-is-a-global-polycrisis-v2.pdf> (accessed: 04.12.2023).
4. Toshchenko J. T. Sociology of life. Moscow: Unity-Dana; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-238-02880-4.
5. Public opinion – 2022. Moscow: Levada Center, 2023. 224 p. (in Russ.).
6. Sztompka P. The sociology of social change. Moscow: Aspect Press; 1996. (In Russ.). ISBN 5-7567-0053-6.
7. Scott J. Gender: A Useful Category of Historical Analysis. In: S. V. Zhrebkin (ed.) Introduction to Gender Studies. In 2 parts. Part II: Textbook. Kharkiv: HCGI; 2001. St. Petersburg: Aleteia; 2001. P. 405–436. (In Russ.).
8. Sztompka P. Sociology Analysis contemporary society. Moscow: Logos; 2005. (In Russ.). ISBN 5-98704-024-8.
9. de Lauretis T. American Freud. In: S. V. Zhrebkin (ed.) Introduction to Gender Studies. In 2 parts. Part II: Textbook. Kharkiv: HCGI; 2001. St. Petersburg: Aleteia; 2001. P. 23–47. (In Russ.).
10. Kaznin L. N. Gender theory in social science. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*. 2009;4:71–77. (In Russ.).
11. Derlugyan G. How the world works. Sketches on macrosociological topics. Moscow: Gaidar Institute Press; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-363-3.
12. Todd E. Après l'empire. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2004. (In Russ.). ISBN 5-7133-1188-0.
13. Milovanova M. Yu. Social mood of rural residents in the context of the COVID-19 pandemic: gender aspects. *Woman in Russian Society*. 2022;(3):77–89. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2022.3.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.5).
14. Berezina N. V., Bogdanov I. Ya., Velikaya N. M. [et al.] Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023).
15. Grebnyak O. V., Novozhenina O. P. The structure of social anxiety in Russian society: gender emphasis. *Science. Culture. Society*. 2022;28(2S):24–35. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.2](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.2).
16. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 53rd stage of the sociological monitoring, June 2023. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023).

Received: 09.01.2024. Accepted: 02.02.2024.

Information about the author:

Marina Yu. Milovanova, candidate of historical sciences, associate professor of the Department of political sociology and social technologies, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. m_milovanova@mail.ru
ORCID: [0000-0002-5453-5954](https://orcid.org/0000-0002-5453-5954); Researcher ID (WoS): [AEO-4299-2022](https://orcid.org/AEO-4299-2022)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.5)
EDN [QICLDZ](https://www.edn.ru/qicldz)
УДК 323.1+316.3

Г. С. Денисова¹, Е. А. Авдеев², С. М. Воробьев²

¹ Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия

² Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия

РОЛЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Аннотация. Статья посвящена роли русского населения в социокультурной интеграции Северного Кавказа. Снижающийся социокультурный статус и отрицательная миграционно-демографическая динамика русского населения Северного Кавказа оказывают негативное влияние на дальнейшее развитие региона. Увеличиваются риски снижения роли российской культуры, ослабления ментальной основы российской социокультурной идентичности. На основе социологического анализа интеграционных процессов в регионе выделено социокультурное значение русских как носителей базовых институтов российской культуры и государственности в процессе советской и постсоветской модернизации. Раскрыты основные причины оттока русского населения в 1980–1990-е гг. и продолжающегося в настоящее время уменьшения его численности. На основе социологического опроса определена позитивная оценка молодёжью вклада русского населения в модернизацию Северного Кавказа, её положительные представления о базовых чертах национального характера русских, проживающих на Северном Кавказе, высокая степень интеграции молодых людей вокруг основных социокультурных символов общероссийской идентичности. По мнению респондентов, основными причинами оттока русских из региона являются отсутствие перспектив для развития и самореализации, бедность и безработица, клановость и коррупция. Снижение численности русского населения не воспринимается большей частью молодёжи как значимая проблема. Была выявлена высокая степень совпадения позитивных оценок респондентами различных этнических групп вклада русского населения в развитие Северного Кавказа, установлена значительная степень совпадения самоописания коммуникативных этнических характеристик русских респондентов и их восприятия респондентами из числа северокавказских народов. Результаты исследования подтверждают устойчивую тенденцию к укреплению межэтнической интеграции среди молодёжи северокавказского региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, молодёжь, русские, социокультурная интеграция, демографическая динамика, миграция

Для цитирования: Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Роль русского населения в социокультурной интеграции народов Северного Кавказа: демографическая динамика и представления студенческой молодёжи Ставропольского края // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 62–79. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.5). EDN [QICLDZ](https://www.edn.ru/qicldz).

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодёжи Северного Кавказа».

Введение. Русское население на Северном Кавказе сыграло значительную роль в социокультурной интеграции народов региона. Исторически политика российского государства, направленная на включение русского культурного компонента в состав населения региона, преследовала несколько целей, которые часто не манифестировались. Русские рассматривались как носители российской ментальности и основа для формирования в данном регионе современных институтов – образования, права, форм поселения, аграрных технологий и промышленных предприятий. Имплементация этих институтов в культурную среду кавказских народов региона происходила медленно, порою драматично. Этот процесс имел двустороннюю направленность культурного взаимообмена, который лежит в основе российской цивилизации. Поэтому отток русского сегмента населения из региона, начавшийся в позднесоветский период, некорректно рассматривать только в демографическом ракурсе, поскольку вместе с потерей носителей русской культуры и современных экономико-правовых институтов в этом макрорегионе России ослабляется объективная и ментальная основа российской цивилизационной идентичности.

Сохранение геополитических угроз России и возрождение в политическом дискурсе стран условного коллективного Запада идей о расчленении России и ослаблении общенационального единства объясняют острую актуальность укрепления российской цивилизационной идентичности в республиках Северного Кавказа, и прежде всего в среде молодёжи. В этих условиях актуализируется изучение коллективных представлений молодёжи о роли русского населения в регионе. Готовность к его сохранению и расширению за счёт привлечения из других регионов, является неочевидной. Такой анализ необходим для определения возможных перспектив и тенденций дальнейшего развития Северного Кавказа (включая возможный приток русского населения), укрепления сложившегося в последние годы тренда на формирование общероссийской идентичности и межнационального согласия. Пилотная постановка этой проблемы была реализована в социологическом опросе русской и северокавказской молодёжи, который был проведён авторами в 2022 году.

Материалы и методы. Последние три десятилетия в отечественной и зарубежной науке различным аспектам социально-политической, демографической, межэтнической и миграционной ситуации в полиэтничных регионах России посвящена обширная библиография. Анализ процессов этнической мобилизации, межэтнических противоречий в национальных республиках РФ и путей выхода из конфликтных ситуаций в 1990-е гг. был проведён Л. М. Дробижевой. На основе исследования межэтнических отношений в последнее десятилетие XX в. подчёркивается необходимость расширения гражданского участия в регулировании межэтнических противоречий [1]. Большое теоретико-методологическое и практическое значение имеет исследование общероссийской гражданской идентичности, консолидирующей полиэтничное пространство России, проведённое Л. М. Дробижевой и С. В. Рыжовой. Результаты подчёркивают возрастание роли общероссийской идентичности и повышения её актуальности. Россиян объединяют прежде всего представление об общем государстве, русский язык, а также территория, родная земля, природа. Затем следуют историческое прошлое и культура. Общероссийская идентичность, по результатам количественных опросов, в основном государственно-гражданская, что позволяет ей выполнять функцию интеграции полиэтничного общества [2, с. 24–50].

Среди исследований, посвящённых анализу содержания социокультурного синтеза, сформировавшегося в регионе, можно выделить работу А. Х. Борова и Р. Х. Кочесокова, рассматривающих исторические этапы и проблемы этого процесса [3, с. 43–60.]. Анализу восприятия междивизиационного взаимодействия непосредственными его субъектами – русскими и горцами, посвящена работа А. А. Цуциева [4; 5], который анализирует исторические корни распространённых этнокультурных стереотипов; во втором десятилетии XXI в. эта проблема была переосмыслена уже в период стабилизации политической обстановки [6]. На сложный характер русско-кавказского взаимодействия в регионе обращали внимание зарубежные исследователи, интерпретируя этот процесс как столкновение цивилизаций [7; 8].

Социологическому анализу интеграционного процесса в регионе с выделением социокультурной роли русского населения как носителя базовых институтов российской культуры и общества модерна посвящено исследование Г. С. Денисовой и В. П. Уланова [9]. Социально-демографический процесс расселения русских на Северном Кавказе на основе обширного статистического материала представлен в исследованиях А. Б. Дзадзиева, В. С. Белозерова и С. Я. Сущего [10; 11; 12]. Ими показано значительное сужение ареала расселения русских, и утрата ими консолидирующей функции в регионе в конце XX в. В этом контексте предпринимаются попытки осмыслить поиск новой платформы интеграционной политики в регионе. Интерес представляет коллективная монография учёных Южного федерального университета, посвящённая эмпирической верификации возможности имплементации в современных российских условиях зарубежных моделей межкультурной интеграции. Наряду с анализом результатов массового опроса населения субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, посвящённых оценке межнациональных взаимодействий в регионах (т.е. достигнутому к 2017 г. уровню межкультурной интеграции), в этой работе представлен также спектр позиций учёных этого макрорегиона и экспертов-практиков в сфере регулирования межэтнических взаимодействий [13]. Мониторинг межнациональных отношений в регионах ЮФО и СКФО в последнее десятилетие свидетельствует о том, что к началу 2020-х гг. произошла стабилизация в этой сфере социальных отношений [14; 15]. На первый план вышли проблемы экономического развития, однако молодёжь региона по-прежнему остаётся в зоне риска радикализации умонастроений, поскольку именно эта группа ориентирована на высокий уровень потребления, который предполагает высокий уровень дохода; но, одновременно, именно эта группа испытывает наибольшие трудности на региональном рынке труда. В 2009 и 2021 гг. среди студенческой молодёжи Краснодарского и Ставропольского краёв, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик по единому инструментарию были проведены опросы, направленные на выявление динамики общероссийской идентичности, в которой отражается процесс межкультурной интеграции. Результаты опроса показали, что в группе респондентов-кавказцев за этот период увеличился дисбаланс общероссийской и этнической идентичностей при доминировании последней [16, с. 84]. Данная ситуация актуализирует необходимость изучения отношения молодёжи к присутствию русского сегмента населения в регионе.

В основу изучения отношения молодёжи к проблеме социокультурной интеграции населения региона были положены методы количественного сбора информации и сравнительного анализа. Основанием для их использования выступила необходимость выявления установок целевой группы, сегментированной по признаку этнической идентичности. Метод сбора данных – анкетирование. Опрос был проведён

в феврале-марте 2022 г. среди студентов ведущих вузов Северного Кавказа, аккумулирующих в себе молодых людей, представителей всех субъектов СКФО, а именно в Северо-Кавказском федеральном университете, Ставропольском государственном аграрном университете и Ставропольском государственном медицинском университете (г. Ставрополь), Пятигорском государственном университете (г. Пятигорск). Выбор в качестве объекта наблюдений студентов обусловлен значительной долей этой группы в когорте молодёжи 18–24 гг. и её социальной активностью. Выборочную совокупность составили 1235 респондентов в возрасте 18–24 года, 54% из которых девушки, 46% юноши. Важным индикатором выборки в соответствии с задачами исследования был этнический состав респондентов. Студенты сами определяли свою этническую идентичность. По результатам обработки данных опроса все анкеты были разделены на три группы: 50% русских респондентов, 40% – относящих себя к народам Северного Кавказа, 10% составили респонденты, которые определили свою принадлежность к другим народам. Опрос проводился на платформе Google Формы. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что выделенные по этнической идентичности группы будут отличаться в оценке уровня социокультурной интегрированности населения и в оценке роли русского населения в формировании культуры региона. Инструментарий опроса включал несколько блоков вопросов, направленных на выявление: 1) отношения к русскому населению как составной части населения Северного Кавказа, транслируемого в переживаниях семейных событий; 2) определения стереотипного восприятия русского национального характера и культурных ориентаций русской молодёжи региона; 3) выявление отношения к снижению доли русского населения в составе населения республик и причин этого процесса. В статье рассматривается выборка русских и респондентов, относящих себя к народам Северного Кавказа.

Результаты и обсуждение. Первая половина XX в. характеризуется активным переселением русских на Северный Кавказ. Это было связано с возрастающими масштабами индустриализации, внедрением коллективных форм сельского хозяйства и социокультурной модернизацией. Происходила социокультурная интеграция русского и северокавказских народов в новую социалистическую систему социально-политических институтов и формирование советской идентичности, основанной на таких ценностях, как дружба народов, коллективизм, равенство и социальная справедливость. В этом процессе русское население выступало носителем базовых институтов российской культуры – государственности, русского языка, коллективных форм хозяйственной деятельности, ценностей коллективизма, межнационального сотрудничества, созидательного труда на благо общества [17].

В этот период русские сыграли значительную роль в индустриализации региона и урбанизации. Они составляли большую часть населения городов Северного Кавказа. С развитием промышленного производства происходил активный приток рабочих, преимущественно русских по национальности, из центральных и западных регионов СССР. Привлечение рабочей силы из других регионов во многом было обусловлено сохраняющимся традиционным образом жизни северокавказских народов, их привязанностью к земле и аграрным видам деятельности. Русское население стало основой формирующегося рабочего класса и способствовало активной интеграции представителей северокавказских народов в промышленный сектор экономики.

Развитие промышленности сопровождалось ростом городского населения и способствовало перетоку сельских жителей в города. Советская модернизация региона привела к увеличению русского населения в городах. Русское население

в северокавказских республиках с 20-х по конец 30-х гг. XX в. значительно возросло. В Дагестане доля русского населения увеличилась с 12,5% до 20,1%, в Чечне и Ингушетии – с 16,3% до 49%, в Кабардино-Балкарии – с 7,5% до 38,7%, в Северной Осетии – с 6,6% до 39,6%, в Карачаево-Черкессии – с 2,9% до 51%¹. К концу 50-х гг. XX в. доля русских в структуре городского населения была наибольшей. Например, в г. Грозном в 1939 г. их численность составила 122,5 тыс. человек и к концу 50-х гг. XX в. увеличилась до 196,5 тыс. человек. В г. Орджоникидзе (Владикавказе) численность русского населения составляла 76,3 тыс. человек в конце 30-х гг. и увеличилась к концу 50-х гг. до 97,5 тыс. человек [18].

С 60-х гг. XX в. наблюдается тенденция уменьшения численности русского населения на Северном Кавказе, главным образом за счёт выезда сельских жителей в соседние регионы с преимущественно русским населением – Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область. Старение русского населения способствовало сокращению рождаемости. По данным переписи населения 1989 г. доля русских в Дагестанской АССР уменьшилась с 20,1% до 9,2%, в Чечено-Ингушской АССР – с 49% до 23,1%, в Кабардино-Балкарской АССР – с 38,7% до 32%. Численность русского населения Карачаево-Черкесской АО также уменьшилась с 51% до 42,4%². Из-за миграции русское население региона в 70–80-е гг. XX в. потеряло около 200 тыс. чел. Если в начале 60-х гг. русские в северокавказских республиках составляли около 39% населения, то к концу 80-х гг. – лишь 26%. Снижение численности русского населения совпадает с дальнейшим демографическим ростом у ряда северокавказских народов [11; 10, с. 116].

Распад СССР вызвал «парад суверенитетов» в России, сопровождавшийся всплеском национализма и возрастанием межнациональной напряжённости. Эта тенденция вызвала отток русского населения, который резко вырос в период вооружённых действий в Северной Осетии и первой чеченской кампании [19]. Во второй половине 90-х гг. XX в. произошёл значительный отток русского населения из северокавказских республик (более 310 тыс. чел.). Большая часть из них уехала из Чеченской республики – 210 тыс. человек, а также из республики Дагестан – 45 тыс. чел. В г. Грозном, где существовала значительная доля русского населения, согласно переписи 2002 г. осталось только 5,3 тыс. русских [18, с. 71]. Социокультурный статус и отрицательная миграционно-демографическая динамика стали факторами нестабильности межнациональных и межконфессиональных отношений, оказали большое негативное влияние на дальнейшее социально-экономическое и социокультурное развитие Северного Кавказа. Уезжало в основном высокообразованное население, инженеры, врачи, учителя, представители бизнеса и эффективные управленцы, что ускорило деиндустриализацию экономики, ликвидацию крупных товарных сельскохозяйственных производств. Торможение миграционного оттока русских произошло лишь во втором десятилетии XXI в. Так за 2000-е гг. русское население уменьшилось только на 100 тыс. человек. При этом уехали из региона лишь 60 тыс. человек, а 40 тыс. пришлось на естественную убыль населения [12, с. 117]. Тенденция снижения численности русского населения в субъектах СКФО чётко прослеживается по данным переписей населения (см. табл. 1).

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Северо-Кавказский край] // Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928-29. Цит. по: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 19.10.2023).

² Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краёв РСФСР по полу и национальности // Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д.Д.204-232. Цит. по: URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=3 (дата обращения: 19.10.2023).

Таблица 1

Изменение численности и доли русских на Северном Кавказе

Население	1959		1989		2010		2020	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Чечено-Ингушская АССР (Чеченская Республика и Республика Ингушетия)								
Все население	710 424	100	1 270 429	100	1 681 518	100	2 020 365	100
Русские	348 343	49	293 771	23,1	27 902	1,7	21 564	1,1
Другие народы	362 081	51	976 658	76,9	1 553 616	98,3	1 998 801	98,9
Северо-Осетинская АССР (Республика Северная Осетия-Алания)								
Все население	450 581	100	632 428	100	712 980	100	687 357	100
Русские	178 654	39,6	189 159	29,9	147 387	20,7	122 374	17,8
Другие народы	271 927	60,4	443 269	70,1	565 593	79,3	564 983	82,2
Кабардино-Балкарская АССР (Кабардино-Балкарская Республика)								
Все население	420 115	100	753 531	100	859 939	100	904 200	100
Русские	162 586	38,7	240 750	31,9	193 644	22,5	174 831	19,3
Другие народы	257 529	61,3	512 781	68,1	666 295	77,5	729 369	80,7
Дагестанская АССР (Республика Дагестан)								
Все население	1 062 472	100	1 802 188	100	2 910 249	100	3 182 054	100
Русские	213 754	20,1	165 940	9,2	104 708	3,6	102 307	3,2
Другие народы	848 718	79,9	1 636 248	90,8	2 805 541	96,4	3 079 747	96,8
Карачаево-Черкесская авт. обл. (Карачаево-Черкесская Республика)								
Все население	277 959	100	414 970	100	477 859	100	469 865	100
Русские	141 843	51	175 931	42,4	150 490	31,5	127 711	27,2
Другие народы	136 116	49	239 039	57,6	327 369	68,5	342 154	72,8
Ставропольский край (без Карачаево-Черкесской авт. обл.)								
Все население	1 882 911	100	2 410 379	100	2 786 281	100	2 907 593	100
Русские	1 607 196	85,4	2 024 068	84	2 235 165	80,2	2 310 549	79,5
Другие народы	275 715	14,6	386 311	16	551 116	19,8	597 044	20,5
Всего по Северному Кавказу								
Все население	4 804 462	100	7 283 925	100	9 428 826	100	10 171 434	100
Русские	2 652 376	55,2	3 089 619	42,4	2 859 296	30,3	2 859 336	28,1
Другие народы	2 152 086	44,8	4 194 306	57,6	6 569 530	69,7	7 312 098	71,9

Доля русского населения на Северном Кавказе согласно переписи 1959 г. составляла 55,2%, в конце советского периода она уменьшилась до 42,4%, за постсоветский период сократилась до 28,1% населения. Резко снизилась доля русского населения на территории Чечни и Ингушетии с 49% в 1959 г. до 1,1% в 2020 г., а также Дагестана с 20,1% в 1959 г. до 3,2% в 2020 г. Тенденция на сокращение русского населения продолжилась и в 2020-х гг. Численность русского населения, включая казаков, с 1959 по 2020 гг. снижалась почти в 2 раза³.

Дополнительным фактором, негативно отразившемся на демографической динамике русских в регионе, является его старение. Русская молодёжь, уезжая из республик на работу или учёбу в другие регионы, как правило, не возвращается. В 1998 г. 30% русских, проживающих на территории национальных республик, были старше трудоспособного возраста, а у северокавказских народов доля такого населения составляла 17%. Наиболее значительная деформация возрастной структуры произошла в сельских районах с преимущественно русским населением [11].

К началу 2000-х годов фиксируется значительная убыль русского городского населения, особенно в столицах республик. В течение 1990-х гг. русское население городов региона сократилось на 20-30% [18, с. 71]. По прогнозу С. Я. Сущего, при сохранении существующих негативных тенденций к 2030 г. в республиках региона численность русского населения сократится до 700 тыс. человек, а к 2050 г. она составит менее 500 тыс. человек. Произойдёт дальнейшее сужение и ареала расселения русского населения [12, с. 135].

Утрата русского населения северокавказскими республиками отразилась на экономическом и социально-политическом состоянии региона в целом. Все республики СКФО на протяжении всего постсоветского периода занимают нижние места в таблице рейтинга экономического развития, и соответственно – в рейтинге качества жизни населения. В частности, в 2021 г. все республики, исключая Дагестан, оказались в списке последних двух десятков регионов по качеству жизни (КЧР – 84 место, Ингушетия – 82, Северная Осетия – 76, КБР – 75, Чечня – 74 место)⁴. Причину такого положения эксперты усматривают в узком рынке труда и высоком уровне безработицы, особенно среди молодёжи. Показатель безработицы в республиках в 2000-х годах превышал среднероссийский в 2–3 раза, а уровень заработной платы был более низким в сравнении со среднероссийским. В постсоветский период многие крупные предприятия общероссийского значения были закрыты без перспектив возрождения. Этот сектор был заменён малыми и средними предприятиями, выпускающими продукцию для местного потребительского рынка [20, с. 63–64]. Изменение ситуации связывали с развитием туристического кластера, в который входят шесть особых туристических зон, размещённых в каждой из республик. На них были выделены федеральные инвестиции. Однако пока эти надежды не оправдались⁵. Ана-

³ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краёв РСФСР по полу и национальности // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д.Д.204-232. URL: <https://u.to/A5151A>; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России // РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед.хр. 1566а-1566д (Таблица 3.4). URL: <https://u.to/I5151A>; Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Росстат. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: <https://u.to/NZ151A>; Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: <https://u.to/Tr151A> (дата обращения: 19.10.2023).

⁴ Шесть регионов СКФО оказались в конце рейтинга РФ по качеству жизни // РБК. Кавказ. 14 февраля 2022. URL: <https://u.to/Mp551A> (дата обращения: 19.10.2023).

⁵ Первые с конца: почему в СКФО самый низкий уровень жизни // Кавказ Пост. 28 февраля 2020. URL: <https://u.to/vJ951A> (дата обращения: 20.11.2023).

лиз концептуальных подходов к стратегическому развитию Северного Кавказа, проведённый И. В. Стародубровской, К. И. Казениным и Д. А. Ситкевичем, показал недостаточную эффективность модели «модернизации сверху», предусматривающей опору на крупные инвестиционные проекты, поддерживаемые государством [21]. Российские экономисты указывают на трудность адекватного анализа экономической ситуации в регионе в связи с фрагментарностью или малодостоверностью необходимой статистической информации. Их исследования показывают, что значительная часть хозяйственной деятельности в регионе существует в нелегальных формах. «Например, доходы от приусадебного хозяйства в Кабардино-Балкарии по масштабам сопоставимы с доходами бюджета республики. Объёмы производства мелких, находящихся в тени обувщиков в Махачкале практически на порядок превышают объёмы производства официальной продукции относительно крупных предприятий (часть производства которых также носит теневой характер. Оценка расходов домохозяйств северокавказских республик также демонстрирует, что их доходы не столь малы» [22, с. 65–67]. Так же и люди, числящиеся официально безработными, могут быть заняты в рамках теневой экономики.

Города в большинстве своём перестают быть центрами промышленного развития, в них возрастает роль торговли и сферы услуг. Увеличение доли бывших жителей села в структуре городского населения способствует частичной архаизации социальных отношений, возрастает роль этнической комплиментарности. Теневизации экономики в значительной степени способствует закрепление в системе управления республик практик неформального этнического квотирования. По оценке исследователей, в них реализуется неформальный «общественный договор, в рамках которого этническая принадлежность персоналий политико-управленческой элиты соотносится и даже предопределяется этническим составом данного субъекта, однако при приоритете титульных народов». Этот договор выражает коллективные представления большинства жителей республик о том, «что персоналии политико-управленческой элиты региона должны принадлежать, прежде всего, к титульным этническим группам» [23, с. 4–5]. Тем самым, в реальной практике закреплено представление о неравенстве этнических групп. При этом ряд исследователей признают, что в нынешних условиях принцип этнического представительства (квот) устарел. Население уже не видит реальной связи избранного депутата и интересов его этнической группы: депутатов «никто не уполномочивал выступать в роли представителей этнической группы. Будучи избранными, например, по общенациональному партийному списку, они, как и другие депутаты от данной партии, представляют интересы не отдельных этнических групп, а всех избирателей, проголосовавших за партию» [24, с. 35]. Вместе с тем, сохранение таких практик блокирует социальный лифт для мобильности молодёжи в социальном пространстве своих республик.

Все выделенные характеристики социально-экономической и политической среды северокавказских республик свидетельствуют об архаизации социальных взаимодействий, которая была вытеснена вместе с модернизаторской деятельностью российского (советского) государства. Сворачивание институтов общества современного типа, выезд русского городского населения вызвали восстановление архаичных структур, которые выполнили функцию «аварийной защиты» в сложный период 1990-х – первого десятилетия 2000-х годов. Этот тип отношений в последнее десятилетие выдавливает из региона молодёжь не только русского, но и северокавказских народов, открывая перспективу сохранения республик в качестве заповедников традиционных культур.

Анализ социологического опроса, проведённого авторами статьи в 2022 г., показал высокую степень близости позиций молодёжи по большинству поставленных вопросов, независимо от этнической идентичности респондентов. Важным источником конструирования этнической идентичности выступают исторические представления, которые формируются в семье. Этот процесс включает знакомство с нарративами об истории совместного проживания русского и северокавказских народов в процессе взросления в семье в повседневной жизни, во взаимодействии со сверстниками в школе. На этот пласт коллективных представлений наслаивается освоение больших исторических нарративов этнонациональных групп, которые позиционируются в школьных курсах по истории и литературе. Большинство респондентов отмечают, что в их семьях роль русских в истории Северного Кавказа оценивается позитивно (суммарно ответы «положительно» 42% и «скорее положительно» 15% составляют 57%). Вместе с тем 40% респондентов заявили о своей нейтральной позиции (оценка удовлетворительно). Чётко отрицательную оценку высказали только 3% респондентов. При этом среди русских позитивную оценку высказали немного больше респондентов (65%), чем среди респондентов, представляющих народы Северного Кавказа (50%) (см. рис. 1). Следует отметить также, что исторические травмы, воспоминание о которых присутствует в публичном дискурсе учёных, журналистов и общественных деятелей, представляющих народы региона, молодёжью не переносятся на русское население.

Определяющее значение в истории Северного Кавказа имеет масштабная советская модернизация, имевшая системный характер, включавшая политический, экономический и социокультурный аспекты. В этот период достаточно быстрыми темпами происходит переход северокавказского сообщества от традиционного аграрного к модернистскому индустриальному этапу развития. Большую роль в этом процессе, как отмечалось выше, играло русское население. В инструментарии опроса было предложено оценить вклад русского населения региона в его модернизацию. Ответы были ранжированы по пятибалльной шкале, где 5 и 4 – позитивные оценки, 3 – удовлетворительная и 2 и 1 – неудовлетворительные. Собранный материал свидетельствует в целом о положительной оценке студентами роли русского населения в модернизации региона. Отрицательные оценки практически отсутствуют (5%). Отметим также различия в оценках между респондентами разных этнических групп (см. рис. 2).

Рисунок 1. Оценка респондентами семейных нарративов о роли русских в истории Северного Кавказа, %

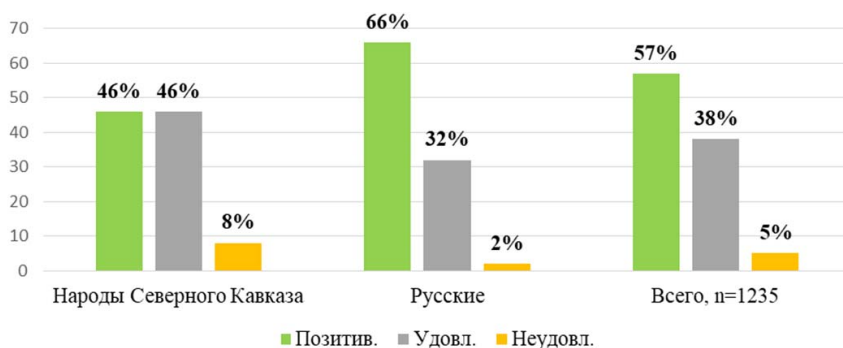

Рисунок 2. Оценка молодёжью вклада русского населения в модернизацию Северного Кавказа в советский период, %

Эта совокупная оценка дополнялась выявлением представлений русской и северокавказской молодёжи о базовых чертах национального характера русских, расселённых в регионе, а также – степени социокультурной и ценностной общности русского и северокавказского населения. В перечне предложенных характеристик русских были указаны значимые для межкультурной интеграции: доброжелательность, открытость, ориентированность на поддержание традиций своей культуры, а также готовность к принятию культуры народов Северного Кавказа. Анализ собранного материала показывает незначительные различия в оценках русской и кавказской групп респондентов. Так, основное большинство респондентов, 80% в целом по массиву опрошенных, согласились с тем, что русским присуща доброжелательность и открытость. Значимость товарищества и коллективизма как характерной черты русских на Северном Кавказе отмечают 74% респондентов. Эти характеристики не вызвали значимых различий в ответах по этническим группам. Значительно меньше респондентов согласились с тем, что русским присуще стремление сохранять этнокультурные традиции. Эту черту отметили только 58% респондентов, почти четверть (22%) – отклонили эту характеристику. Важно отметить также, что большинство респондентов (64% по массиву) отмечают открытость русских к принятию традиций и культуры северокавказских народов; однако почти пятая часть (18%) считают, что эта черта отсутствует. Выявлены незначительные различия в этих оценках между русскими и респондентами из числа северокавказских народов (см. табл. 2).

Более заметную дифференциацию позиций вызвал вопрос о приверженности русской молодёжи собственной культурной традиции, массовой культуре и региональной северокавказской культуре. Большинство ответов (41%) собрала позиция приверженности русской молодёжи региона северокавказской культуре. Четверть респондентов указали на то, что русская молодёжь в большей степени стала носителем западных ценностей и массовой культуры. При этом русские респонденты в большей степени (30%) выделяют данную характерную черту, чем молодёжь, относящая себя к северокавказским народам (20%). Меньше всего респондентов считают, что большинство русской молодёжи является носителем традиционной русской культуры (11%). Различия в ответах по национальным группам респондентов незначительны.

В связи с тем, что современная молодёжь много времени проводит в интернете, интересна была оценка отношения к русским в интернет-пространстве, блогосфере

Таблица 2

Представления молодёжи о базовых чертах национального характера русских, проживающих на Северном Кавказе, %

Черты национального характера	Народы Северного Кавказа			Русские			Всего, n=1235		
	Присущи	Не присущи	Затруднились ответить	Присущи	Не присущи	Затруднились ответить	Присущи	Не присущи	Затруднились ответить
Доброжелательность и открытость	80	11	9	82	9	9	80	10	10
Товарищество и коллективизм	72	16	12	76	12	12	74	13	13
Стремление сохранить русские культурные традиции	53	26	21	63	20	17	58	22	20
Принятие традиций и культуры северокавказских народов	61	20	19	68	16	16	64	18	18

и социальных сетях. Большинство респондентов (38%) полагают, что эта проблема в интернете освещается позитивно, ещё 19% не видят её в интернет-ресурсах; лишь 7% считают, что она освещается в негативном ключе. Высокий уровень совпадения позиций выделенных этнических групп респондентов свидетельствует о достижении социокультурной общности русской и северокавказской молодёжи. Характерные черты русского населения региона представляются молодёжью в позитивном ключе. Русские, по мнению респондентов, не утратили установки на традиционность, товарищество и коллективизм, открыты традициям и культуре северокавказских народов.

Выявленный уровень позитивной установки молодёжи в сфере межэтнических взаимодействий позволяет перейти к вопросу об отношении к выезду русского населения из региона. Собранный материал показывает, что у основного большинства опрошенных (79% в целом) эта ситуация не вызывает обеспокоенности (совокупность ответов «не беспокоит» – 55% и «затрудняюсь ответить» – 24%). Оставшаяся пятая часть респондентов утвердительно высказали своё беспокойство (21%). При этом северокавказскую молодёжь эта проблема беспокоит в три раза меньше (9%), чем русскую молодёжь (31%) (см. рис. 3).

В связи с тем, что миграция русского населения из субъектов Северного Кавказа продолжается, в ходе социологического исследования определялась оценка молодёжью наиболее значимых факторов оттока русских из региона. Такими факторами, по мнению молодых людей, являются отсутствие перспектив для развития и самореализации – 68%, бедность и безработица – 66%. Менее значимыми, но заметными факторами являются клановость и коррупция – 56%, а также напряжённость в межнациональных отношениях – 47%. Следующими по значимости являются проблемы личной безопасности, чувство незащищённости, страх за своё будущее – 43%. На морально-психологический дискомфорт как причину оттока указали 42% респондентов. Русские респонденты проявляют более высокую чувствительность к влиянию этих факторов, чем представители северокавказских народов (см. табл. 3).

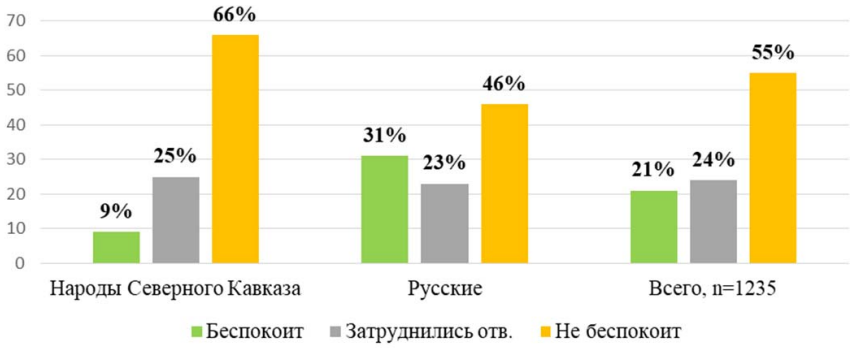

Рисунок 3. Отношение молодёжи к выезду русского населения из региона, %

Таблица 3

Оценка молодёжью наиболее значимых факторов оттока русских за пределы Северного Кавказа, %

Факторы оттока	Народы Северного Кавказа	Русские	Всего
Отсутствие перспектив для развития и самореализации	62	74	68
Бедность и безработица	61	71	66
Клановость и коррупция	49	63	56
Напряжённость в межнациональных отношениях	37	54	47
Чувство незащищённости, страх за своё будущее	33	52	43
Морально-психологический дискомфорт	33	50	42

Однако указанные причины формируют миграционные установки не только у русской, но и у северокавказской молодёжи. На свои планы продолжать обучение или работу в другом регионе за пределами Северного Кавказа указали 51% респондентов, при этом различий позиций в зависимости от национальности не проявилось. В качестве причин миграционных настроений 50% выделили отсутствие в своём регионе перспектив для развития и самореализации, 29% – бедность и безработицу, 24% – клановость и коррупцию, 15% – морально-психологический дискомфорт, 14% – чувство незащищённости и страх за своё будущее, лишь 10% указали на напряжённость в межнациональных отношениях. Основные причины носят социально-экономический и морально-психологический характер. Причины, связанные с межнациональной напряжённостью, угрозой терроризма и экстремизма, характерные для 1990-х гг. и 2000-х гг. сегодня уже не имеют былого влияния.

Позитивность межэтнических отношений и установки на социокультурную интеграцию подтверждаются оценкой социальной дистанции между русской и северокавказской молодёжью. Она измерялась на основе модифицированной шкалы Богардуса по пятибалльной системе (1 – минимальный, 5 – максимальный балл), когда респонденты указывали свою готовность участвовать в кон-

тактах разной степени близости с представителями другой этнической группы (соседство, семейное родство, совместная учёба или работа). В оценках опрошенных преобладают положительные установки. Так уровень социальной дистанции между русскими и молодыми людьми из числа северокавказских народов – 1.11 балла, а между северокавказской и русской молодёжью – 1.08 балла, что свидетельствует о незначительности социальной дистанции в молодёжной среде.

В ходе исследования была определена степень интеграции молодёжи вокруг основных социокультурных символов общероссийской идентичности. Так при ответах на вопрос, что объединяет Вас с гражданами России, 87% респондентов русских по национальности и 82% относящих себя к северокавказским народам указали на общее государство. Общее историческое прошлое является символом-интегратором для 83% русской молодёжи и 68% северокавказских народов. Историческая память северокавказских народов сохраняет наряду с интегрирующими, потенциально конфликтные нарративы, что объясняет меньшую объединяющую роль исторического прошлого. Русский язык имеет высокий интегративный потенциал. Это подтверждается тем, что он выступает объединяющим символом для 89% русских и 78% респондентов из числа северокавказских народов. Значение русской культуры как интегратора для молодых людей, относящих себя к северокавказским народам существенно ниже (43%), в качестве значимого фактора интеграции её указывают в два раза больше русских респондентов (83%).

Выводы. Снижающийся социокультурный статус и отрицательная миграционно-демографическая динамика русского населения Северного Кавказа могут оказать негативное влияние на дальнейшее социально-экономическое и социокультурное развитие региона. Это становится одним из факторов частичной архаизации и этнизации социальных взаимодействий. Русские в регионе всегда рассматривались как носители российской ментальности, выступали одной из основ интеграции в российское социокультурное пространство. Этот процесс несёт в себе двустороннюю направленность этнокультурного взаимодействия, который лежит в основе российской цивилизации. В этой связи отток русского населения из региона нельзя рассматривать только в демографическом аспекте, поскольку происходит потеря и носителей русской культуры, ослабляется объективная и ментальная основа российской социокультурной идентичности. Сложившиеся на Северном Кавказе негативные социально-экономические тенденции в последнее десятилетие выдавливают из региона молодёжь не только русского, но и северокавказских народов, открывая перспективу сохранения республик в качестве заповедников традиционных культур.

В результате эмпирического исследования было выявлено несколько факторов, влияющих на межкультурные интеграционные процессы: во-первых, стабилизация внутриполитической обстановки в субъектах СКФО определила «засыпание» этнической идентичности в молодёжной среде на уровне повседневных практик; во-вторых, можно зафиксировать высокую степень совпадения позитивных оценок респондентами разных этнических групп вклада русского населения в развитие северокавказского региона в XX веке; в-третьих, опрос позволил установить высокую степень совпадения самоописания коммуникативных этнических характеристик русской части респондентов и восприятия русских респондентами, идентифицирующими себя с северокавказскими народами. Все выявленные позиции создают возможность для оптимистического прогноза

в сфере укрепления межэтнической интеграции в молодом поколении северокавказского региона.

Собранные данные подтверждают также результаты других эмпирических исследований. В частности, более ранние замеры многоуровневой идентичности молодёжи региона свидетельствуют о непротиворечивом совмещении в представлениях молодёжи общероссийской гражданской и этнической идентичностей, что выражает одну из базовых ценностей российской цивилизации – сотрудничество и комплиментарную совместность жизни в общем социально-политическом и экономическом пространстве разных народов, сохраняющих свою этнокультурную идентичность (эта позиция была аргументирована эмпирическими данными в исследованиях Л. М. Дробижевой) [25, с. 16–17]. Не случайно опросы северокавказской молодёжи фиксируют устойчивость выбора позиции, поддерживающей самобытность российской цивилизации. Так совокупность ответов «Россия – ни Запад, ни Восток и имеет собственный путь развития» и «Россия – мост между западом и Востоком» в 2009 г. составила 72,2% (57,8% и 14,4% соответственно), а в 2021 г. – совокупность аналогичных позиций «Россия – самобытная цивилизация» и «Россия – мост между западной и восточной цивилизациями» – 73,4% (38,8% и 34,6% соответственно) [16, с. 83].

Эмпирические замеры восприятия социальной дистанции представителями различных этнических групп (в том числе – северокавказских народов) в соседней Ростовской области свидетельствуют о симпатиях к русским, которую выражают от 77 до 91% по разным этническим группам, а также консолидированность представителей всех этнических групп на основе доминирующих ценностей – русского языка и русской культуры [26, с. 54–78, 45–46]. Подчёркивая позитивность наблюдаемого уровня социокультурной интегрированности молодёжи, следует указать также на влияние поколенческого фактора. Ведущей проблемой этого возрастного периода является самоопределение в профессиональном выборе и продвижение (укрепление) социально-статусных позиций. Социально-экономические проблемы региона задают одинаковый импульс к выезду молодёжи разных национальностей за его пределы. В этом контексте выезд русского населения не воспринимается большей частью молодёжи как остро актуальная проблема. Она таковой не воспринимается и большинством республиканских элит, занятых проблемами регионального уровня. Исторический опыт формирования Северного Кавказа как составной части большого макрорегиона – Юга России, свидетельствует о том, что межкультурная интеграция народов как проявление российской цивилизационной самобытности укрепляется на основе масштабных совместных экономических проектов. Таким явлением в этом макрорегионе был процесс индустриализации. Нынешнее поколение молодёжи Северного Кавказа готово к возобновлению этого процесса в регионе на новой технологической основе, готово и к сотрудничеству с представителями различных народов, что формирует возможность возвращения сюда русского городского населения.

Библиографический список

1. Дробижева Л. М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 49–61. DOI [10.31857/S013216250015254-2](https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2). EDN [XPLWQE](https://www.edn.ru/XPLWQE).
2. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсеева [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022). EDN [WGDKYE](https://www.edn.ru/WGDKYE).

3. Боров А. Х., Кочесоков Р. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // Философские науки. 2011. № S1. С. 43–60. EDN [OUWZFD](#).
4. Цуцьев А. А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий (часть I) // Научная мысль Кавказа. 2001. № 2. С. 65–74.
5. Цуцьев А. А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий (часть II) // Научная мысль Кавказа. 2001. № 3. С. 52–59.
6. Левинсон А. Кавказские проблемы в нарративах жителей Кавказа и остальной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3-4(113). С. 78–89.
7. Ware R., Kisriev E. Russian hegemony and Islamic resistance in the North Caucasus. Armonk, N.Y. : Routledge, 2009. 367 p. ISBN 9780765620293.
8. Górecki W. No Change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics Amid a Local War // OSW Studies. 2014. No. 47. P. 53–57.
9. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону : РГПУ, 2003. 350 с. ISBN 5-8480-0365-3. EDN [QPMFFB](#).
10. Дзадзиев А. Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России : сб. ст. / Под ред. В. А. Тишкова. М. : Росинформаротех, 2008. С. 129–146.
11. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М. : ОГИ, 2005. 304 с. ISBN 5-94282-230-1. EDN [QOPAUJ](#).
12. Суцкий С. Я. Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 3. С. 115–140. EDN [ZWLDDBR](#).
13. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, В. П. Войтенко [и др.]. М. : Социально-гуманитарные знания, 2016. 318 с. ISBN 978-5-91604-020-3. EDN [UUXWRI](#).
14. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (по состоянию на первое полугодие 2018 года) : Экспертный доклад / Г. С. Денисова, А. В. Баранов, В. М. Викторин [и др.]. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. 184 с. ISBN 978-5-907125-04-9. EDN [YAEERP](#).
15. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г. : Экспертный доклад / Р. И. Абакаров, В. А. Авксентьев, А. З. Адиев [и др.]. Ставрополь : СКФУ, 2018. 168 с. ISBN 978-5-9296-0969-5. EDN [XWUYVU](#).
16. Авксентьев В. А., Аксенов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. DOI [10.31857/S013216250019645-2](#). EDN [HEOCFJ](#).
17. Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа / Е. А. Авдеев, А. В. Аверьянов, С. М. Воробьев [и др.]. Ставрополь : ООО «Бюро новостей», 2022. 370 с. ISBN 978-5-6048583-4-9. EDN [LGWKDG](#).
18. Суцкий С. Я. Русское население городов Северного Кавказа: демографическая динамика XIX – начала XXI в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4(41). С. 66–73. DOI [10.25744/vestnik.2018.41.4.011](#). EDN [YPTCIX](#).
19. Пути мира на Северном Кавказе : Независимый экспертный доклад / Н. С. Авдулов, Ю. Д. Анчабадзе, Д. Д. Гакаев [и др.]. М. : ИЭА РАН, 1999. 184 с. ISBN 5-201-14638-4. EDN [SIODHJ](#).
20. Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / Под ред. И. Г. Косикова. М. : МАКС Пресс, 2012. 504 с. ISBN 978-5-317-04288-2. EDN [TXETFU](#).
21. Стародубровская И., Казенин К., Ситкевич Д. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 3. С. 112–137. DOI [10.18288/1994-5124-2021-3-112-137](#). EDN [WRYNLO](#).
22. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И. В. Стародубровская, Н. В. Зубаревич, Д. В. Соколов [и др.]. М. : Дело, 2011. 328 с. ISBN 978-5-7749-0662-8. EDN [WFKTML](#).
23. Адиев А. З., Аккиева С. И., Аствацатурова М. А. [et al.] Неформальное этническое формирование в полиэтнических республиках Северного Кавказа : Аналитический доклад. Махачкала, 2017. 53 с. ISBN 978-5-6040498-1-5.

24. *Фарукишин М. Х.* Политическое представительство этнических групп // Вестник Российской нации. 2011. № 4-5. С. 24–44. EDN [OIQAWT](#).
25. *Дробижева Л. М.* Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26, № 1. С. 7–31. EDN [YHTCAN](#).
26. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г. С. Денисова, М. А. Герман, В. И. Денисов, С. Я. Суший. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. 188 с. ISBN 978-5-907125-07-0. EDN [YLIXNJ](#).

Поступила: 18.12.2023. Принята: 30.01.2024.

Сведения об авторах:

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX-XXI веков, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия. dgsrostov2013@gmail.com
Author ID РИНЦ: [76864](#); ORCID: [0000-0002-3671-9602](#)

Авдеев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.
ewg.avdeev@yandex.ru
Author ID РИНЦ: [686511](#); ORCID: [0000-0003-4004-9610](#)

Воробьев Сергей Михайлович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.
sergey_vorobev_54@mail.ru
Author ID РИНЦ: [165159](#); ORCID: [0000-0002-8893-2595](#)

G. S. Denisova¹, E. A. Avdeev², S. M. Vorobev²

¹ Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia

² North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia

THE ROLE OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE SOCIOCULTURAL INTEGRATION OF PEOPLES NORTH CAUCASUS: DEMOGRAPHIC DYNAMICS AND PERCEPTIONS STUDENT YOUTH OF THE STAVROPOL TERRITORY

Abstract. The article is devoted to the role of the Russian population in the sociocultural integration of the North Caucasus. The declining sociocultural status and negative migration and demographic dynamics of the Russian population of the North Caucasus have a negative impact on the further development of the region. The risks of reducing the role of Russian culture and weakening the mental basis of Russian sociocultural identity are increasing. Based on a sociological analysis of integration processes in the region, the sociocultural significance of Russians as bearers of the basic institutions of Russian culture and statehood in the process of Soviet and post-Soviet modernization is highlighted. The main reasons for the outflow of the Russian population in the 1980-1990s and the ongoing decline in its number are revealed. Based on a sociological survey, a positive assessment by young people of the contribution of the Russian population to the modernization of the North Caucasus, their positive ideas about the basic features of the national character of Russians living in the North Caucasus, a high degree of integration of young people around the main socio-cultural

symbols of all-Russian identity were determined. According to respondents, the main reasons for the outflow of Russians from their region are the lack of prospects for development and self-realization, poverty and unemployment, clanism and corruption. The decline in the Russian population is not perceived by most young people as a significant problem. A high degree of coincidence of positive assessments by respondents of different ethnic groups of the contribution of the Russian population to the development of the North Caucasus was revealed, a significant degree of coincidence was established between the self-description of the communicative ethnic characteristics of Russian respondents and their perception by respondents from among the North Caucasian peoples. The results of the study confirm a steady trend towards strengthening interethnic integration among young people in the North Caucasus region.

Keywords: North Caucasus, youth, Russians, sociocultural integration, demographic dynamics, migration

For citation: Denisova G. S., Avdeev E. A., Vorobev S. M. The role of the Russian population in the sociocultural integration of peoples North Caucasus: demographic dynamics and perceptions student youth of the Stavropol Territory. *Science. Culture. Society.* 2024;30(1):62–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.5>.

Acknowledgements: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 3-28-00237 "Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People's Identity".

References

1. Drobizheva L. M. 1990's Experience and Cultural Diversity Management. *Sociological Research.* 2021;(8):49–61. (In Russ). DOI [10.31857/S013216250015254-2](https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2).
2. Drobizheva L. M., Arutyunova E. M., Evseeva M. A. [et al.] Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice. Moscow: FNISTC RAS; 2022. (In Russ). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022).
3. Borov A.Kh., Kochesokov, R.Kh. Northern Caucasus in the Russian Civilising Process: the Contradictions of Integration and Synthesis. *Russian Journal of Philosophical Sciences.* 2011;(S1):43–60. (In Russ).
4. Tsutsiev A. A. Russians and Caucasians essay of habitual perceptions (part I). *Scientific Thought of Caucasus.* 2001;(2):65–74. (In Russ).
5. Tsutsiev A. A. Russians and Caucasians essay of habitual perceptions (part II). *Scientific Thought of Caucasus.* 2001;(3):52–59. (In Russ).
6. Levinson A. Caucasian problems in the narratives of the inhabitants of the Caucasus and the rest of Russia. Bulletin of public opinion. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii.* 2012;(3-4):78–89. (In Russ).
7. Ware R., Kisriev E. Russian hegemony and Islamic resistance in the North Caucasus. Armonk, N.Y.: Routledge; 2009. ISBN 9780765620293.
8. Górecki W. No Change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics Amid a Local War. *OSW Studies.* 2014;(47):53–57.
9. Denisova G. S., Ulanov V. P. Russians in the North Caucasus: analysis of the transformation of sociocultural status. Rostov-on-Don: RGPU; 2003. (In Russ). ISBN 5-8480-0365-3.
10. Dzadziev A. B. Russian population of the republics of the North Caucasus: modern migration attitudes. In: Tishkov V. A. (ed.) The North Caucasus in Russia's national strategy. Moscow: Rosinformagrotekh; 2008. P. 129–146. (In Russ).
11. Belozarov V. S. Ethnic map of the North Caucasus. Moscow: OGI; 2005. (In Russ). ISBN 5-94282-230-1.
12. Sushchiy S. Ia. Russians in the Republics of the North Caucasus – frontiers of geodemographic retreat (the first half of the 21st century). *Demographic Review.* 2017;4(3):115–140. (In Russ).
13. Volkov Iu. G., Bedrik A. V., Vojtenko V. P. [et al.] National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience. Moscow: Social'no-gumanitarnye znaniia; 2016. (In Russ). ISBN 978-5-91604-020-3.
14. Denisova G. S., Baranov A. V., Viktorin V. M. [et al.] Interethnic relations and religious situation in the Southern Federal District (as of the first half of 2018). Expert report. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovanija; 2018. (In Russ). ISBN 978-5-907125-04-9.
15. Abakarov R. I., Avksentiev V. A., Adiev A. Z. [et al.]. Ethno-confessional situation in the

- constituent entities of the Russian Federation of the North Caucasus Federal District. First half of 2018: Expert report. Stavropol: SKFU; 2018. (In Russ). ISBN 978-5-9296-0969-5.
16. Avksentiev V. A., Aksiumov B. V. "Identities Portfolio" of the Youth of the Southern Russia after 12 Years. *Sociological research*. 2022;(7):76–87. (In Russ). DOI [10.31857/S013216250019645-2](https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2).
 17. Avdeev E. A., Averyanov A. V., Vorob'ev S. M. [et al.] National policy of the USSR and its influence on the modern ethnopollitical situation in the views of the youth of the North Caucasus. Stavropol: OOO "Byuro novostei"; 2022. (In Russ). ISBN 978-5-6048583-4-9.
 18. Sushchiy S. Ia. Russian population of North Caucasian cities: demographic dynamics of the 19th – early 21st century. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2018;(1):66–73. (In Russ). DOI [10.25744/vestnik.2018.41.4.011](https://doi.org/10.25744/vestnik.2018.41.4.011).
 19. Avdulov N. S., Anchabadze Yu. D., Gakaev D. D. Paths of peace in the North Caucasus. Independent expert report. Moscow: IEA RAN; 1999. (In Russ). ISBN 5-201-14638-4.
 20. Kosikov I. G. (ed.) Republics of the North Caucasus: ethnopollitical situation and relations with the federal center. Moscow: MAKS Press; 2012. (In Russ). ISBN 978-5-317-04288-2.
 21. Starodubrovskaya I., Kazenin K., Sitkievich D. Northern Caucasus: Choosing Strategic Landmarks. *Ekonomicheskaya Politika*. 2021;16(3):112–137. (In Russ). DOI [10.18288/1994-5124-2021-3-112-137](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137).
 22. Starodubrovskaya I. V., Zubarevich N. V., Sokolov D. V. [et al.]. North Caucasus: modernisation challenge. Moscow: Delo; 2011. (In Russ). ISBN 978-5-7749-0662-8.
 23. Adiev A. Z., Akkueva S. I., Astvazaturova M. A. [et al.] Informal Ethnic Quotas in the Polyethnic Republics of the North Caucasus. Analytical Report. Makhachkala; 2017. (In Russ). ISBN 978-5-6040498-1-5.
 24. Farukshin M. Kh. Political representation of ethnic groups. *Vestnik Rossijskoj nacii*. 2011;(4-5):24–44. (In Russ).
 25. Drobizheva L. M. National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Universe of Russia*. 2017;26(1):7–31. (In Russ.).
 26. Denisova G. S., German M. A., Denisov V. I., Sushchiy S. Ia. Atlas of demographic dynamics, civic identity and interethnic relations in the Rostov region. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniia; 2018. ISBN 978-5-907125-07-0.

Received: 18.12.2023. Accepted: 30.01.2024.

Information about the authors:

Galina S. Denisova, doctor of social science, professor, professor of the Department of national history of the XX-XXI centuries, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. dgsrostov2013@gmail.com
ORCID: [0000-0002-3671-9602](https://orcid.org/0000-0002-3671-9602)

Evgenij A. Avdeev, candidate of philosophical science; associate professor of the Department of philosophy, North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia.
ewg.avdeev@yandex.ru
ORCID: [0000-0003-4004-9610](https://orcid.org/0000-0003-4004-9610)

Sergej M. Vorobev, candidate of political science, associate professor of the Department of philosophy, North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia.
sergey_vorobev_54@mail.ru
ORCID: [0000-0002-8893-2595](https://orcid.org/0000-0002-8893-2595)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.6)
EDN [VNXKHH](https://www.edn.ru/VNXKHH)
УДК 316.258

А. В. Чиркова¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПОВЕДЕНИЕ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу существующих в современной российской и зарубежной социологии подходов к исследованию поведения, связанного со здоровьем; выявлению теоретико-методических проблем; обозначению направлений развития этой проблематики. В статье показано, что специфические теоретико-методические проблемы, порождённые в различных подходах, могут быть обобщены в две группы. Первая соотносится с проблемами когнитивной адекватности исходных для анализа переменных, к ней отнесены такие проблемы, как адаптация переменных под измерение социальных установок или поведения; выбор оптимального способа эмпирической интерпретации показателей поведения в сфере здоровья; выявление расхождений между самооценками и результатами «объективного» измерения. Вторая группа проблем связана со сложностью взаимосвязей между составляющими такого поведения, к ней отнесены: опосредованность взаимосвязей составных элементов поведения в сфере здоровья показателями другой природы; определение факторов, разнонаправленно влияющих на связанное со здоровьем поведение, их специфичность для различных здоровьесберегающих практик; реализация концептуальных представлений в многомерных моделях анализа данных. В статье особое внимание уделяется типологическим исследованиям как одному из важных направлений развития проблематики социологического измерения поведения в сфере здоровья, позволяющему преодолевать многие теоретико-методические проблемы. В частности, подчёркивается целесообразность предварительной типизации изучаемой совокупности; апробации ряда показателей связанного со здоровьем поведения в роли типобразующих признаков; использования опыта проведения типологического анализа на предметных полях, близких к сфере здоровья.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, здоровьесберегающее поведение, показатели здоровьесберегающего поведения, измерение здоровьесберегающего поведения, типологический анализ

Для цитирования: Чиркова А. В. Поведение в сфере здоровья: теоретико-методические проблемы социологического измерения // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 80–93. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.6). EDN [VNXKHH](https://www.edn.ru/VNXKHH).

Исследовательская задача. В социологии здоровья и смежных областях накоплен большой опыт изучения поведения, связанного со здоровьем. В то же время теоретико-методическим проблемам социологического измерения такого поведения уделяется недостаточно внимания, тогда как эти проблемы возникают начиная с самых ранних этапов исследования, и их решение влияет на все последующие этапы исследовательского процесса.

С целью актуализации ряда теоретико-методических проблем в статье ставится задача сравнительного анализа существующих в социологии здоровья и смежных областях подходов к изучению поведения, связанного со здоровьем. Для отбора литературы были выделены пятилетние периоды: 1999–2003 гг.,

2004–2008 гг., 2009–2013 гг., 2014–2018 гг., 2019–2023 гг. В анализе представлены работы из каждого периода: 17 публикаций отечественных авторов и 16 – зарубежных. При включении публикаций в анализ руководствовались стремлением охватить широкий круг моделей измерения поведения в сфере здоровья. Работы, авторы которых опираются на уже представленные в анализе модели без существенных дополнений методического характера, исключались из анализа.

Подходы к измерению поведения, связанного со здоровьем, различаются в зависимости от составных элементов такого поведения, от используемых эмпирических индикаторов установок и поведения в сфере здоровья, от базовой задачи исследования, от специфики исследовательской ситуации, от применяемых методов сбора и анализа данных. Охватить все критерии сравнения в рамках отдельной статьи не представляется возможным, поэтому ограничимся, на наш взгляд, ключевыми из них.

Сложность структуры поведения в сфере здоровья приводит к тому, что для его описания используется большое число показателей и их эмпирических индикаторов. Вместе с тем существует так называемая методологическая ловушка, суть которой в том, что переусложненные модели не могут быть доведены до реализации, а любая модель, даже сложная, в процессе операционализации базовых понятий сужается, иногда вплоть до переупрощения [1, с. 130]. В этой связи важен выбор ключевого понятия, оптимального по своей наполненности, хорошо поддающегося эмпирической интерпретации. Полагаем, что таковым является «здоровьесберегающее поведение».

О понятийном поле изучения поведения, связанного со здоровьем. Чтобы обосновать выбор ключевого понятия исследования, рассмотрим понятийное поле изучения поведения, связанного со здоровьем. Оно включает в себя множество терминов. Анализ библиометрических данных публикаций, представленных в Научной электронной библиотеке «eLibrary» и в системе «Web of Science», показал, что наиболее распространёнными являются «здоровый образ жизни», «самосохранительное поведение», «health behavior», «healthy lifestyles» [2].

Специфика конструкта «*здоровый образ жизни*» (ЗОЖ) несколько размыта вследствие его укорененности в дискурсе повседневности. ЗОЖ может наделяться и негативными коннотациями, о чём свидетельствует, в частности, появление таких феноменов, как «синдром сверхздорового образа жизни» [3] и «wellness fatigue» («усталость от борьбы за здоровье»). Кроме того, исследователи указывают на идеологическую окрашенность здорового образа жизни, которая проявляется в установлении конкретными акторами определённых стандартов ЗОЖ [4, с. 18]. С социологической точки зрения особый интерес представляет определение здорового образа жизни как некой обобщённой модели, которая свойственна той или иной социальной группе и которая формируется из различных моделей *здорового стиля жизни*, встречающихся наиболее часто [5, с. 343]. В дефиниции схожего понятия «*healthy lifestyles*» указывается на репрезентацию специфического набора установок и поведенческих практик [4, с. 20]. Ещё одно понятие, менее популярное, но проработанное в теоретическом и методологическом плане, – «*health lifestyles*» – определяется как коллективные паттерны поведения, связанного со здоровьем [6].

В отечественной социологии здоровья наиболее проработанным является понятие «*самосохранительное поведение*», под которым понимают «систему действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла и увеличение продолжительности жизни индивида»

[7, с. 320]. Встречается определение самосохранительного поведения как попытка обобщить ряд наработок, сформулировать некоторое собирательное понятие: «сознательная деятельность индивида, направленная на поддержание оптимальных параметров биологического, психологического и социального здоровья и минимизацию субъективно осознаваемых рисков» [8, с. 24]. В дефиниции похожего понятия «*здоровоохранительное поведение*» делается упор на реализацию сознательного отношения человека к здоровью своему и окружающих людей [9], иными словами – подчёркивается различие установок и поведения. В определениях понятия «*health behavior*» акцентируется внимание на поддержании, восстановлении и улучшении здоровья [10, с. 3], а также на предотвращении проблем со здоровьем и достижении внешней привлекательности¹ [6].

В качестве ключевого понятия нашего исследования выбираем «*здоровьесберегающее поведение*». Во-первых, по конструкции оно сформулировано схожим образом с англоязычным понятием «*health behavior*»². Несмотря на то, что в большинстве отечественных исследований не артикулируются различия между «самосохранительным» и «здоровьесберегающим» поведением, последнее содержит прямое указание на проблематику социологии здоровья. Кроме того, это понятие меньшего объёма, чем, например, «здоровый образ жизни» и его вариации. Во-вторых, «здоровьесберегающее поведение» достаточно актуализированное понятие, встречающееся в различных исследовательских практиках. В-третьих, оно может выступать в роли зонтичного понятия, охватывающего проявления здоровьесбережения на разных уровнях (установки, отдельные поведенческие практики).

Подходы к изучению поведения, связанного со здоровьем: возможности и ограничения. Для актуализации теоретико-методических проблем измерения поведения в сфере здоровья важно рассмотрение возможностей и ограничений подходов к изучению такого поведения. Прежде всего, с методической точки зрения значимо различие подходов в зависимости от того, что изучается – поведение или установки³. Сложные социальные установки скрыты для наблюдения в большей мере, чем некоторые проявления вербально выраженного поведения. В частности, между комплексным отношением к здоровью и конкретными многообразными поведенческими практиками существует «скрытая зона», которая для исследователя требует прояснения. В большинстве исследований показываются именно частные поведенческие практики – потребление спиртного, пищевые привычки или достижение привлекательной внешности посредством «тюнинга» – они эмпирически измеряются. Но как отношение к здоровью и поведенческие практики между собой связаны и как совместно определяют качество здоровья – остаётся невыясненным. Исследовательский поиск главным образом движется в направлении обоснования способов измерения поведения. Так, существует множество вопросов-индикаторов для измерения практик потребления спиртного [13]. Вместе с тем представляет интерес и измерение от-

¹ В некоторых работах, напротив, стремление к привлекательной внешности, «тюнингу» рассматривается как внешнее проявление потребности в физическом преобразовании себя и не интерпретируется как одна из целей здорового образа жизни [11, с. 43].

² Это позволяет, в том числе, проводить сравнительные исследования поведения в сфере здоровья на межстрановом уровне.

³ В рамках статьи различие установок и поведения представляется важным. Социальная установка – ценностное отношение к социальному объекту, психологически выражающееся в готовности к положительной или отрицательной реакции на него [12, с. 539]. Поведение – внешнее проявление деятельности, в которой выражается установка человека [12, с. 333]. На эмпирическом уровне самое простое различение – это вопросы «*Вы курите?*» и «*Как вы относитесь к курению?*».

ношения к здоровьесберегающим практикам. Например, для определения отношения к пищевым привычкам используются ряд суждений, среди которых: *«Я не очень беспокоюсь о своей диете. Я ем то, что мне нравится, независимо от состояния здоровья или пищевой ценности продуктов»* [14, с. 298].

Подходы к социологическому измерению поведения в сфере здоровья можно сравнивать по разным основаниям, таким как методы сбора и анализа данных, специфика исследовательской ситуации (например, вторичный анализ данных), базовая задача исследования, представления о структуре «поведения, связанного со здоровьем», состав показателей установок и поведения. В рамках статьи ограничимся последними двумя. Под структурой «поведения, связанного со здоровьем» подразумевается, исходя из определения самосохранительного поведения как системы действий и установок, совокупность составляющих такого поведения – здоровьесберегающих практик и социальных установок (здоровья как ценности, ориентации на его сохранение и т.д.) – и их взаимосвязей. Состав показателей установок и поведения – это эмпирические индикаторы, которые вводятся в процессе операционализации этих показателей.

Наиболее изученными являются четыре показателя – они относятся к курению, употреблению алкогольных напитков, питанию и физической активности [14; 15; 16, с. 895; 17]. Одному и тому же показателю может быть поставлено в соответствие разное число переменных. В двух исследованиях с аналогичным набором показателей для измерения «питания» использованы соответственно четыре переменные (потребление молочных продуктов, хлеба, фруктов, овощей [18, с. 1297]) и две переменные (диетическое потребление жиров, употребление овощей и фруктов [15, с. 616]).

Эти четыре показателя могут быть операционализированы и через отрицание. Респондентам задают вопрос: *«Есть ли у Вас личные привычки, которые Вы бы назвали вредными и от которых хотели бы избавиться?»*. Далее конструируют индекс, например, для измерения практик здорового питания [19, с. 122]. Показатели «курение», «алкоголь», «питание» и «физическая активность» служат основой для изучения множественного рискованного поведения в сфере здоровья [20, с. 321–322]. В исследовании с несколько отличающимся набором показателей поведение интерпретировали как рискованное, если респондент признавал наличие двух или более практик из следующих: недостаток сна, неправильное питание, недостаточная физическая активность, чрезмерное употребление алкоголя, рискованное сексуальное поведение [21, с. 260]. Рассчитывают так называемый индекс риска – «сумму дихотомических показателей негативных воздействий на здоровье» [22, с. 21]. Известны и более комплексные подходы к изучению рискованного поведения. Например, выделяют не только «рискованное поведение», но и «опасное для здоровья поведение в компании», «поведение, явно ассоциирующееся с риском», «поведение со скрытым риском для здоровья» – в противоположность «проактивному поведению» [23, с. 80–81]. Саморазрушающее и рискованное поведение рассматривается как компонент «общего нарушения здорового образа жизни» наряду с тягой к алкоголю и курению и погоней за имиджем [24, с. 490]. В широком смысле рискованное поведение – это нанесение вреда здоровью своему или окружающих, руководствуясь ложной информацией о способах лечения и сохранения здоровья [25, с. 51].

Зачастую поведение в сфере здоровья изучают как совокупность позитивных и вредных привычек [26, с. 83]. В то же время многообразие поведенческих практик не может быть сведено к дихотомии здорового или нездорового образа жизни. Такие стороны жизнедеятельности, как семья или работа, могут иметь отношение к пове-

дению в сфере здоровья, но «их реализация будет осуществляться за счёт других полезных для здоровья форм и способов деятельности» [27, с. 48]. Вообще, склонность россиян акцентировать внимание на отказе от вредных привычек как на основном способе сохранения здоровья вызывает у исследователей опасения – отчасти из-за того, что интерпретируется как желание дать социально одобряемый ответ [3, с. 83].

Последнее особенно актуально для исследований образа жизни [28, с. 14]. По данным методических исследований, корреляция между самооценками и объективно измеряемым уровнем физической активности, отказа от курения и злоупотребления алкоголем может быть невысокой, в отношении здорового питания трудности усугубляются отсутствием чётко определённой цели измерения, что обусловлено сложностью этого показателя [16, с. 896–897]. Подделывать самооценки поведения чаще склонны более информированные респонденты, а также те, кто больше нуждается в одобрении окружающих [29, с. 910]. В этой связи поведение в сфере здоровья рассматривается как сенситивная тема [29, с. 895]. В целом больше известно о распространении курения и физической активности, чем о злоупотреблении алкоголем и здоровом питании [16, с. 896–897]. Предпринимаются попытки скрыть от респондентов истинные цели опроса, сформулировать задания «завуалированно», с тем чтобы избежать наделения «вредных привычек» и «нездорового образа жизни» негативными коннотациями [30, с. 144–145].

Наличие чёткой цели измерения – важное условие для выбора, модификации и конструирования переменных, измеряющих составные элементы поведения в сфере здоровья. Эмпирическая интерпретация показателей такого поведения может влиять на результаты многомерных классификаций. В одном исследовании ряд переменных измеряли по дихотомическим шкалам, опираясь на рекомендации экспертов в области здравоохранения. Однако с точки зрения социологического измерения возникают сомнения в том, что каждый респондент найдёт себе место, например, на шкале физической активности: одно из значений присваивается тем, кто занимается физкультурой 5 раз в неделю умеренно, другое – тем, кто занимается физкультурой 3 раза в неделю активно. Достаточно поверхностно дифференцирует респондентов и переменная «курение»: никогда не курившие приравниваются к бросившим курить [15, с. 616].

Для большинства подходов характерны попытки измерить вербально выраженное поведение. Трудности заключаются в обосновании того, что измеряем именно поведение, а не установки, предрасположенности и прочее. Кроме того, элементы поведения в сфере здоровья могут быть проинтерпретированы амбивалентно. Например, высокий уровень физической активности при наличии противопоказаний не является здоровьесберегающим. Поскольку поведение, с учётом ряда особенностей, само по себе плохо поддаётся измерению в условиях массовых опросов, не рассчитанных на введение сложных систем вопросов-индикаторов, представляется целесообразным измерять согласованность/несогласованность установок и поведения в сфере здоровья. Мы полагаем, что необходима некоторая удачная комбинация переменных, одна часть которых предназначена для измерения вербально выраженного поведения, другая часть – для измерения установок. Возможны следующие сочетания установок и поведенческих практик: респондент считает важным вести ЗОЖ и реализует это в своём поведении полностью или частично, или не реализует, ссылаясь на нехватку времени, средств и т.д. Наиболее саморазрушительное поведение – полное нежелание вести ЗОЖ [31, с. 109].

Особое место среди подходов к изучению установок занимает тот, в рамках которого измеряется восприятие людьми поведения, связанного со здоровьем. Разработана трёхмерная модель, компоненты которой – «важность здоровьесберегающего

поведения», «отрицательный опыт, сопутствующий реализации здоровьесберегающих практик» и «лёгкость реализации здоровьесберегающих практик» – использовались для оценки 45 здоровьесберегающих практик [32, с. 1020–1023].

Подчёркивается, что важно изучать практики, связанные со здоровьем, не сами по себе, а их сочетания [15, с. 615]. Существуют также подходы, в рамках которых показатели поведения в сфере здоровья комбинируются с показателями другой природы. Так, в модели измерения могут быть включены ценности ЗОЖ [19], характеристики социальной вовлечённости и социальной изоляции [18; 33; 34], различные психосоциальные характеристики и аффективные компоненты [32]. Ряд здоровьесберегающих практик рассматривается как часть здорового и экологически устойчивого образа жизни. Разработана шкала, учитывающая индивидуальную мотивацию к ЗОЖ в физической, умственной, эмоциональной и духовной сферах, а также внимание к благополучию природы и общества [28, с. 10–12]. Вычисляют «Индекс здоровьесберегающего поведения студентов», опираясь не только на показатели, связанные со здоровьем, но и на взаимоотношения в студенческой группе, наличие друзей в вузе, стремление к овладению профессией, личному успеху и др. [35, с. 133, 136–137].

Подходы, направленные на изучение взаимосвязей между поведением в сфере здоровья и какими-либо другими показателями, представляют особый интерес. Существуют примеры выявления специфической взаимосвязи между социально-экономическим статусом и здоровым образом жизни мужчин среднего и старшего возраста [36, с. 415], между самооценками материального положения и самосохранительными стратегиями молодёжи [37, с. 158]. Между феноменами разной природы возникают также опосредованные связи. Например, ЗОЖ, рассматриваемый в качестве компонента так называемой культуры «нового благополучия» [38, с. 63], ориентирован не только (не столько) на сбережение здоровья, но и зачастую – на следование тенденциям моды, приобретение разрекламированных товаров и услуг и т.д. Тем самым связи между показателями поведения в сфере здоровья опосредуются мотивами и стимулами поведения в других сферах. Ещё один пример – факторы, влияющие на поведение, связанное со здоровьем. При изучении различных феноменов рекомендуется уделять особое внимание разным факторам. Так, к ключевым факторам, влияющим на приверженность здоровому питанию, относят мотивацию и самоэффективность (веру в эффективность собственных действий), а на приверженность курению – социально-экономическое положение и пол, социальное влияние. Факторы, важные при изучении употребления спиртного – мотивация, самоэффективность, социальное влияние, при изучении физической активности – перечисленные три фактора, а также социально-экономическое положение и пол [16, с. 898].

Подходы, в рамках которых изучают мотивы связанного со здоровьем поведения, выделяются как особая группа. В них фокусируются на мотивации и вере в эффективность собственных действий [16, с. 898]. В определённой мере к этой группе подходов относятся и исследования самосохранительного поведения, посвящённые измерению мотивации стремления увеличить продолжительность жизни, измерению самооценок здоровья и роли заботы о здоровье в продлении сроков жизни [7, с. 329]. Ценностно-мотивационной составляющей наряду с непосредственно самосохранительными практиками отводится важная роль в типологизации населения по характеру поведения в сфере здоровья [39, с. 65].

Поиск факторов, влияющих на поведение в сфере здоровья, представлен в самых разных контекстах. Например, с возрастом снижаются склонность неак-

тивного человека заниматься спортом и склонность активного человека бросить спорт. Обе тенденции связывают со сменой этапа жизненного цикла, и лишь незначительно – с состоянием здоровья и физической формой [40, с. 226]. Известно о корреляции жизненной позиции человека по отношению к здоровью с самооценкой здоровья, удовлетворённостью жизнью, уровнем образования, материальным и служебным положением, местом проживания [41, с. 80]. Установлено, что для групп с разным уровнем образования характерно как здоровое поведение, так и рискованное, однако людям с высшим образованием свойственно придерживаться норм здорового поведения в большей мере, чем людям с низким уровнем образования [17, с. 203, 206]. Другой пример группы с повышенным риском в отношении здоровья – молодые люди после отбывания наказания в виде лишения свободы. Они потребляют больше фастфуда и чаще курят, чем их сверстники [42].

Каждый подход к социологическому измерению феномена «поведение в сфере здоровья» имеет свои возможности и ограничения. Во-первых, в рамках некоторых подходов изучают здоровьесберегающие практики, в рамках других – здоровьесберегательные установки. Хотя отдельные проявления вербально выраженного поведения доступны для наблюдения, в целом оно трудно поддаётся измерению в ситуации массового опроса. Требуется введение в инструментарий сложных систем вопросов. Зачастую происходит сведение поведения в сфере здоровья к отказу от определённых практик. Что касается установок, они могут вносить вклад в определение уровня «поведения, связанного со здоровьем». Во-вторых, в отдельный подход выделяется использование четырёх наиболее изученных показателей – они связаны с курением, употреблением алкоголя, питанием и физической активностью. Популярность этих показателей обусловлена их универсальностью, однако цель измерения, например, «питания» или «употребления алкоголя» не всегда ясна, отсюда – трудности при операционализации понятий и реализации многомерных представлений. В-третьих, отдельную совокупность подходов образуют те, которые предполагают использование показателей другой природы, не связанных со здоровьем. Некоторые модели обладают весьма ограниченными возможностями в изучении связанного со здоровьем поведения как социального процесса. В частности, обращают внимание на неадекватность модели зависимости для социологического измерения такого показателя, как «курение» [43, с. 300]. К недостаткам подходов из данной совокупности относится необходимость обоснования эвристического потенциала каких-либо показателей (они не являются универсальными) для той или иной социальной группы. Наконец, широко представлены подходы к изучению факторов, влияющих на поведение в сфере здоровья. Такие подходы позволяют, в том числе, выявлять группы с повышенным риском в отношении здоровья. Вместе с тем следует учитывать специфичность факторов для разных здоровьесберегающих практик.

О типологическом анализе как особом направлении изучения поведения в сфере здоровья. Обобщая результаты сравнительного анализа различных подходов к социологическому измерению поведения в сфере здоровья, можно выделить две группы теоретико-методических проблем изучения данного феномена. Первая связана с *когнитивной адекватностью исходных для анализа переменных*⁴ и предполагает:

⁴ Данный термин используем исходя из представлений об исследовательском инструментарии как о серии когнитивных задач, которые предстоит решить респонденту. Результаты исследования зависят от того, насколько успешно респондент справится с решением этих задач [44, с. 14–15]. Под когнитивной адекватностью исходных для анализа переменных понимаем соответствие инструментария цели измерения. В отличие от валидности измерения, которая обосновывается, например, путём вычисления альфы Кронбаха, речь идёт о когнитивном анализе переменных на качественном уровне.

- адаптацию переменных под измерение поведения или установок;
- выбор оптимального способа эмпирической интерпретации показателей связанного со здоровьем поведения;
- выявление расхождений между самооценками и результатами «объективного» измерения.

Вторая группа проблем соотносится со *сложностью взаимосвязей между составляющими «поведения, связанного со здоровьем»* и предполагает:

- опосредованность взаимосвязей составных элементов такого поведения показателями другой природы;
- определение факторов, разнонаправленно влияющих на поведение в сфере здоровья, их специфичность для различных здоровьесберегающих практик;
- реализацию различных многомерных представлений в многомерных моделях анализа данных.

Эти теоретико-методические проблемы могут быть частично решены в рамках типологических моделей исходя из того, что типологический анализ как особая метаметодика анализа данных (методика конструирования методик) предназначен для разработки в эмпирическом социологическом исследовании логической схемы анализа данных в соответствии с исследовательской ситуацией [1, с. 102]. Типологический анализ представляет собой «методологический инструмент, позволяющий выявить латентно существующие, социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов по характеристикам, природа которых различна» [1, с. 136].

Приведём примеры, иллюстрирующие возможности типологического анализа по части решения теоретико-методических проблем. *Пример 1.* На локальном уровне проблемы, связанные со сложностью взаимосвязей между составляющими поведения в сфере здоровья, проявляются, в том числе, в существовании внутренней дифференциации среди так называемых «зожников», принадлежащих к упомянутой выше культуре «нового благополучия». Особое значение приобретает качественная однородность изучаемой совокупности: нецелесообразно смешивать условных «веганов» с теми, кто соблюдает какие-либо традиционные рекомендации по здоровому поведению [45, с. 78–80]. Типологический анализ позволяет сконструировать инструментальные средства для выделения «латентных образований, качественно однородных по одним показателям и различных по другим» [1, с. 119]. *Пример 2.* Априорная типология как атрибут типологического анализа может быть полезна при поиске и использовании переменных, адаптированных для тех или иных групп. Так, вопрос об умеренных и активных занятиях физкультурой, заданный респондентам с противопоказаниями к большим физическим нагрузкам, обладает невысоким эвристическим потенциалом.

Нами была апробирована модель типологического анализа [46], в основе которой лежат показатели, связанные с курением, употреблением алкоголя, питанием и занятиями физической культурой. Использование одних и тех же показателей здоровьесберегающего поведения (ЗСП) в качестве типобразующих признаков⁵ требует различных методических решений в зависимости от состава исходных для анализа переменных и структуры изучаемой совокупности. Такие решения касаются введения классификационных признаков в виде обобщённых показателей, восстановления пропущенных данных,

⁵ Введение функциональной структуры типобразующих признаков является неперенным атрибутом типологического анализа. Они состоят, по меньшей мере, из трех частей, одна из которых – непосредственные характеристики изучаемого феномена [47].

формирования априорной типологии (предварительной типизации), устойчивости кластерных профилей и др.

Полученные методические результаты относятся к совокупности молодёжи. Предварительно было выделено три группы: подростки 15–17 лет, молодёжь 18–24 лет, молодые взрослые 25–29 лет. Наибольший вклад в определение уровня ЗСП представителей всех трёх групп вносят обобщённые показатели⁶ «курение» и «физическая активность», наименьший вклад – «питание». «Алкоголь» позволяет получить различия между классами только для группы молодых взрослых [46, с. 146–147, 151].

Предварительная типизация молодёжи оказалась целесообразна не только в плане эвристического потенциала обобщённых показателей, различающегося для выделенных групп, но и в плане найденных типологических синдромов⁷. Так, большинство подростков принадлежит к классу, условно обозначенному как «ЗОЖники» (48,9%). В класс «Неспортивных» входит 43,9% подростков, в класс «Курящих» – 7,2%. Среди молодёжи 18–24 лет к классу «ЗОЖников» относится также большинство (41,8%), к классу «Неспортивных» – 35,8%, к классу «Курящих-Неспортивных» – 22,4%. Большинству молодых взрослых свойственно рискованное поведение (классы «Курящих-Неспортивных», «Курящих» и «Курящих-Непьющих» – соответственно, 17,8%, 8,6% и 12,6%). На классы «ЗОЖников» и «Неспортивных» приходится 30,1% и 30,9% молодых взрослых [46, с. 149–151].

В рамках типологического подхода к изучению поведения в сфере здоровья возможны и другие модели. К примеру, опирающиеся на изучение взаимосвязей ЗСП с субъективным благополучием [45, с. 85]. С одной стороны, ЗСП является важным фактором, определяющим субъективное благополучие, с другой стороны, ЗСП – один из компонентов субъективного благополучия. Тем самым векторы развития самой проблематики измерения здоровьесберегающего поведения тесно связаны с проблемами измерения субъективного благополучия. Поэтому может оказаться весьма плодотворной идея «наложения» двух типологических структур. Каждая из них получена по разным основаниям типологии, разбиение объектов (респондентов) происходит в пространствах разной размерности. Важно, что реализация такой модели возможна при условии разработанности технологии проведения типологического анализа как по субъективному благополучию, так и по здоровьесберегающему поведению. Накопление подобных теоретико-методических наработок, независимо от рассматриваемой предметной области, способствует развитию типологического метода в социологии [1, с. 313].

Вывод. Многообразие подходов к социологическому измерению поведения в сфере здоровья, ограниченный доступ к материалам «исследовательской кухни» затрудняют проведение обширного, по целому ряду критериев, сравнительного анализа таких подходов. Тем не менее, предлагаемый в статье аналитический ракурс позволил в первом приближении выделить теоретико-методические проблемы, возникающие в разных подходах, и обозначить возможные направления их решения. Перспективным представляется дальнейшее развитие

⁶ Для измерения обобщённых показателей использовались классификационные признаки, сформированные в виде логических индексов [46, с. 147–149] с учётом существующих рекомендаций [1, с. 169].

⁷ «Мягкое» понятие «типологический синдром» используется для обозначения «совокупности эмпирических закономерностей, позволяющих предположить, что есть основания для утверждения о существовании социальных типов и формулирования соответствующей гипотезы» [1, с. 133].

анализируемой проблематики в рамках типологических исследований. Их неизменными атрибутами являются выбор основания типологического анализа, формирование типобразующих признаков, предварительная типизация изучаемой совокупности объектов и др., тем самым актуализируя разработку технологии реализации типологического анализа в поисковых исследованиях.

Библиографический список

1. Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Г. Г. Татарова, Н. С. Бабиц [и др.]; отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 358 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023). EDN [LSRSFV](#).
2. Чиркова А. В. Разведывательный этап формирования информационной базы исследования (на примере «поведения в отношении здоровья») // Ломоносов-2021 : матер. Междунар. молодежного науч. форума (Москва, 12–23 апреля 2021 г.). Статья 80. М. : МАКС Пресс, 2021. EDN [HYMBFX](#).
3. Варламова С. Н., Седова Н. Н. Здоровый образ жизни – шаг вперед, два назад // Социологические исследования. 2010. № 4(312). С. 75–88. EDN [LTWZXT](#).
4. Korp P. The symbolic power of «healthy lifestyles» // Health Sociology Review. 2008. Vol. 17(1). P. 18–26. DOI [10.5172/hesr.451.17.1.18](https://doi.org/10.5172/hesr.451.17.1.18).
5. Белова Н. И. «Здоровый образ жизни» и «здоровый стиль жизни»: общность и различия // Казанская наука. 2013. № 11. С. 342–344. EDN [RRRRFL](#).
6. Cockerham W. C. Health behavior // The Wiley Blackwell encyclopedia of health, illness, behavior, and society / Ed. by W. C. Cockerham, R. Dingwall, S. R. Quah. John Wiley & Sons, 2014. P. 764–766. DOI [10.1002/9781118410868.wbehibs296](https://doi.org/10.1002/9781118410868.wbehibs296).
7. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М. : Инфра-М, 2005. 368 с. ISBN 5-16-002250-3. EDN [QODRMH](#).
8. Вангородская С. А. Самосохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 4. С. 20–29. DOI [10.22394/2071-2367-2017-12-4-20-29](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-4-20-29). EDN [ZGVFRP](#).
9. Волкова М. Б. Здравоохранительное поведение населения в условиях российских социально-экономических трансформаций : автореф. дис... канд. социол. наук : 22.00.03/ Волкова Маргарита Борисовна. Саратов, 2005. 269 с. EDN [NNGHJV](#).
10. Handbook of health behavior research : in 4 vols. Vol. 1. Personal and Social Determinants / Ed. by D. S. Gochman. New York : Plenum, 1997. 506 p. ISBN 978-0306454431.
11. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1). EDN [HMLFLO](#).
12. Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2008. 608 с. ISBN 978-5-468-00195-0. EDN [QOIWGD](#).
13. Радаев В. В., Рощина Я. М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология. 4М. 2019. № 48. С. 7–57. EDN [DSPNRJ](#).
14. Chan C. W., Leung S. F. Lifestyle health behavior of Hong Kong Chinese: Results of a cluster analysis // Asia-Pacific Journal of Public Health. 2015. Vol. 27(3). P. 293–302. DOI [10.1177/1010539514555214](https://doi.org/10.1177/1010539514555214).
15. Berrigan D., Dodd K., Troiano R. P. [et al.]. Patterns of health behavior in U.S. adults // Preventive Medicine. 2003. Vol. 36(5). P. 615–623. DOI [10.1016/S0091-7435\(02\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S0091-7435(02)00067-1).
16. Conner M., Norman P. Health behaviour: Current issues and challenges // Psychology & Health. 2017. Vol. 32(8). P. 895–906. DOI [10.1080/08870446.2017.1336240](https://doi.org/10.1080/08870446.2017.1336240).
17. De Vries H., van't Riet J., Spijt M. [et al.]. Clusters of lifestyle behaviors: Results from the Dutch SMILE study // Preventive Medicine. 2008. Vol. 46(3). P. 203–208. DOI [10.1016/j.ypmed.2007.08.005](https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2007.08.005).
18. Kandt J. Social practice, plural lifestyles and health inequalities in the United Kingdom // Sociology of Health & Illness. 2018. Vol. 40(8). P. 1294–1311. DOI [10.1111/1467-9566.12780](https://doi.org/10.1111/1467-9566.12780).
19. Ермолаева П. О., Носкова Е. П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социологические исследования. 2015. № 4(372). С. 120–129. EDN [TRRQOV](#).
20. Richter L., Reiger H. Gesundheitsverhaltensmuster der Wiener Bevölkerung – Assoziationen von Health Lifestyle und sozio konomischen Determinanten // Österreichische Zeitschrift für Soziologie. 2021. Vol. 46(3). P. 321–331. DOI [10.1007/s11614-021-00447-y](https://doi.org/10.1007/s11614-021-00447-y). EDN [MGZNIK](#).

21. *Samuolis J., McGeorge L.* Co-Occurring Health Risk Behaviors and Their Association with Self-Rated Health among Female College Students // *American Journal of Health Education*. 2020. Vol. 51(4). P. 257–264. DOI [10.1080/19325037.2020.1765906](https://doi.org/10.1080/19325037.2020.1765906).
22. *Рощина Я. М.* Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // *Экономическая социология*. 2016. Т. 17, № 3. С. 13–36. DOI [10.17323/1726-3247-2016-3-13-36](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-3-13-36). EDN [WCOIRV](https://www.edn.ru/WCOIRV).
23. *Raithel J.* Lebensstil und gesundheitsrelevantes Verhalten im Jugendalter // *Soziale Welt*. 2004. Vol. 55(1). P. 75–94. DOI [10.2307/40878448](https://doi.org/10.2307/40878448).
24. *Абросимов И. Н.* Саморегуляция личности и суверенность психологического пространства как факторы здоровьесберегающего поведения // *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2019. № 1(3). С. 487–497. EDN [RBTFZO](https://www.edn.ru/RBTFZO).
25. *Ростовская Т. К., Шимановская Я. В.* Концептуальные подходы к изучению самосохранительного поведения мужского населения // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2018. № 2(50). С. 45–52. EDN [XWPOLB](https://www.edn.ru/XWPOLB).
26. *Алимпиева А. В.* Самосохранительное поведение детей и молодежи: результаты диагностики // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2011. № 4. С. 76–83. EDN [NTOZXP](https://www.edn.ru/NTOZXP).
27. *Изуткин Д. А.* Проблема взаимосвязи образа жизни и здоровья в зарубежных социологических исследованиях // *Социология медицины*. 2014. № 1(24). С. 46–50. EDN [STESFP](https://www.edn.ru/STESFP).
28. *Choi S., Feinberg R. A.* The LOHAS (Lifestyle of Health and Sustainability) Scale Development and Validation // *Sustainability*. 2021. Vol. 13(4). P. 1–17. DOI [10.3390/su13041598](https://doi.org/10.3390/su13041598).
29. *Egele V. S., Kiefer L. H., Stark R.* Faking self-reports of health behavior: a comparison between a within- and a between-subjects design // *Health Psychology and Behavioral Medicine*. 2021. Vol. 9(1). P. 895–916. DOI [10.1080/21642850.2021.1991803](https://doi.org/10.1080/21642850.2021.1991803).
30. *Луценко Е. Л., Габелкова О. Е.* Опросник нарушений здорового // *Вопросы психологии*. 2013. № 5. С. 142–153. EDN [RVNVHP](https://www.edn.ru/RVNVHP).
31. *Завьялов А. Е.* Проблемы формирования здорового образа жизни в среде молодежи // *Системная психология и социология*. 2015. № 1(13). С. 104–110. EDN [UCMFRX](https://www.edn.ru/UCMFRX).
32. *Shiloh S., Nudelman G.* Exploring dimensions of health behaviors' representations // *Psychology & Health*. 2020. Vol. 35(8). P. 1017–1032. DOI [10.1080/08870446.2019.1707828](https://doi.org/10.1080/08870446.2019.1707828).
33. *Галкин К. А.* Активность и стратегии заботы о здоровье пожилых людей: городской и сельский контекст // *Наука. Культура. Общество*. 2023. Т. 29, № 1. С. 130–142. DOI [10.19181/nko.2023.29.1.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.10). EDN [IYICZN](https://www.edn.ru/IYICZN).
34. *Kalkbrenner M. T., Gormley B.* Development and Initial Validation of Scores on the Lifestyle Practices and Health Consciousness Inventory (LPHCI) // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2020. Vol. 53(4). P. 219–237. DOI [10.1080/07481756.2020.1722703](https://doi.org/10.1080/07481756.2020.1722703).
35. Новый индекс здоровьесберегающего поведения студентов / В. В. Кузнецов, К. В. Косилов, Р. Байрамов [и др.] // *Медицинское образование и профессиональное развитие*. 2019. Т. 10, № 4(36). С. 126–143. DOI [10.24411/2220-8453-2019-14010](https://doi.org/10.24411/2220-8453-2019-14010). EDN [YIQZTG](https://www.edn.ru/YIQZTG).
36. *Jones I. R., Papacosta O., Whincup P. H. [et al.]* Class and lifestyle «lock-in» among middle-aged and older men: a Multiple Correspondence Analysis of the British Regional Heart Study // *Sociology of Health and Illness*. 2011. Vol. 33(3). P. 399–419. DOI [10.1111/j.1467-9566.2010.01280.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2010.01280.x).
37. *Шановалова И. С.* Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // *Наука. Культура. Общество*. 2023. Т. 29, № 3. С. 150–163. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9). EDN [KVLEGG](https://www.edn.ru/KVLEGG).
38. *Черныш М. Ф.* Социальное благополучие и здоровье // *ИНАБ*. 2020. № 1. С. 54–74. DOI [10.19181/INAB.2020.1.4](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.4). EDN [SDCHVN](https://www.edn.ru/SDCHVN).
39. *Короленко А. В.* Здоровьесберегательные установки как фактор самосохранительного поведения: подходы к изучению и опыт типологии // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14, № 4. С. 59–76. DOI [10.15838/esc.2021.4.76.4](https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.4). EDN [JYFMXJ](https://www.edn.ru/JYFMXJ).
40. *Klein T., Becker S.* Gibt es wirklich eine Reduzierung sportlicher Aktivität im Lebenslauf? // *Zeitschrift für Soziologie*. 2008. Vol. 37(3). P. 226–245. DOI [10.1515/zfsoz-2008-0303](https://doi.org/10.1515/zfsoz-2008-0303). EDN [MZOJTZ](https://www.edn.ru/MZOJTZ).

41. Журавлева И. В., Петренко Е. С. Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2(42). С. 80–103. DOI [10.19181/snsnp.2023.11.2.5](https://doi.org/10.19181/snsnp.2023.11.2.5). EDN [KRDVVB](#).
42. Porter L. C. Incarceration and post-release health behavior // Journal of Health and Social Behavior. 2014. Vol. 55(2). P. 234–249. DOI [10.1177/0022146514531438](https://doi.org/10.1177/0022146514531438).
43. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton : Princeton University Press, 2004. 439 p. ISBN 9780691123899.
44. Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д. М. Рогозина, М. В. Рассохиной. М. : ФОМ, 2003. 302 с. ISBN 5-93947-008-4. EDN [QOBZEJ](#).
45. Социологические подходы к изучению социального благополучия / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л. А. Беляева [и др.], М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021). EDN [LHJSQX](#).
46. Чиркова А. В. Типологический анализ молодежи по здоровьесберегающему поведению: особенности реализации четырехкомпонентной модели // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 145–153. DOI [10.31857/S013216250024647-4](https://doi.org/10.31857/S013216250024647-4). EDN [GVABMH](#).
47. Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М. : Высшее Образование, 2007. 235 с. ISBN 5-94084-047-7. EDN [QOGTDB](#).

Поступила: 03.08.2023. Принята: 24.09.2023.

Сведения об авторе:

Чиркова Анна Владиславовна, младший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. chircovaanna@gmail.com
 AuthorID (РИНЦ): [1046093](#)

A. V. Chirkova¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

HEALTH BEHAVIOR: THEORETICAL AND METHODICAL PROBLEMS OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of approaches to the study of health behavior that exist in modern Russian and foreign sociology; identifying theoretical and methodical problems; designation of directions for the development of this issue. The article shows that specific theoretical and methodical problems generated in various approaches can be generalized into two groups. The first correlates with problems of cognitive adequacy of the variables used for analysis. It includes such problems as adapting variables to measure social attitudes or behavior; choosing the optimal way to empirically interpret indicators of health behavior; identifying discrepancies between self-assessments and the results of "objective" measurement. The second group of problems is related to the complexity of the relationships between the components of such behavior, which includes: the mediation of the relationships between the components of health behavior by indicators of a different nature; identification of factors that influence health behavior in different directions, their specificity for various health practices; implementation of conceptual representations in multidimensional data analysis models. The article pays special attention to typological studies as one of the important directions in the development of the problem of sociological measurement of health behavior, which makes it possible to overcome many theoretical and methodical problems. In particular, the advisability of a priori typology of the population being studied is emphasized; testing a number of indicators of health behavior as type-forming attributes; using the experience of conducting typological analysis in subject fields close to the field of health.

Keywords: self-preserving behavior; health behavior; indicators of health behavior; measurement of health behavior; typological analysis

For citation: Chirkova A. V. Health behavior: theoretical and methodical problems of sociological measurement. *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):80–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.6>.

References

1. Tatarova G. G., Babich N. S. [et al.] Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023).
2. Chirkova A. V. The intelligence stage of the formation of the information base of the study (on the example of "behavior in relation to health"). In: Materials of the International Youth Scientific Forum "Lomonosov-2021". Art. 80. Moscow: Maks Press; 2021. (In Russ.).
3. Varlamova S. V., Sedova N. N. Healthy way of life - one step forward, two steps back. *Sociological Studies*. 2010;(4):75–88. (In Russ.).
4. Korp P. The symbolic power of «healthy lifestyles». *Health Sociology Review*. 2008;17(1):18–26. DOI [10.5172/hesr.451.17.1.18](https://doi.org/10.5172/hesr.451.17.1.18).
5. Belova N. I. "Healthy lifestyle" and "health lifestyle" similarities and differences. *Kazan Science*. 2013;(11):342–344. (In Russ.).
6. Cockerham W. C. Health behavior. In: Cockerham W. C., Dingwall R., Quah S. R., eds. The Wiley Blackwell encyclopedia of health, illness, behavior, and society. John Wiley & Sons; 2014. P. 764–766. DOI [10.1002/9781118410868.wbehibs296](https://doi.org/10.1002/9781118410868.wbehibs296).
7. Antonov A. I. Microsociology of Family. Moscow: Infra-M; 2005. (In Russ.). ISBN 5-16-002250-3.
8. Vangorodskaya S. A. Health behavior: the problem of the notion in sociology. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2017;12(4):20–29. (In Russ.). DOI [10.22394/2071-2367-2017-12-4-20-29](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-4-20-29).
9. Volkova M. B. Public Health Behavior of the Population in Conditions of Russian Socio-Economic Transformations. Abstract of Candidate Degree Thesis. Saratov; 2005. (In Russ.).
10. Gochman D. S. (ed.). Handbook of Health Behavior Research I: Personal and Social Determinants. New York: Plenum; 1997. ISBN 978-0306454431.
11. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1).
12. Osipov G. V., Moskvichev L. N. (eds.). Sociological Dictionary. Moscow: Norma; 2008. (In Russ.). ISBN 978-5-468-00195-0.
13. Radaev V. V., Roshchina Ya. M. Measuring alcohol consumption as a methodological problem. *Sociology*. 4M. 2019;48:7–57. (In Russ.).
14. Chan C. W., Leung S. F. Lifestyle health behavior of Hong Kong Chinese: Results of a cluster analysis. *Asia-Pacific Journal of Public Health*. 2015;27(3):293–302. DOI [10.1177/1010539514555214](https://doi.org/10.1177/1010539514555214).
15. Berrigan D., Dodd K., Troiano R. P. [et al.]. Patterns of health behavior in U.S. adults. *Preventive Medicine*. 2003;36(5):615–623. DOI [10.1016/S0091-7435\(02\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S0091-7435(02)00067-1).
16. Conner M., Norman P. Health behaviour: Current issues and challenges. *Psychology & Health*. 2017;32(8):895–906. DOI [10.1080/08870446.2017.1336240](https://doi.org/10.1080/08870446.2017.1336240).
17. De Vries H., van't Riet J., Spijt M. [et al.]. Clusters of lifestyle behaviors: Results from the Dutch SMILE study. *Preventive Medicine*. 2008;46(3):203–208. DOI [10.1016/j.ypmed.2007.08.005](https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2007.08.005).
18. Kandt J. Social practice, plural lifestyles and health inequalities in the United Kingdom. *Sociology of Health & Illness*. 2018;40(8):1294–1311. DOI [10.1111/1467-9566.12780](https://doi.org/10.1111/1467-9566.12780).
19. Ermolaeva P. O., Noskova E. P. Main trends in the Sphere of Russians' healthy lifestyle. *Sociological Studies*. 2015;(4):120–129. (In Russ.).
20. Richter L., Reiger H. Gesundheitsverhaltensmuster der Wiener Bevölkerung – Assoziationen von Health Lifestyle und sozio konomischen Determinanten. *Osterreichische Zeitschrift fur Soziologie*. 2021;46(3):321–331. (In Germ.). DOI [10.1007/s11614-021-00447-y](https://doi.org/10.1007/s11614-021-00447-y).
21. Samuolis J., McGeorge L. Co-Occurring Health Risk Behaviors and Their Association with Self-Rated Health among Female College Students. *American Journal of Health Education*. 2020;51(4):257–264. DOI [10.1080/19325037.2020.1765906](https://doi.org/10.1080/19325037.2020.1765906).
22. Roshchina Y. Health-Related Lifestyle: Does Social Inequality Matter? *Journal of Economic Sociology*. 2016;17(3):13–36. (In Russ.). DOI [10.17323/1726-3247-2016-3-13-36](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-3-13-36).
23. Raithel J. Lebensstil und gesundheitsrelevantes Verhalten im Jugendalter. *Soziale Welt*. 2004;55(1):75–94. (In Germ.). DOI [10.2307/40878448](https://doi.org/10.2307/40878448).
24. Abrosimov I. N. Self-regulation of personality and psychological sovereignty as factors in the health-saving behavior. *Social Sciences and Humanities: theory and practice*. 2019;1(3):487–497. (In Russ.).
25. Rostovskaya T. K., Shimanovskaya Ya. V. Conceptual approaches to the study of self-preservation behavior of the male population. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2018;2(50):45–52. (In Russ.).

26. Alimpieva A. V. Healthy lifestyle behaviour in children and youth: diagnostics results. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*. 2011;4:76–83. (In Russ.).
27. Izutkin D. A. The issue of relationship between life-style and health in foreign sociological surveys. *Sociology of Medicine*. 2014;(1):46–50. (In Russ.).
28. Choi S., Feinberg R. A. The LOHAS (Lifestyle of Health and Sustainability) Scale Development and Validation. *Sustainability*. 2021;13(4):1–17. DOI [10.3390/su13041598](https://doi.org/10.3390/su13041598).
29. Egele V. S., Kiefer L. H., Stark R. Faking self-reports of health behavior: a comparison between a within- and a between-subjects design. *Health Psychology and Behavioral Medicine*. 2021;9(1):895–916. DOI [10.1080/21642850.2021.1991803](https://doi.org/10.1080/21642850.2021.1991803).
30. Lutsenko E. L., Gabelkova O. E. A questionnaire for health disorders. *Voprosy Psychologi*. 2013;(5):142–153. (In Russ.).
31. Zavyalov A. E. Problems of a healthy lifestyle formation in young people. *Systems psychology and sociology*. 2015;(1):104–110. (In Russ.).
32. Shiloh S., Nudelman G. Exploring dimensions of health behaviors' representations. *Psychology & Health*. 2020;35(8):1017–1032. DOI [10.1080/08870446.2019.1707828](https://doi.org/10.1080/08870446.2019.1707828).
33. Galkin K. A. Activity and strategies for caring for the health of the elderly: urban and rural context. *Science. Culture. Society*. 2023;29(1):130–142. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.1.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.10).
34. Kalkbrenner M. T., Gormley B. Development and Initial Validation of Scores on the Lifestyle Practices and Health Consciousness Inventory (LPHCI). *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2020;53(4):219–237. DOI [10.1080/07481756.2020.1722703](https://doi.org/10.1080/07481756.2020.1722703).
35. Kuznetsov V. V., Kosilov K. V., Bayramov R. [et al.]. The new index of health-preserving behavior of students. *Medical Education and Professional Development*. 2019;10(4):126–143. (In Russ.). DOI [10.24411/2220-8453-2019-14010](https://doi.org/10.24411/2220-8453-2019-14010).
36. Jones I. R., Papacosta O., Whincup P. H. [et al.]. Class and lifestyle «lock-in» among middle-aged and older men: a Multiple Correspondence Analysis of the British Regional Heart Study. *Sociology of Health and Illness*. 2011;33(3):399–419. DOI [10.1111/j.1467-9566.2010.01280.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2010.01280.x).
37. Shapovalova I. S. Self-assessment of financial status and social strategies of youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):150–163. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9).
38. Chernysh M. F. Social well-being and health. *INAB*. 2020;(1):54–74. (In Russ.). DOI [10.19181/INAB.2020.1.4](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.4).
39. Korolenko A. V. Health-saving attitudes as a factor promoting self-preservation behavior: Approaches to the study and experience in typology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(4):59–76. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2021.4.76.4](https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.4).
40. Klein T., Becker S. Gibt es wirklich eine Reduzierung sportlicher Aktivität im Lebenslauf? *Zeitschrift für Soziologie*. 2008;37(3):226–245. (In Germ.). DOI [10.1515/zfsoz-2008-0303](https://doi.org/10.1515/zfsoz-2008-0303).
41. Zhuravleva I. V., Petrenko E. S. Individual responsibility for health: patterns of behavior. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):80–103. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.5).
42. Porter L. C. Incarceration and post-release health behavior. *Journal of Health and Social Behavior*. 2014;55(2):234–249. DOI [10.1177/0022146514531438](https://doi.org/10.1177/0022146514531438).
43. Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press; 2004. ISBN 9780691123899.
44. Sudman S., Bradburn N., Schwartz N. Thinking about answers. The application of cognitive processes to survey methodology. Moscow: FOM; 2003. (In Russ.). ISBN 5-93947-008-4.
45. Avdeev E. A., Allardt E., Belyaeva L. A. [et al.]. Sociological approaches to the study of social well-being. Moscow: FSTAS RAS; 2021. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021).
46. Chirkova A. V. Typological analysis of young people health behavior: On specifics of the four-component model realization. *Sociological Studies*. 2023;(5):145–153. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250024647-4](https://doi.org/10.31857/S013216250024647-4).
47. Tatarova G. G. Fundamentals of Typological Analysis in Sociological Research. Moscow: Vysshee Obrazovanie; 2007. (In Russ.). ISBN 5-94084-047-7.

Received: 03.08.2023. Accepted: 24.09.2023.

Information about the author:

Anna V. Chirkova, junior researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
chircovaanna@gmail.com

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.7)
EDN [DMDGUS](https://edn.dmdgus.ru)
УДК 316.4.063.22

Б. П. Гуселетов^{1,2}

¹ Институт Европы РАН. Москва, Россия

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОЛЬШЕ: ПРИВЕДЕТ ЛИ СМЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВА К СМЕНЕ КУРСА?

Аннотация. В статье рассматриваются последствия смены польского правительства, возглавляемого с октября 2015 года праворадикальной евроскептической партией Право и Справедливость. Представлен анализ результатов парламентских выборов в Польше, прошедших 15 октября 2023 года, на которых формальную победу одержала ПиС, традиционно ориентирующаяся на менее развитые, консервативные восточные регионы страны, но которая, однако, не сумела создать коалицию большинства. В итоге правящую коалицию, которая получила право сформировать правительство, образовал альянс трех предвыборных объединений: 1) Гражданская коалиция, включающая партии Гражданская платформа во главе с бывшим премьер-министром Дональдом Туском Модерн, Зелёные и Польская инициатива; 2) коалиция Третий путь, в которую вошли партии Польша-2050, Польская народная партия, Центр для Польши и Уния европейских демократов; а также 3) коалиция Левые, состоящая из партий Новые левые и Левые вместе. Этот альянс получил поддержку в экономически и промышленно более развитых, модернистски настроенных западных регионах Польши. Дана оценка деятельности ведущих польских политических партий за предыдущие четыре года, проанализированы основные положения предвыборных платформ партий и коалиций, которые были избраны в состав парламента по итогам прошедших выборов. Для выявления динамики изменений политической ситуации в Польше был проведён сравнительный анализ результатов ведущих политических партий этой страны на выборах 2019 и 2023 гг., а также даны их основные характеристики. Проанализированы ключевые отличия в подходах ведущих партий страны (ПиС и Гражданская платформа) по вопросам внутренней и внешней политики, включая их отношение к специальной военной операции России на Украине. Рассмотрен процесс формирования нового правительства Польши и влияние на него Президента страны Анджея Дуды.

Ключевые слова: Польша, смена правительства, парламентские выборы, Анджей Дуда, Дональд Туск, Ярослав Качинский, российско-польские отношения

Для цитирования: Гуселетов Б. П. Политические трансформации в Польше: приведет ли смена правительства к смене курса? // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 94–108. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.7). EDN [DMDGUS](https://edn.dmdgus.ru).

Введение. В ходе очередных парламентских выборов в Польше 15 октября 2023 года были избраны 460 членов нижней палаты (Сейма) и 100 депутатов верхней палаты (Сената) парламента этой страны.

С 2015 года во главе польского правительства стояла правоконсервативная, евроскептическая партия Право и Справедливость (ПиС), основанная в 2001 году братьями Ярославом и Лехом Качинскими. Л. Качинский был лидером ПиС до 2003 года, а с 2005 по 2010 гг. – до своей гибели в авиакатастрофе под

Смоленском, – президентом Польши¹. Я. Качинский сменил брата на посту лидера партии и руководит ею до настоящего времени; с октября 2020 года по ноябрь 2023 года он занимал пост вице-премьера с небольшим перерывом (с июня 2022 по июнь 2023 г.)². Президентом Польши с 2015 года является бывший член ПиС Анджей Дуда (президент страны должен быть беспартийным). Партия является инициатором создания в октябре 2009 года умеренно евроскептической европартии Европейских консерваторов и реформистов (ЕКР), и с тех пор остаётся самым активным её членом. ЕКР имеет шестую по численности парламентскую группу в нынешнем составе Европейского парламента, в которой из 62 депутатов 26 представляют ПиС [1, с. 162–166].

На предыдущих парламентских выборах, состоявшихся 13 октября 2019 года, убедительную победу одержала коалиция Объединённые правые во главе с Я. Качинским и действующим премьер-министром М. Моравецким, которая включала партии ПиС, Республиканскую партию и партии Солидарная Польша и Согласие, набравшая 43,6% на выборах в Сейм и 44,56% на выборах в Сенат. Это позволило правым иметь 235 мест из 460 в нижней палате и 48 из 100 в верхней палате парламента и самостоятельно сформировать правительство, которое вновь возглавил М. Моравецкий.

При этом в ПиС исторически сложилось три течения:

- наиболее влиятельное, которое имеет неофициальное название «Орден центрального соглашения» во главе с Я. Качинским, в руководство которого входит также бывший вице-премьер (2022–2023 гг.) и министр обороны (2018–2023 гг.) М. Блащак и бывший министр внутренних дел (2018–2019 гг.) и вице-спикер Сейма (2015–2018 гг.) И. Бруджиньский;
- христианско-демократическое и умеренно социал-консервативное во главе с премьером М. Моравецким, бывшим министром иностранных дел (2018–2020 гг.) Я. Чапутовичем и бывшим министром здравоохранения (2018–2020 гг.) Л. Шумовским. К этому течению близок президент страны А. Дуда;
- радикально-религиозное и жёстко евроскептическое во главе с действующим депутатом Европарламента (с 2019 г.) и бывшим премьер-министром (2015–2017 гг.) Б. Шидло и бывшим министром обороны (2015–2018 гг.) и старшим маршалом Сейма (2019–2023 гг.) А. Мациревичем. Это течение активно поддерживает партия Объединённая Польша бывшего министра юстиции и генерального прокурора (2015–2023 гг.) З. Зиобр³.

Предвыборное объединение Гражданская коалиция во главе с лидером партии Гражданская платформа (ГП) и бывшим Министром иностранных дел (2014–2015 гг.) Г. Ю. Схетыной, включавшее помимо ГП партии Зелёные, Модерн и Польская инициатива, набрало 27,4% на выборах в Сейм и 35,66% на выборах в Сенат, и осталась ведущей оппозиционной силой страны [2, с. 45–51].

Основные итоги деятельности правительства ПиС во главе с М. Моравецким за 2015–2023 годы. В течение восьми лет руководства Польшей, ПиС последовательно проводила политику, основанную на консервативных ценностях в сочетании с активной социальной поддержкой населения. Так в 2017 году правительство объявило о начале реализации программы «Семья 500+», в рам-

¹ Childs M. Lech Kaczyński: Polish President and co-founder of the Law and Justice Party // Independent. 13 April 2010. URL: <https://goo.su/Xmwi> (accessed: 15.01.2024)..

² O'Leary M. Jarosław Kaczyński. The Backbench Driver // Politico.eu. 2017. URL: <https://goo.su/NZF-DHhU> (accessed: 15.01.2024).

³ Glowacki W. Frakcje w PiS. Jarosław Kaczyński, Andrzej Duda, Mateusz Morawiecki... jakie są grupy interesu w PiS? // Portal i.pl. Wiadomości. 15.12.2017. URL: <https://goo.su/GvyH4IQ> (accessed: 15.01.2024).

ках которой любая польская семья, проживающая в стране, получала за каждого нового ребёнка ежемесячное пособие в размере 500 злотых (€124)⁴. Накануне выборов 2023 года парламентское большинство проголосовало за увеличение с января 2024 года этого пособия до 800 злотых (€198), а также за предоставление гражданам страны старше 65 лет и моложе 18 лет бесплатных лекарств. Эта программа также включала государственную поддержку семьям, которые строят недорогое жилье. В 2019 году правительство снизило возраст выхода на пенсию с 67 лет до 60 лет для женщин и до 65 – для мужчин, а также сократило ставку подоходного налога для тех, кто моложе 26 лет с 18% до 12%⁵.

В апреле 2018 года правительство ПиС объявило о том, что выделяет 23 млрд польских злотых (€5,5 млрд) на рассчитанную на период с 2018 по 2025 годы программу «Доступность +», которая направлена на поддержку людей с ограниченными возможностями⁶.

При этом все эти годы польское руководство активно выступало за ограничение прав сторонников ЛГБТ, включая запрет однополых браков [3, р. 14, 24, 25], а также против аборт [4], исламизма [5] и приёма в своей стране мигрантов из неевропейских стран [6]. В последние годы руководство ПиС стало проводить политику по усилению контроля со стороны правительства за судебной ветвью власти и средствами массовой информации, что вызвало негативную реакцию со стороны либеральной оппозиции и Евросоюза [7].

В экономической области правительство Моравецкого добилось за прошедшие 8 лет неплохих результатов: ВВП на душу населения по паритету покупательной способности вырос на 40%, что позволило Польше выйти по этому показателю на 40-е место в мире, опередив Португалию. Рост ВВП в 2022 году составил 5,1%, при том, что безработица оставалась на низком уровне – 2,8%. Бюджет страны до начала пандемии COVID-19 оставался достаточно сбалансированным. Серьёзной проблемой, которую этому правительству так и не удалось решить, стал высокий уровень инфляции, который к июлю 2023 г. достиг 10,8%⁷.

Серьёзные трудности для Польши создали санкции, введённые против России после начала специальной военной операции (СВО) на Украине, и российские контрсанкции против стран-членов Евросоюза. Их результатом стал рост цен на энергоносители, который нанёс заметный ущерб энергетической безопасности Польши, и правительству страны, чтобы не допустить роста общественного недовольства, пришлось пойти на выделение гражданам субсидий на оплату отопления [8].

Кроме того, негативное влияние на сельское хозяйство Польши оказал рост импорта украинской сельхозпродукции, что повлекло за собой падение рыночных цен на неё, и, естественно, вызвало крайне негативную реакцию польских фермеров, которые весной 2023 года вышли на демонстрации по всей стране, протестуя против аграрной политики правительства и разрешения транзита украинского зерна. Под давлением протестовавших Моравецкому пришлось уволить министра сельского хозяйства и добиться от Еврокомиссии введения запрета на импорт украинского зерна до середины сентября 2023 года. 15 сентября руководство Евросоюза отменило временные ограничения на импорт украинского зерна

⁴ Family 550+ // Ministry of Family, Labour and Social Policy. 15.11.2018. URL: https://u.to/a_18IA (accessed: 15.01.2024).

⁵ В Польше отменили подоходный налог для молодежи и снизили возраст выхода на пенсию // Банки сегодня. 02.08.2019. URL: <https://u.to/mu18IA> (дата обращения: 15.01.2024).

⁶ PiS przeznaczy 23 mld zł na program "Dostępność Plus" // Business Insider. 17 lipca 2018. URL: <https://u.to/sO18IA> (accessed: 15.01.2024).

⁷ Deloy C. Quelle coalition majoritaire possible en Pologne à l'issue des élections parlementaires du 15 octobre? // Fondation Robert Schuman. 18.09.2023. URL: <https://u.to/-u18IA> (accessed: 15.01.2024).

и масличных культур. В ответ на это правительства трех стран: Польши, Венгрии и Словакии, потребовали пролонгировать этот запрет, но получили отказ. Тогда Моравецкий в одностороннем порядке продлил запрет на импорт украинского зерна, но разрешил его транзит через территорию Польши⁸.

При этом польское правительство активно поддерживало Украину с началом СВО⁹, в том числе её вступление в НАТО. С 24 февраля 2022 года в Польшу в поисках убежища переехал примерно миллион украинцев.

Основные положения предвыборной программы ПиС. Правящая партия, сохранив свою предвыборную коалицию Объединённые правые, в которой место партии Согласие заняла партия Кукиз15, намеревалась мобилизовать свой электорат вокруг традиционных принципов: защита семейных ценностей, расширение социальной поддержки, противодействие «политике Брюсселя» по насаждению либеральной повестки дня в лице лидера ГК Д. Туска и укрепление безопасности страны. В начале 2023 года руководство ПиС объявило об увеличении военных расходов до 4% ВВП (137 млрд злотых или €34 млрд) и удвоении численности армии, которая на тот момент насчитывала порядка 300 000 человек, хотя по мнению ряда зарубежных и российских исследователей сделать это будет совсем не просто¹⁰. Тем не менее, лидер ПиС Я. Качиньский не оставил надежд сделать польскую армию первой в Европе. Он также раскритиковал своего главного оппонента на выборах 2023 года Д. Туска за то, что в период его премьерства Польша активно импортировала энергоносители из России, и заподозрил его в стремлении пересмотреть отношения Москвой в случае прихода к власти.

В мае 2023 года парламент страны под давлением депутатов от ПиС принял закон о создании Комиссии по расследованию влияния России на политическую жизнь Польши в период с 2007 по 2022 годы. Этот закон предполагал, что политику, обвинённому в действиях против интересов Польши под влиянием России, будет запрещено занимать любые государственные должности в течение десяти лет. Однако руководство Евросоюза и США выступили против этого законопроекта, и президенту А. Дуде пришлось вернуть его в парламент. В конце июля Сейм проголосовал за его обновлённый вариант, который предполагал создание следственной комиссии, в состав которой будут входить не депутаты, как предполагалось изначально, а эксперты; возможность для лица, обвинённого в том, что оно действовало под влиянием России, обжаловать это решение в апелляционном, а не административном суде Польши; и наконец, снятие пункта о лишении на 10 лет права занимать государственные должности. И уже в конце августа были избраны все 9 членов Комиссии, хотя оппозиционные партии не участвовали в этом процессе¹¹.

Руководство ПиС, имевшее полный контроль над Сеймом, провело через парламент решение о проведении в день выборов 15 октября референдума, на который были вынесены четыре вопроса:

- поддерживаете ли вы распродажу государственных активов иностранным субъектам, что приведёт к потере польскими гражданами контроля над стратегическими секторами экономики?

⁸ Ригерт Б., Ферзек К., Шварц Р., Лепяж Я. Зерно из Украины: почему страны востока ЕС против его ввоза // Deutsche Welle. 21.09.2023. URL: <https://goo.su/OOIz> (дата обращения: 15.01.2024).

⁹ В Польше назвали причину поддержки Украины // Lenta.ru. 10.09.2023. URL: <https://u.to/mO58IA> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁰ Кулагин В., Шапошник С. Польша трудно оплачивать масштабное перевооружение // Ведомости. 23 апреля 2023. URL: <https://u.to/PPF8IA> (дата обращения: 15.01.2024)..

¹¹ Мастеров В. В Польше законодательно признали влияние России на внутреннюю политику // Независимая газета. 30 июля 2023. URL: <https://u.to/fPF8IA> (дата обращения: 15.01.2024).

- поддерживаете ли вы повышение пенсионного возраста, в том числе возвращение его до уровня 67 лет для женщин и мужчин?
- поддерживаете ли вы ликвидацию стены на границе между Республикой Польша и Республикой Беларусь?
- поддерживаете ли вы приём тысяч нелегальных иммигрантов с Ближнего Востока и Африки в рамках механизма принудительного переселения, названного европейской бюрократией?

Я. Качиньский, выдвигая эту инициативу, предполагал, что референдум позволит его партии вернуть контроль над политической повесткой дня и увеличить её расходы на избирательную кампанию, так как затраты на референдум не подлежат ограничениям, в отличие от расходов, понесённых на организацию предвыборной кампании.

В результате в референдуме приняло участие около 40,9% избирателей, и хотя более 94% его участников поддержали все четыре пункта, Национальная избирательная комиссия Польши заявила, что так как в референдуме приняло участие менее половины избирателей, его результаты в соответствии со ст. 66, п. 1 Закона Польши о референдуме не являются обязательными¹². Таким образом, этот ход со стороны ПиС против Д. Туска не сработал.

Стратегия польской оппозиции в борьбе против ПиС. Д. Туск, который стал безусловным лидером главного оппозиционного объединения Гражданской коалиции, поставил перед ней задачу объединить всех поляков, выступающих против ПиС.

Гражданская коалиция (ГК), организованная в 2018 году, выступала за восстановление позиций Польши на международной арене и укрепление сотрудничества с своими европейскими партнёрами. Её предвыборная программа была основана на принципах экономического либерализма, а также включала отдельные меры социал-демократического характера, например, повышение расходов на здравоохранение. ГК также выступила категорически против ряда принятых по инициативе ПиС законов, ограничивающих свободу слова и собраний, а также деятельность НПО и независимых СМИ и усиливающих контроль над государственными СМИ и органами судебной власти. Их принятие вызвало негативную реакцию со стороны руководства ЕС, которое в январе 2016 г. начало расследование в отношении правительства Польши за нарушение им демократических стандартов. В июне 2018 г. Еврокомиссия открыла ещё одно судебное дело против Польши из-за изменений в статусе и принципах формирования Верховного суда, что привело к блокированию выплаты Варшаве €35 млрд из Фонда стимулирования ЕС¹³. Д. Туск пообещал отменить эти законы и добиться выплаты указанной выше суммы.

Гражданская коалиция выступила за предоставление женщинам права на добровольное прерывание беременности, которое по инициативе ПиС было затруднено, а также за узаконивание института гражданского партнёрства между лицами одного пола.

Тем не менее, руководству ГК не удалось привлечь в свои ряды все оппозиционные силы, включая левоцентристские и либеральные партии. В результате две центристские силы, а именно, либеральная, проевропейская и экологическая партия Польша 2050, возглавляемая журналистом Шимоном

¹² Wyniki głosowania w Referendum ogólnokrajowym 2023 r. // Referendum Ogólnokrajowe 15 października 2023. Państwowa Komisja Woborsza. URL: <https://u.to/p-F8IA> (accessed: 15.01.2024).

¹³ Chronology: Poland Clashes with EU Over Judicial Reforms, Rule of Law // Reuters. 04.07.2018. URL: <https://goo.su/QuawH1> (accessed: 15.01.2023).

Холовней, и объединение нескольких партий Польская коалиция, во главе с лидером Народной партии (в прошлом Крестьянская партия) и депутатом Сейма с 2015 года Владиславом Касиньяк-Камышем, создали собственную предвыборную коалицию **Третий путь** (Trzecia Droga). В качестве своих основных целей эта коалиция провозгласила увеличение бюджетных доходов, реформу системы школьного образования, реализацию климатической политики, основанной на широком применении возобновляемых источников энергии, и упрощение налоговой системы. Коалиция предложила провести референдум о допустимости аборт. Отношение к вопросу об ЛГБТ внутри коалиции было неоднозначным.

Две левоцентристские партии Новые левые (НЛ, создана на основе Союза демократических левых сил) и Левые вместе (в прошлом партия Вместе) создали собственную предвыборную коалицию **Левые** во главе с сопредседателями НЛ и вице-спикером Сейма (с 2019 г.) Влодзимежом Чажастым и евродепутатом (с 2019 г.) Робертом Бедронем. Эта коалиция делала акцент на традиционных социал-демократических принципах, в первую очередь на поддержке социальной сферы, а также укреплении Евросоюза¹⁴.

Ещё две ультраправые националистические партии Польши Новая надежда во главе с 37-летним бывшим бизнесменом Славомиром Ментценом и Национальное движение во главе с 40-летним депутатом Сейма (с 2019 г.) Кшиштофом Босаком создали собственную предвыборную коалицию **Конфедерация свободы и независимости** (КСН), которая решила отказаться от прежней ксенофобской и антисемитской позиции и сделать акцент на либеральных экономических реформах за счёт снижения налогов, сокращения государственного вмешательства в экономику за счёт децентрализации и дебюрократизации властных институтов, обеспечения независимости судебной ветви власти, а также ограничения миграции из неевропейских стран, противодействия пропаганде ЛГБТ-движения. Некоторое время в СМИ обсуждалась возможность объединения Конфедерации с ПиС для формирования ими коалиции в Сейме. Но К. Босак и С. Менцен смогли убедить руководство КСН в том, что эти разговоры вредят имиджу партии, большая часть избирателей которой настаивают на отстранении лидера ПиС Я. Качиньского от руководства страной.

Представители КСН выступали за демонтаж ЕС и отказ от евро, но сохранение шенгенской зоны. Один из лидеров и основателей Конфедерации, депутат Сейма Я. Корвин-Микке заявил в одном из интервью, что политика США, направленная на ослабление России, которую поддерживает ПиС, может привести к втягиванию Польши в новую мировую войну из-за украинского конфликта. После начала СВО он раскритиковал санкционную политику Запада в отношении России, защищающей собственные национальные интересы. Эта коалиция ориентировалась в основном на молодых избирателей, которых должна была привлечь молодость её лидеров, а также на часть электората ГК, которая была недовольна её отходом от либеральных ценностей, и тех сторонников ПиС, которым надоели её неизменные лидеры¹⁵.

¹⁴ Plucinska J., Meczowska A. Poland's fragmented opposition coalesces into left, center blocs // Reuters. 18.07.2019. URL: <https://ljl.su/zOFF> (accessed: 15.01.2024).

¹⁵ Lepiarz J. Poland's far-right Confederation party set to be kingmaker // Deutsche Welle. 08.01.2023. URL: <https://ljl.su/cfJ4> (accessed: 15.01.2024).

Ход избирательной кампании. Избирательная кампания, отличавшаяся жёстким противостоянием ПиС и ГК, позиции которых по всем ключевым вопросам радикально отличались, сопровождалась серией массовых мероприятий и громких скандалов.

ПиС уже с середины июля организовали проведение регулярных семейных пикников в каждом из 16 воеводств под лозунгом «С любовью к Польше», которые стали главным элементом информационной кампании по совершенствованию программы «Семья 500+». Самое активное участие в них принимали президент А. Дуда, избранный при поддержке ПиС, лидер ПиС Я. Качиньский и премьер-министр М. Моравецкий. В своих выступлениях лидеры ПиС говорили о достижениях правительства и критиковали деятельность Правительства Туска в 2007–2014 гг. нанёсшую, по их мнению, огромный вред Польше. Накануне назначения даты выборов А. Дуда прямо на таком семейном пикнике в небольшом городке Тарчин подписал закон об увеличении пособия на детей на 300 злотых.

Однако в середине кампании вокруг ПиС разразился скандал, связанный с незаконной выдачей чиновниками польского МИД за взятки виз гражданам из стран Азии и Африки, желавшим попасть в Евросоюз. И это при том, что борьба с незаконной миграцией была одной из самых важных тем для «ядерного электората» этой партии. Депутаты Сейма от ГК М. Щерба и Д. Йоньский незамедлительно устроили пресс-конференцию, в ходе которой сообщили, что Польша стала крупнейшим центром переброски нелегальных трудовых мигрантов, в результате чего за три года было выдано почти 2 млн виз для граждан стран, не входящих в ЕС. В результате в отставку был отправлен заместитель министра П. Вавжик, который также был вынужден отказаться от места в избирательном списке ПиС. Все это, несомненно, нанесло серьёзный удар по имиджу правящей партии¹⁶.

Лидер ГК Д. Туск, который постоянно критиковал политику правительства в отношении мигрантов, мгновенно воспользовался ситуацией, чтобы раскритиковать руководство ПиС и пригласил её лидера Я. Качиньского на дебаты, обвинив в полной потере контроля над правительственными чиновниками. Но тот уклонился от приглашения, что явно не пошло на пользу ПиС¹⁷.

В свою очередь ГК во время предвыборной кампании сделала ставку на проведение серии массовых манифестаций. Так за две недели до выборов в Варшаве был проведён «Марш миллиона сердец», в котором приняли участие сотни тысяч человек, представлявших все регионы Польши, намеренных продемонстрировать своё неприятие деятельности нынешнего правительства ПиС. Марш поддержал заместитель председателя ГП, Мэр Варшавы Р. Тшасковский, назвавший его дорогой в будущее. Участники марша в своих выступлениях обвиняли правящую партию в систематических нарушениях закона, коррупции, ограничении прав женщин, стремлении организовать выход Польши из ЕС (Polexit). Этот марш активно поддерживали ещё две оппозиционные коалиции: Левые и Третий путь, что создавало хорошие перспективы для сотрудничества этих объединений в поствыборный период¹⁸.

Об итогах участия всех основных предвыборных коалиций в избирательной кампании можно судить по результатам опросов общественного мнения, ко-

¹⁶ Макарычев М. Как скандал с визами за взятки потряс правительство Польши перед выборами // Российская газета. 16.09.2023. URL: <https://u.to/Cf18IA> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁷ Tusk agrees to debate on state TV but Kaczyński rejects challenge to join him // Notes from Poland. 06.10.2023. URL: <https://u.to/cf18IA> (accessed: 15.01.2024).

¹⁸ Walker S. Poland's opposition hopes huge rally in Warsaw will swing election // The Guardian. 01.10.2023. URL: <https://u.to/v-18IA> (accessed: 15.01.2024).

торые многочисленные международные и польские социологические службы проводили регулярно с начала сентября по 15 октября 2023 года. Наиболее достоверные опросы проводила известная международная компания IPSOS, занимающаяся изучением общественного мнения и рынков, штаб-квартира которой расположена в Париже. В ходе этой избирательной кампании ею были опрошены 90 000 респондентов. Результаты этих опросов представлены в табл. 1.

Таблица 1
Результаты опросов избирателей о поддержке различных предвыборных коалиций в ходе избирательной кампании в Польше, сентябрь-октябрь, 2023 г., %

Дата опроса	Число опрошенных	Название партии / коалиции				
		Объединенные правые	Гражданская коалиция	Третий путь	Левые	Конфедерация свободы и независимости
15.10.2023	90 000	36,8	31,6	8,6	13,0	6,2
06-10.10.2023	1 000	36	28	8	8	9
22-25.09.2023	1 000	36	29	10	8	7
08-11.09.2023	1 000	35	26	8	6	8

Источник: Pacewicz P., Danielewski M. Sondaż Ipsos. KO jest rozedrgana z przewagą nadziei, Lewica także, ale ma więcej obaw // OKO.Press. 15.10.2023. URL: <https://u.to/AwB91A> (accessed: 15.01.2024).

Из таблицы 1 видно, что в ходе кампании ПиС лишь незначительно (на 1,8%) увеличила свою поддержку, что во многом было связано с усталостью польского общества от этой политической силы и с миграционным скандалом, который нанёс серьёзный урон её имиджу.

При этом ГК, наоборот, сумела заметно нарастить поддержку избирателей с 26 до 31,6%, что можно объяснить успехом их массовых манифестаций, разумной критикой наиболее одиозных инициатив ПиС (усиления контроля за СМИ, давление на суд, запрет аборт и др.), а также готовностью двух других коалиций: ТП и Левые поддержать их в новом составе Сейма.

Что касается остальных предвыборных коалиций, стоит отметить заметный рост поддержки Левых (почти вдвое, с 6 до 13%), позиция которых заметно отличалась от позиций других коалиций. Благодаря этому Левые сумели получить поддержку части разочарованных молодых и светских избирателей, которые не отождествляют себя ни с одной политической силой. Падение рейтинга КСН с 8 до 6,2% скорее всего связано с перехватом их основных лозунгов против ЕС и Украины правящей ПиС.

Итоги выборов и перспективы формирования нового коалиционного правительства. Итоговые результаты выборов во многом соответствовали представленным выше предвыборным прогнозам (см. табл. 2 и 3). Как и ожидалось, победу на выборах в Сейм, проводимых по пропорциональной системе, одержала коалиция Объединённых правых во главе с ПиС, получившая 35,39% голосов (на 8,17% меньше, чем на предыдущих выборах) и располагающая в новом составе Сейма 194 депутатскими мандатами (на 41 меньше, чем в 2019 г.). Второе место с незначительным отставанием заняла Гражданская коалиция – 30,70% голосов (+3,30%), у которой будет 157 депутатов (+23), на третьем месте распо-

ложились коалиция Третий путь – 14,41% (+5,85%) и 65 депутатских мандата (+35). Коалиция Левые набрала 8,61% (-3,95%), что давало ей 26 мест (-23), и Конфедерация свободы и независимости – 7,17% (+0,36) и иметь 18 депутатов (+7). Остальные участники этих выборов набрали от 0,01 до 1,86% и не прошли в нижнюю палату польского парламента.

Интересно отметить, что Д. Туск уверенно победил в своём округе в Варшаве, где он баллотировался. За него было отдано 538 634 голоса, что превысило показатели всех других кандидатов, вместе взятых, и стало рекордом за всю историю парламентских выборов.

ГК в целом заметно опередило ОП в столице Польши, набрав 43,23% против 20,14%. А в варшавском районе Жолибож, где проживает Я. Качиньский, ситуация для ОП оказалась ещё хуже: более 45% за ГК и всего 18,19% за ОП, что стало особенно болезненным для лидера Пис. Сам Я. Качиньский, который ранее также баллотировался в Варшаве, на этот раз выставил свою кандидатуру в Свентокшиском воеводстве. И хотя он сумел победить в своём округе, получив 177 228 голосов избирателей, ОП потеряли в этом регионе несколько депутатских мест.

Явка на этих выборах составила 74,31%, что на 12,57% больше, чем в 2019 г. Особо следует отметить, что явка избирателей в возрасте от 18 до 29 лет достигла 68,8% по сравнению с 46,4% на выборах 2019 года. Причём среди них поддержка Пис снизилась с 26,3% до 14,9%.¹⁹

Таблица 2

Результаты парламентских выборов в Сейм Польши в 2019 и 2023 годах

Предвыборная коалиция	Число полученных голосов (%)		Число депутатов Сейма	
	2023	2019	2023	2019
ОП	7 449 875 (34,81%)	8 110 193 (44,56%)	34	48
ГК	6 187 295 (28,91%)	6 490 306 (35,66%)	41	43
ТП (в 2019 Польская коалиция)	2 462 360 (11,50%)	1 041 909 (5,72%)	11	3
Л	1 131 639 (5,29%)	415 745 (2,28%)	9	2
КСН	1 443 836 (6,75%)	144 124 (0,79%)	0	0
Остальные	1 516 807 (12,79%)	1 999 071 (10,98%)	5	4
Итого	21 402 998 (100%)	18 201 348 (100%)	100	100

Источник: Polish Parliamentary Elections, 15 October 2023: Results of voting in 2023 elections for Sejm. URL: <https://u.to/agN9IA>; Polish Parliamentary Elections 2019: Sejm voting results. URL: <https://u.to/eQN9IA> (accessed: 15.01.2024).

На выборах в Сенат, проводимых по мажоритарной системе, формальную победу также одержала коалиция Объединённых правых, получившая 34,81% голосов (на 9,75% меньше, чем на предыдущих выборах) и располагающая в новом составе верхней палаты 34 сенаторами (на 14 меньше, чем в 2019 г.). Второе место с незначительным отставанием от лидера заняла Гражданская коалиция – 28,91% голосов (-6,75%), у которой, тем не менее, будет больше сенаторов, чем у ОП – 41(-2). Третье место осталось за коалицией Третий путь – 11,75% (+5,78%) и 11 сенаторов (+8). Коалиция Левые набрала 5,29%, что дало ей 9 сенаторских

¹⁹ Junes T. No Country for Old Men': How young voters helped swing the elections in Poland // Euronews. 18.10.2023. URL: <https://u.to/JwF9IA> (accessed: 15.01.2024).

мест (+7), а Конфедерация свободы и независимости – 6,75% (+4,96%), но вновь не будет представлена в Сенате. Остальные участники этих выборов набрали от 0,12 до 4,91% и не прошли в верхнюю палату польского парламента. Но 5 независимых кандидатов смогли победить и стать сенаторами.

Таблица 3
Результаты парламентских выборов в Сенат Польши в 2019 и 2023 годах

Предвыборная коалиция	Число полученных голосов (%)		Число сенаторов	
	2023	2019	2023	2019
ОП	7 449 875 (34,81%)	8 110 193 (44,56%)	34	48
ГК	6 187 295 (28,91%)	6 490 306 (35,66%)	41	43
ТП (в 2019 Польская коалиция)	2 462 360 (11,50%)	1 041 909 (5,72%)	11	3
Л	1 131 639 (5,29%)	415 745 (2,28%)	9	2
КСН	1 443 836 (6,75%)	144 124 (0,79%)	0	0
Остальные	1 516 807 (12,79%)	1 999 071 (10,98%)	5	4
Итого	21 402 998 (100%)	18 201 348 (100%)	100	100

Источник: Polish Parliamentary Elections, 15 October 2023: Results of voting in 2023 elections for Senate. URL: <https://u.to/JwJ9IA>; Polish Parliamentary Elections 2019: Senate voting results. URL: <https://u.to/Ug-N9IA> (accessed: 15.01.2024).

Как видно из результатов выборов, ни ПиС, ни ГК самостоятельно не смогли бы сформировать правительство, т.к. не имели абсолютного большинства в Сейме, поэтому ключевым стал вопрос формирования коалиции большинства в нижней палате парламента, которая утверждает правительство по представлению президента [9].

24 октября лидеры ГК, ТП и Левых, которые имели 248 из 460 голосов в Сейме, объявили, что готовы сформировать коалиционное правительство во главе с Д. Туском и призвали президента А. Дуду дать им такую возможность²⁰. Однако Дуда явно хотел, чтобы ПиС, как одержавшая – пусть и формально – победу на выборах, сохранила возможность сформировать правительство. По Конституции у него было 30 дней для того, чтобы созвать заседание парламента для утверждения новой правительственной коалиции. Поэтому 6 ноября он предоставил действующему премьер-министру М. Моравецкому право сформировать такую коалицию, дав на это две недели. Если он за это время не заручится доверием депутатов нижней палаты парламента, то Сейм получит право самостоятельно избрать премьер-министра, которого Дуда должен официально назначить до 11 декабря.

После отказа руководства КСН войти в правительство вместе с ПиС, Моравецкий предложил лидеру Польской крестьянской партии (ПКП) В. Косиняк-Камышу возглавить новое правительство, но тот заявил, что польские избиратели проголосовали за Третий путь, а не за третий срок ПиС. Тем не менее, Моравецкий не оставлял попыток сформировать новое правительство, заявив,

²⁰ Polish opposition jointly declare desire to form government with Tusk as prime minister // Notes from Poland. 24.10.2024. URL: <https://u.to/pwV9IA> (accessed: 15.01.2024).

что его состав будет радикально отличаться от предыдущего. Он даже пообещал создать надпартийное или даже внепартийное правительство и заявил, что в его составе не будет ряда политиков из ПиС, которые для нынешнего состава Сейма являются одиозными: его заместителя Я. Качиньского, министра обороны М. Блащака, руководителя МВД М. Каминьского, министра культуры П. Глиньского и других. Тем не менее, после отказа КСН и ТП от сотрудничества с ПиС стало ясно, что Моравецкому не удастся создать правительство с участием его партии.

В это время Д. Туск отправился в Брюссель, где 26 октября принял участие в Форуме ведущей парламентской группы Европейской народной партии (ЕНП) Европарламента. С 2019 по 2022 годы он возглавлял ЕНП после того, как закончилось его председательство в Евросовете (2014–2019). Во время Форума он провёл переговоры с главой Еврокомиссии (ЕК) У. фон дер Ляйен и председателем Европарламента Р. Метсолой, обсудив с ними вопрос разморозки почти €60 млрд из фондов Евросоюза, а также ускорения процесса возвращения полноценного присутствия Польши в ЕС. По итогам этих переговоров Туск отметил, что получил от руководства ЕС подтверждения готовности к полноценному сотрудничеству по украинскому вопросу и оказания необходимой поддержки в укреплении границы с Беларусью.

10 ноября 2023 года накануне первого заседания Сейма ГК, ТП и Левые подписали коалиционное соглашение о формировании нового коалиционного правительства Польши во главе с Д. Туском²¹. В соглашении было отмечено, что председатель ПКП В. Косиняк-Камыш займёт пост первого вице-премьера, а глава фракции Левых К. Гавковский – пост вице-премьера.

13 ноября прошло первое заседание Сейма, на котором лидер «Польши 2050» Ш. Холонья был избран Спикером (Маршалом) Сейма, опередив Э. Витек из ПиС, которая занимала этот пост в предыдущем составе нижней палаты. Причём, согласно коалиционному соглашению, Холонья будет занимать этот пост до 13 ноября 2025 г., затем его полномочия перейдут к лидеру Левых В. Чажастому. В этот же день на первом заседании Сената бывший Маршал Сейма М. Кидава-Блонска из партии Гражданская платформа была переизбрана на этот пост.

Тем не менее, 27 ноября 2023 года президент Дуда привёл к присяге М. Моравецкого в качестве премьер-министра, предоставив ему две недели на формирование нового кабинета. На данной церемонии, проходившей в президентском дворце, Маршалы Сейма и Сената демонстративно отсутствовали. 11 декабря временное правительство Моравецкого не получило поддержки в Сейме, где за него проголосовало лишь 190 депутатов при 266 против²². После провала инициативы ПиС Сейм в тот же день поддержал кандидатуру Д. Туска на пост главы правительства 248 голосами «за» при 201 «против»²³. После утверждения на должность премьер-министра Д. Туск выступил с программным заявлением, в котором отметил, что среди первоочередных задач своего правительства он видит дальнейшее оказание помощи Украине, в чем намеревается убедить европейских партнёров на саммите ЕС 14–15 декабря, а также сохранение и укрепление союзнических отношений с Евросоюзом, США и НАТО.

Но даже после утверждения нового правительства руководство ПиС при

²¹ Easton A. Poland's Tusk-led pro-EU opposition signs deal and waits to govern // BBC. 10.11.2023. URL: <https://u.to/eQJ9IA> (accessed: 15.01.2024).

²² Koper A., Włodarczak-Semczuk A. Donald Tusk appointed Polish PM, setting stage for warmer EU ties // Reuters. 12.12.2023. URL: <https://lyl.su/wDFk> (accessed: 15.01.2024).

²³ Туск вновь возглавит правительство Польши // РБК. 11.12.2023. URL: <https://u.to/2QJ9IA> (дата обращения: 15.01.2024).

поддержке Президента А. Дуды продолжило борьбу в надежде добиться проведения досрочных парламентских выборов. Для этого они воспользовались решением Туска заняться реформированием провластных СМИ, прежде всего, польского общественного телевидения (TVP), которое в течение последних восьми лет превратилось в рупор партийной пропаганды ПиС. Мониторинг деятельности TVP показал, что 79% его эфирного времени пришлось на партию Я. Качиньского, в то время как ведущей оппозиционной силе Туска было выделено всего 3%. Проведение кадровой чистки в TVP было поручено новому министру культуры и национального наследия Б. Сенкевичу, который в 2013-2014 годы занимал пост Министра внутренних дел и координатора польских спецслужб. Однако Дуда заявил, что правительство не в праве отстранять от должности руководителей государственных СМИ, т.к. подобные вопросы должен решать специальный совет, учреждённый в 2016 г. правительством ПиС. Руководство ПиС организовало акцию протеста во главе с Я. Качиньским и М. Моравецким, в ходе которой попыталось штурмовать здание Польского телевидения, чтобы не допустить его новых руководителей занять свои рабочие места.

В канун католического Рождества Президент А. Дуда объявил, что накладывает вето на связанный с бюджетом законопроект нового правительства, в котором предлагалось выделить государственным СМИ 3 млрд злотых (\$760 млн), а также повысить на 30% зарплаты учителям. По мнению ряда польских экспертов Дуда намеренно блокирует принятие этого закона, чтобы не допустить одобрения парламентом нового бюджета. Если Сейм не утвердит его до конца января 2024 года, президент получит право распустить парламент и назначить новые выборы.

20 декабря 2023 года возник новый скандал, связанный с повторным осуждением бывшего главы МВД М. Каминьского и его заместителя М. Вонзика, представлявших ПиС, на два года заключения за участие в коррупционной афере с сельскохозяйственными участками. Ещё в 2015 году их обвинили в превышении полномочий и приговорили к уголовной ответственности, но Дуда принял решение о помиловании обоих до вступления приговора в законную силу, чем нарушил законный судебный порядок. Но тогда руководство страны замяли это дело, бывшие осужденные стали депутатами парламента. Новые власти Польши решили возобновить рассмотрение дела. Несмотря на то, что А. Дуда вновь заступился за Каминьского и Вонзика, 8 января 2023 года суд вынес постановление об их аресте. На следующий день Дуда пригласил обоих на торжественное мероприятие в президентский дворец, где они пробыли весь день. Но вечером, когда президент покинул дворец для встречи с лидером белорусской оппозиции С. Тихановской, представители полиции проникли во дворец и арестовали Каминьского и Вонзика. Вернувшийся в резиденцию Дуда обратился к главам государств и международных институтов с письмом, в котором заявил, что исполнительная власть Польши нарушила законодательство и Конституцию своей страны.

Я. Качиньский и его сторонники объявили о проведении 11 января в Варшаве протестного «Марша свободных поляков», назвав его демонстрацией в защиту свободы слова, СМИ и демократии. Эта манифестация, по информации штаба ПиС, может стать началом многочисленных акций протеста, направленных на возвращение власти и защиту конституционного строя, первым этапом которого должен стать роспуск Сейма президентом Дудой²⁴.

²⁴ Мастеров В. В Польше конфронтация президента с парламентом достигла апогея // Независимая газета. 10.01.2024. URL: <https://u.to/Fap9IA> (дата обращения: 15.01.2024).

11 января Дуда, пообещавший помиловать двоих арестованных, вместо заявления о новом помиловании, передал решение этого вопроса министру юстиции и генеральному прокурору А. Боднару, попросив его осуществить процедуру амнистии. Боднар заявил на следующий день, что он начал процедуру, которая может занять до двух месяцев и не гарантировал при этом освобождения Каминского и Вонзика.

Заключение. Состоявшиеся в Польше в октябре 2023 г. парламентские выборы проходили в условиях жёсткой конфронтации между правящей с 2015 года евроскептической партией ПиС Я. Качинского и проевропейской Гражданской коалицией оппозиционных сил во главе с лидером партии ГП, бывшим премьер-министром Д. Туском. Гражданская коалиция, которая провела активную предвыборную кампанию, сумела объединить после выборов свои усилия с двумя другими оппозиционными силами – Третий путь и Левые, сформировать большинство в нижней палате парламента – Сейме и несмотря на противодействие президента А. Дуды, добилась избрания Туска новым главой правительства, а лидера Третьего пути Ш. Холоня спикером Сейма.

Очевидно, что новое правительство радикально поменяет политический курс Польши в отношении Евросоюза [10], руководство которого будет всячески его поддерживать, в том числе финансово.

В то же время лидеры ПиС Я. Качинский и бывший премьер-министр М. Моравецкий, не желающие признавать своё поражение, при поддержке Президента Дуды будут жёстко противостоять новой польской власти, инициируя скорейшее проведение новых парламентских выборов, в попытке взять реванш. Руководство ПиС, опирающееся на традиционалистский электорат, представляющий сельские и депрессивные регионы Польши, будет пытаться дестабилизировать ситуацию в стране, делая ставку на сложности, связанные с миграцией, ухудшением социально-экономической ситуации из-за украинского кризиса и пр.

Первый бой между ПиС и Гражданской коалицией состоится в начале июня 2024 года, когда во всех странах ЕС пройдут выборы депутатов Европарламента (ЕП). ПиС на этих выборах будет представлять партию Европейских консерваторов и реформистов, а ГП – Европейскую народную партию. И результаты этих партий на предстоящих евровыборах покажут, сумеют ли новые польские власти сохранить поддержку своих избирателей. Пока, по оценке общеевропейской медиасети Euroactiv.com, ПиС по итогам предстоящих выборов потеряет 5 мест в ЕП (с 24 до 19), а ГП, наоборот, получит 5 новых евродепутатов (16 вместо 11)²⁵.

Что касается российско-польских отношений, то они при новом правительстве вряд ли улучшатся, учитывая его ориентацию на ЕС. Тем не менее, в случае разрешения в будущем конфликта вокруг Украины, можно предположить, что российскому руководству будет проще наладить отношение с правительством Туска, чем с лидером ПиС Я. Качинским, традиционно занимающим русофобские позиции, усилившиеся после гибели его брата Леха в авиакатастрофе под Смоленском.

Библиографический список

1. Гуселетов Б. П. Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. М.: Институт Европы РАН, 2022. 196 с. DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388). EDN [JMTRKQ](https://www.edn.ru/jmTRKQ).

²⁵ Grier M., Schminke T. G. EU elections ahead; winners, losers, reaction // Euractiv.com. 29.09.2023. URL: <https://u.to/Igt9IA> (accessed: 15.01.2024).

2. Шишелина Л. Н., Ведерников М. В., Габарта А. А. Выборы в Вишеградских странах 30 лет спустя. Особенности избирательных кампаний 2019–2020 гг. М. : Институт Европы РАН, 2020. 147 с. DOI [10.15211/report92020_376](https://doi.org/10.15211/report92020_376). EDN GNFXEL.
3. A long way to go for LGBTI equality // European Union Agency for Fundamental Rights. Luxembourg : Publ. Office of the EU, 2020. 68 p. DOI [10.2811/7746](https://doi.org/10.2811/7746).
4. Ciobanu C. Protests over Abortion Ruling Widen, Radicalise and Threaten Polish Government : analysis // Reporting Democracy. Oct. 26, 2023. URL: <https://lyl.su/G5Kr> (accessed: 15.01.2024).
5. Dudzińska A., Kotnarowski M. Imaginary Muslims: How the Polish right frames Islam : research // Center for Middle East Policy Newsletter, Brookings Institute. July 24, 2019. URL: <https://lyl.su/KSvW> (accessed: 15.01.2024).
6. Krzyżanowska N., Krzyżanowski M. 'Crisis' and Migration in Poland: Discursive Shifts, Anti-Pluralism and the Politicisation of Exclusion // Sociology. 2018. Vol. 52(3). P. 612–618. DOI [10.1177/003803851875](https://doi.org/10.1177/003803851875).
7. Babická K. Temporary Protection: Poland and Hungary Once Again Creating Their Own Rules in Breach of EU Law // OpinioJuris. Apr. 04, 2022. URL: <https://u.to/6xJ9IA> (accessed: 15.01.2023).
8. Михалев О. Ю. Приоритеты политики Польши в отношении Украины // Современная Европа. 2023. № 6(120). С. 38–48. DOI [10.31857/S0201708323060049](https://doi.org/10.31857/S0201708323060049). EDN XWTGII.
9. McMenamin I. Semi-presidentialism and democratisation in Poland // Semi-presidentialism in Central and Eastern Europe / R. Elgie, S. Moestrup (eds). Manchester : Manchester University Press, 2008. P. 120–137.
10. Шишелина Л. Н. Динамика политической ситуации в Вишеградских странах на фоне СВО // Современная Европа. 2023. № 7(121). С. 64–75. DOI [10.31857/S0201708323070057](https://doi.org/10.31857/S0201708323070057). EDN RXULIE.

Поступила: 17.01.2024. Принята: 15.02.2024.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН; главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. bguseletov@mail.ru
Author ID РИНЦ: 899947; ORCID: 0000-0001-6256-5013

B. P. Guseletov^{1,2}

¹ Institute of Europe RAS. Moscow, Russia

² Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

POLITICAL TRANSFORMATIONS IN POLAND: WILL A CHANGE OF GOVERNMENT LEAD TO A CHANGE OF COURSE?

Abstract. The article examines the consequences of the change of the Polish government, headed by the right-wing Euro-skeptical Law and Justice party, which has led this country since October 2015. The article presents an analysis of the results of the parliamentary elections in Poland, held on October 15, 2023, in which the PiS won a formal victory, which, however failed to form a majority coalition. As a result, the ruling alliance, which received the right to form a government, was made up of the pre-election association of the parties Civic Coalition, which included the Civic Platform parties led by former Prime Minister Donald Tusk, Modern, the Greens and the Polish Initiative, the Third Way association, which included the parties Poland 2050, the Polish People's Party, the Center for Poland, and the Union the European Democrats, as well as the union of the Left, consisting of the parties New Left and Left together. The assessment of the activities of the leading Polish political parties over the previous four years is given, the main provisions of the election platforms of the

main parties and coalitions that were elected to parliament following these elections are analyzed. To identify the dynamics of changes in the political situation in Poland, a comparative analysis of the results of the leading political parties of this country in the elections of 2019 and 2023 was carried out, as well as their main characteristics. The key differences in the approaches of the country's leading parties to the IpR and the Civic Platform on domestic and foreign policy issues, including their attitude to Russia's special military operation in Ukraine, are analyzed. The process of forming a new Polish government and the influence of the country's President Andrzej Duda on it is considered.

Keywords: Poland, change of government, parliamentary elections, Andrzej Duda, Donald Tusk, Jaroslav Kaczynski, Russian-Polish relations

For citation: Guseletov B. P. Political transformations in Poland: will a change of government lead to a change of course? *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):94–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.7>.

References

1. Guseletov B. P. Trans European political parties in XXI century: formation, development and prospects. Moscow: IE RAS; 2022. (In Russ.). DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388).
2. Shishelyna L. N., Vedernikov M. V., Gabarta A. A. Elections in V4 countries after 30 years. Features of 2019–2020 electoral campaigns. Moscow: IE RAS; 2020. (In Russ.). DOI [10.15211/report92020_376](https://doi.org/10.15211/report92020_376).
3. A long way to go for LGBTI equality. European Union Agency for Fundamental Rights. Luxembourg: Publ. Office of the EU; 2020. DOI [10.2811/7746](https://doi.org/10.2811/7746).
4. Ciobanu C. Protests over Abortion Ruling Widen, Radicalise and Threaten Polish Government: analysis. Reporting Democracy. Oct. 26, 2023. Available at: <https://ljl.su/G5Kr> (accessed: 15.01.2024).
5. Dudzińska A., Kotnarowski M. Imaginary Muslims: How the Polish right frames Islam. Center for Middle East Policy Newsletter, Brookings Institute. July 24, 2019. Available at: <https://ljl.su/KSvW> (accessed: 15.01.2024).
6. Krzyżanowska N., Krzyżanowski M. 'Crisis' and Migration in Poland: Discursive Shifts, Anti-Pluralism and the Politicisation of Exclusion. *Sociology*. 2018;52(3):612–618. DOI [10.1177/003803851875](https://doi.org/10.1177/003803851875).
7. Babická K. Temporary Protection: Poland and Hungary Once Again Creating Their Own Rules in Breach of EU Law. *OpinioJuris*, Apr. 04, 2022. Available at: <https://u.to/6xJ91A> (accessed 15.01.2023).
8. Mikhalev O. Y. Priorities of Poland's policy towards Ukraine. *Contemporary Europe*. 2023;(6):38–48. (In Russ.). DOI [10.31857/S0201708323060049](https://doi.org/10.31857/S0201708323060049).
9. McMenamin I. Semi-presidentialism and democratisation in Poland. In: Elgie R., Moestrup S. (eds). *Semi-presidentialism in Central and Eastern Europe*. Manchester: Manchester University Press; 2008. P. 120–137.
10. Shishelina L. N. Dynamics of the political situation in the Visegrad countries against the background of the special military operation. *Contemporary Europe*. 2023;(7):64–75. (In Russ.). DOI [10.31857/S0201708323070057](https://doi.org/10.31857/S0201708323070057).

Received: 17.01.2024. Accepted: 15.02.2024.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, doctor of political sciences, leading researcher, Institute of Europe RAS; main researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

bguseletov@mail.ru

ORCID: [0000-0001-6256-5013](https://orcid.org/0000-0001-6256-5013)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.8)
EDN [DHAPGN](#)
УДК 325

Г. И. Гаджимурадова¹, С. В. Русу¹
¹ МГИМО МИД России. Москва, Россия

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВСТУПЛЕНИЯ СТРАНЫ В ЕС

Аннотация. Республика Молдова – небольшая страна, ставшая с недавнего времени донором трудовых ресурсов для России и стран ОЭСР в связи с падением уровня жизни населения республики, экономических проблем в стране, отсутствия социальных гарантий и перспектив. В статье рассмотрены последствия эмиграции граждан для Республики Молдова и её влияние на демографическую, социально-экономическую ситуацию в стране, а также на рынок труда, начиная с 2014 года, когда Молдова подписала соглашение о безвизовом режиме с Европейским союзом, и многие жители страны получили возможность беспрепятственно пересекать границу и уезжать в страны Европейского союза на работу. При этом особый акцент в статье сделан на демографические проблемы, которые сегодня наблюдаются в стране. Авторы отмечают, что присоединение Молдовы к Европейскому союзу влечёт за собой демографический кризис из-за обострения уже имеющихся проблем: из страны и сейчас уезжают молодые, образованные и трудоспособные люди, с каждым годом в Молдове рождается всё меньше детей, смертность в стране превышает рождаемость, а количество браков приравнивается к количеству разводов. С одной стороны, вступление в ЕС откроет возможности и широкие горизонты для граждан Молдовы, но с другой стороны, останутся и прежние проблемы, а поэтому захотят ли люди развиваться и жить в своей стране? В своём исследовании авторы опираются на статистические и социологические данные, а также аналитические материалы Республики Молдова, стран ОЭСР, УВКБ и пр.

Ключевые слова: Республика Молдова, Европейский союз, миграция населения, демография, рынок труда, социально-экономическое развитие, демографический кризис

Для цитирования: Гаджимурадова Г. И., Русу С. В. Миграция населения Республики Молдова в контексте перспективы вступления страны в ЕС // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 109–118. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.8). EDN [DHAPGN](#).

Введение. Расширение Европейского союза (ЕС) и открытие рынков труда для новых стран-участниц, повлекло за собой движение рабочей силы из менее развитых стран в развитые страны ЕС. Спрос на дешёвую рабочую силу и одновременно на высококвалифицированных специалистов в принимающих странах породил появление стран-поставщиков таких услуг. Свободное передвижение рабочей силы и людей в ЕС является важной составляющей в странах Европы (в рамках четырёх свобод – свободы движения товаров, лиц, услуг и капитала). В преддверии вступления Республики Молдова в ЕС политики и эксперты высказывают мнение о том, что работа и жизнь в Европе дают новые знания, опыт и перспективы, от чего выиграют, в первую очередь, трудовые мигранты – граждане Молдовы.

3 марта 2022 года Республика Молдова, одновременно с Грузией и через три дня после Украины, подала заявку на вступление в Европейский союз. 17 июня

2022 года Европейская комиссия официально рекомендовала Европейскому союзу предоставить Республике Молдова статус кандидата на вступление в ЕС, а 23 июня 2023 года страна получила статус страны-кандидата на вступление. 14 декабря 2023 года Европейский совет одобрил начало переговоров о вступлении Республики Молдова в ЕС. Сегодня Молдова – одна из стран-кандидатов наряду ещё с восьмью странами. Целью Молдовы является присоединение к ЕС к 2030 году. Какое же влияние окажет евроинтеграция на демографическую ситуацию, и, в целом, на экономическое развитие страны?

Для того, чтобы составить прогноз ситуации в будущем, авторы анализируют влияние эмиграции на демографию, экономику и рынок труда в Молдове в режиме реального времени.

Материалы и методы. В основу методологии исследования заложена совокупность экономико-статистических методов, а также статистический, системный и компаративный анализ. Теоретической базой для исследования послужили труды экспертов, учёных, экономистов, занимающихся исследованиями в области миграции. Так, О. Гагауз [1] в своих трудах анализирует уровень и основные тенденции в динамике рождаемости в Молдове в разрезе условных и реальных поколений. Учёный делает вывод о том, что трансформация рождаемости происходит согласно общей модели, характерной для большинства стран, завершивших или находящихся в процессе перехода рождаемости, однако характеризуется более низкими темпами. Гаджимурадова Г. И. [2] в своих работах указывает на социально-экономические причины миграции граждан в новых геополитических реалиях; Mogoza S. [3] исследует аспекты феномена «утечки мозгов» в Республике Молдова; Мошняга В. Г. [4] в своём исследовании анализирует планы выпускников молдавских вузов, большинство из которых ориентированы в первую очередь на выезд в другие страны. Гневашева В. А. [5] подчёркивает, что в современных условиях мировой рынок труда, равно как и национальный, сталкивается с новыми вызовами; Рязанцев С. В. [6] указывает на факторы миграции в страны Евросоюза во время кризиса 2015–2016 годов; Потемкина О. Ю. [7] в своих исследованиях справедливо подчёркивает особую важность миграции для стран ЕС. Российские учёные Мукомель В. И. [8] и Воробьева О. Д. [9] рассуждают о трудовой мобильности и вкладе трудовых мигрантов в экономику принимающей страны. Особый интерес представляют труды Рыбаковского Л. Л. [10] о причинах и последствиях международной миграции населения России. В данных работах подробно описана современная миграционная ситуация в мире, в том числе, в Республике Молдова, и её влияние как на экономику страны, так и на социальную и политическую жизнь государства.

Влияние миграции на демографическое развитие, рынок труда и социально-экономическое развитие Республики Молдова в 2010 – 2022 годы.

Миграция и демографическое развитие. Эмиграция населения из страны существенно влияет на демографическую ситуацию в долгосрочной перспективе. Она приводит к снижению общей численности населения и оказывает негативное воздействие на показатели рождаемости.

Демографический спад, начавшийся после распада СССР, сохраняется в стране (рис. 1). В 1991 году численность населения Молдовы составляла около 4,36 миллионов человек¹. Однако в результате эмиграции это число постепенно

¹ Население Молдовы // Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: https://statistica.gov.md/ru/statistic_indicator_details/25 (дата обращения: 03.10.2023).

уменьшалось. С 2010 по 2015 годы постоянное население уменьшилось почти на 7 000 человек. В 2015 году отрицательный прирост населения составил 0,06% (по сравнению с 2014 годом). Естественная убыль также уменьшилась до минимальных показателей: -0,37 в 2015 году и -0,25 в 2014 году на 1000 жителей, в отличие от -0,89 в 2010 году. С 2017 по 2020 год численность постоянного населения сократилась на 103,4 тысячи человек. К 2018 году естественная убыль населения ощущалась слабо. Однако к 2020 году разрыв между смертями и рожденьями вырос и достиг 16,2 тысяч человек. Отрицательный прирост населения в 2020 году по сравнению с 2018 годом составил -0,0002%. Отрицательный естественный прирост сократился до -6,2 человек на 1000 жителей в 2020 году (в отличие от -0,1 человека на 1000 жителей в 2017 году). В итоге, с 1991 по 2022 год численность населения Молдовы уменьшилась на 1,756 миллиона человек, что для такой небольшой страны как Молдова, представляет значительную цифру².

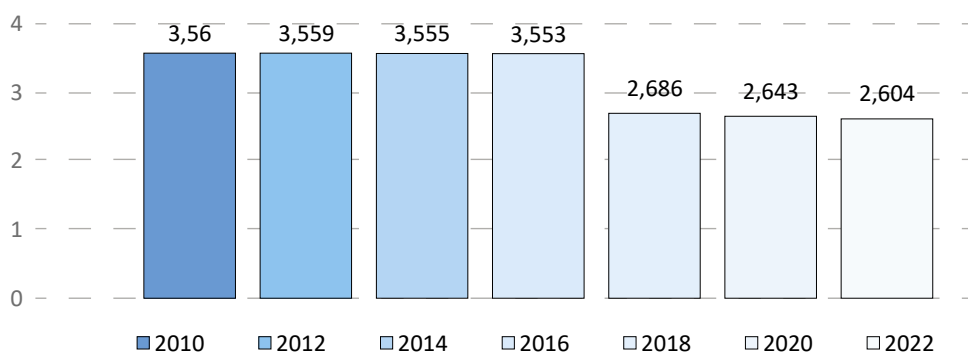

Рисунок 1. Динамика численности постоянного населения Республики Молдова в 2010–2022 годы, млн. чел.

Источник: составлено авторами по данным Национального бюро статистики Республики Молдова³.

В период с 2010 по 2015 годы в Молдове наблюдалось значительное падение рождаемости: количество новорождённых снизилось с 11,4 до 10,9 на 1000 жителей. После кратковременного роста в 2016 году, с 2017 по 2020 годы показатель рождаемости снова уменьшился, составив в 2020 году 11,2 новорождённых на 1000 жителей (по сравнению с 13,3 в 2017 году) [1]. В 2022 году в Молдове появилось на свет 27 тыс. детей, что на 2400 меньше по сравнению с 2021 годом. Стоит отметить, что на территории государства существуют населённые пункты, где за 2022 год не родилось ни одного ребёнка.

Эмиграция сказывается и на количестве зарегистрированных браков и разводов в стране. С 2010 года число зарегистрированных браков сократилось с 26 500 до 24 700 в 2015 году, составив 7 браков на 1000 жителей. Разводы в стране также являются следствием эмиграции. В 2015 году число разводов составило 11 200, что на 69 случаев больше, чем в 2014 году. Таким образом, коэффициент разводов составил 3,2 на 1000 жителей [11]. За период с 2017 по 2019 годы количество зарегистрированных браков не претерпело видимых изменений, но значительно сократилось в 2020 году во время пандемии COVID-19 и соста-

² Там же.

³ Демографические тенденции в Республике Молдова, в 2010–2020 // Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: https://statistica.gov.md/ru/demograficeskaya-situaciya-v-2020-godu-9578_50072.html (дата обращения: 06.10.2023).

вило 15,5 тыс., в сравнении с 2017 годом (20,9 тыс. браков), когда в пересчёте на 1000 человек было зарегистрировано всего 5 браков⁴. Согласно данным Национального бюро статистики, в 2022 году в Молдове было зарегистрировано 18 200 браков, что на 10% меньше, чем в 2021 году.

Миграция из страны отрицательно влияет и на демографический состав населения. Процент населения в возрасте до 15 лет сократился с 16,5% в 2010 году до 16,0% в 2015 году, а процент старших возрастных групп (65+) вырос с 20,3% в 2010 году до 20,7% в 2015 году. Коэффициент демографической нагрузки (национальное определение) оставался достаточно высоким в 2015 году и составил 55,7%. С 2017 по 2020 годы число лиц в возрасте до 15 лет незначительно увеличилась с 15,91% в 2017 году до 18,52% в 2020 году. При этом доля населения в возрасте 65 лет и старше возросла и к 2020 году составила 14,40%. Так как мигрируют в основном молодые люди, следует отметить, что в 2015 году коэффициент старения населения составил 16,7% , а в 2022 году – 22,8%⁵.

Миграция и экономическое развитие. Миграция влияет не только на демографию, но и на экономическое развитие страны. Отметим, что с момента увеличения числа мигрантов, в страну стало поступать большее количество денежных переводов, что в значительной мере повлияло на основные макроэкономические показатели. Например, номинальное значение ВВП на душу населения в 2010 году составляло 20 181 лей, в 2015 году – 34 374 лей, 2017 году – 49 808 лей, в 2020 году – 75 788 лей⁶. Денежные переводы являются важным средством преодоления бедности в стране. В 2015 году более 25% от общего количества домохозяйств в стране существовали за счёт денежных переводов (ср.: в 2010 г. их доля составляла 24,5%). В 2020 году на их долю приходилось уже 27,3%⁷. Объём денежных переводов в 2022 году только через официальные банки страны составил 1,75 млрд долл. США, что на 133,9 млн долл. США больше, чем в 2021 году, и является рекордным показателем с 2008 года, когда объём денежных переводов в страну составил 1,660 млн долл. США. Однако от объёмов денежных переводов в страну не наблюдается роста экономики страны.

Миграция и рынок труда. Трудности характерны и для рынка труда Республики Молдова. Если в 2015 году численность экономически активного населения составляла 1 266 000 человек, то в 2022 году она снизилась до 890 тыс. чел, что на 2,1% больше, чем в 2021 году (871,6 тыс.)⁸. Занятое население составило 899,6 тыс. человек в 2022 году, отмечая рост на 2,2% в сравнении с 2021 годом (843,4 тыс.). Доля трудоспособного населения среди мужчин выше и составляет 52,5% по сравнению с долей женщин – 47,5%. Несмотря на то, что в городах мест для трудоустройства больше, доля активного населения всё же больше в сельской местности, там она составляет 55,0%, в то время как городское население – 45,0%.

Среди экономически неактивного населения наибольшая доля, более 46,7%, приходится на пенсионеров. За ними следуют школьники и студенты – 13,3%,

⁴ Compendiul Statistic al Profilului Migrațional Extins al Republicii Moldova pentru anii 2018-2020. Ministerul Afacerilor Interne, 2021. URL: <https://u.to/ZoF7IA> (accessed: 06.10.2023)

⁵ Население и демографические процессы // Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: https://statistica.gov.md/ru/statistic_domain_details/12 (дата обращения: 06.10.2023).

⁶ Валовой внутренний продукт во II квартале и I полугодии 2022 года // Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: <https://u.to/a4Z7IA> (дата обращения: 06.10.2023).

⁷ Profilul migrațional extins al Republicii Moldova 2017-2021 // Ministerul Afacerilor Interne. URL: <https://u.to/t4h7IA> (accessed: 29.04.2023).

⁸ Рабочая сила Республики Молдова: занятость и безработица в 2022 году // Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: <https://u.to/QIp7IA> (дата обращения: 29.04.2023).

11,8% населения не имеет работы и в ближайшее время планирует уехать на работу за границу⁹.

Показатели безработицы зарегистрировали спад. Уровень безработицы сократился в 2022 году в сравнении с 2017 годом как среди всего населения, так и среди молодёжи и женщин. По мнению экономистов, снижение уровня безработицы связано с положительной динамикой в таких секторах экономики, как торговля и транспорт, что привело к увеличению занятости населения. В 2020 году, по данным Национального агентства занятости, на рынке труда насчитывается около 8433 вакансий, из которых 5455 предназначены для лиц со средним профессиональным образованием, что составляет 64% от общего числа вакансий (табл. 1).

Таблица 1

Индикаторы рабочей силы в Республике Молдова за 2017–2022 годы, %

Индикаторы	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Коэффициент занятости населения в возрасте 15–64 лет (международное определение)	44,9	46,1	46,8	45,7	41,1	41,8
Уровень безработицы	4,1	3,0	5,1	3,8	3,2	3,1
Уровень безработицы среди молодёжи	11,8	7,4	10,4	10,9	12,80	15,10

Источник: Рабочая сила Республики Молдова: занятость и безработица за 2017–2022 гг. // Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: <https://u.to/QIp71A> (дата обращения: 29.04.2023).

Миграция и социальное развитие. Миграция оказывает негативное влияние на численность высококвалифицированных специалистов в стране. Низкие заработные платы подталкивают преподавателей и научных работников к эмиграции и, как следствие, возникает дефицит преподавательского состава в стране и снижение общего уровня подготовки кадров. Несмотря на то, что в 2017–2022 годы заработная плата для преподавателей увеличилась на 40%, их зарплаты, согласно национальной статистике, на 20% ниже, чем в среднем по стране. Достаточно острой эта проблема является для молодых преподавателей из-за невозможности улучшения жилищных условий.

Молдова – страна, для которой характерен феномен «утечки мозгов» (brain drain effect), когда из страны систематически эмигрируют высококвалифицированные кадры, учёные, ИТ-специалисты, медицинские работники и молодые люди с высшим образованием. Однако после того, как эти специалисты уезжают из Молдовы, они сталкиваются с проблемами и трудностями в процессе поиска и оформления на работу. В первую очередь, – из-за непризнания дипломов об образовании. Поэтому чаще всего образованным специалистам приходится начинать карьеру на новом месте с низкоквалифицированного труда с низкой заработной платой. В процессе поиска работы люди чаще всего обращаются за помощью к друзьям, родственникам или в агентства по трудоустройству. Но есть и небольшое количество людей, которые имеют реальные шансы трудоустроиться на высокооплачиваемую работу за рубежом. В частности те, кто закончил магистратуру или аспирантуру в университетах ЕС или прошли стажировку

⁹ Там же.

ровку за границей, например в рамках программ Erasmus Mundus, Leonardo da Vinci, Tempus, которые готовят специалистов в различных областях с высокими шансами на высокооплачиваемую работу за рубежом [3].

Миграция населения ведёт к серьёзным социальным последствиям для детей, которые остаются без родителей в достаточно юном возрасте. Согласно данным Министерства образования и науки Молдовы, в 2020 году в стране без попечения родителей остались 76 700 детей, у 60 000 один родитель уехал за границу, у 16 000 – оба родителя трудятся за границей¹⁰. Данный фактор влияет и на то, что в последние годы снизился уровень охвата детей общим обязательным образованием, и увеличился разрыв уровня жизни между городской и сельской местностью. В 2020 году в первый класс были зачислены 34 тыс. учеников, что свидетельствует о том, что в последние 10 лет численность учащихся в целом по стране снизилась на 11%¹¹.

Система здравоохранения в Республике Молдова тоже является сферой, которая страдает от утечки кадров. За последние 30 лет неофициальная статистика показывает, что значительное число медицинских работников покинуло Республику Молдова для работы в системе здравоохранения стран ЕС. Мигрируют квалифицированные врачи и ассистенты из-за низких заработных плат, особенно в государственных больницах сельских регионов. Если в 2015 году в системе здравоохранения работало 24 602 среднего медицинского персонала, то к 2020 году число среднего медицинского персонала снизилось до 23 187 человек. Уровень обеспечения врачами в городах (61,0 врач на 10 000 жителей) превышает в 11 раз сельский уровень обеспечения (5,7 врачей на 10 000 жителей)¹².

Прогнозы миграции населения после вступления Республики Молдова в ЕС. Итак, с 2014 года, когда Молдова в рамках «Восточного партнёрства» первой получила безвизовый режим с ЕС, из страны выехало чуть меньше одного миллиона человек, что свидетельствует о том, что открытие границы, упрощение визового режима или вовсе его отмена – это возможность для поиска работы и лучшей жизни в другой стране. С одной стороны, для самих граждан Молдовы это, прежде всего, возможность уехать и получить новые перспективы для жизни, но чем это грозит стране в целом? Исходя из представленной выше информации, сегодня Молдова уже сталкивается с тяжёлым демографическим кризисом, так как из страны уезжают в основном молодые люди трудоспособного возраста, большинство из которых имеют хорошее образование. Если ещё 20 лет назад страну покидали для того, чтобы в Европе найти работу с более высокой заработной платой и после определённого срока возвращались на родину, то сегодня предпочитают уезжать из страны многие финансово обеспеченные люди, которые хотят более высокого уровня жизни и качественных государственных услуг. Согласно опросу общественного мнения Фонда ООН в области народонаселения, который был проведён в 2022 году, более 15% населения республики хотят эмигрировать в другую страну в ближайшие три года¹³. Важно отметить, что по данным на 2022 год, у миллиона граждан есть румынское гражданство, ещё 100 тысяч

¹⁰ Situația copiilor din Republica Moldova // Biroul național de statistică. URL: <https://u.to/uZJ7IA> (accessed: 29.04.2023).

¹¹ Popescu C. Analiză. 80% din școlile din R. Moldova au un număr de copii mult mai mic decât media națională 12de 275 de copii per instituție // TVR Moldova. URL: <https://u.to/XpR7IA> (accessed: 29.04.2023)

¹² Здравоохранение // Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: <https://u.to/2ZV7IA> (дата обращения: 29.04.2023).

¹³ Демографы отмечают, что люди уезжают из Молдовы, поскольку хотят качественных государственных услуг // INP. 23.09.2022. URL: <https://u.to/5ZZ7IA> (дата обращения: 29.04.2023)..

человек ожидают получения румынского паспорта. Многие из них, кто уже не раз бывал в Европе с разными целями, планируют свой отъезд из страны. Если стране удастся выполнить все требования Евросоюза и присоединиться к нему, из страны продолжится отток молодого населения, и страна рискует стать прибежищем для пожилых людей. Это может привести к уменьшению рабочей силы в стране и ослаблению её экономики в целом. Присоединение к ЕС способен облегчить для квалифицированных специалистов и молодёжи из Молдовы переезд в другие страны ЕС в поисках лучших возможностей для трудоустройства, профессионального развития и повышения благосостояния. Это грозит потерей человеческого потенциала для Молдовы, что может ослабить её экономику и систему образования. Исходя из этого, можно сделать прогноз, что в ближайшие двадцать лет Молдова потеряет ещё до 30% населения.

Однако, несмотря на желание страны вступить в Европейский союз, властям государства всё же требуется предпринять определённые меры по возвращению мигрантов на родину, что поспособствует в первую очередь экономическому развитию государства. Для этого предлагается, прежде всего, применить превентивный подход к урегулированию миграционной проблемы и создать в стране благоприятные экономические условия и высокие стандарты для жизни, при которых жителям страны хотелось бы не покидать своё государство, а, наоборот, оставаться в стране и делать всё возможное для её процветания. Предлагается привлечь в страну дополнительные иностранные инвестиции и создать благоприятный климат для развития малого и среднего бизнеса в стране; увеличить рост валового производства продукции на одного человека; развивать строительство жилья и создавать инфраструктуру и новые рабочие места для молодёжи не только в столице, но и в других больших городах; повысить в стране производительность труда путём улучшения условий труда для рабочих и повышения квалификации персонала; уменьшить резкое социальное расслоение в обществе по условиям жизни и доходам. Очень важно создать условия труда и интегрировать тех мигрантов, которые вернулись на родину после долгих лет жизни и работы за рубежом, ведь большой процент тех людей, которые вернулись, отмечают, что на родине им сложно найти работу и адаптироваться к новым условиям.

Заключение. Миграция населения представляет огромную проблему для экономик стран мира, особенно на постсоветском пространстве. Это в полной мере относится к Молдове, которая уже много лет испытывает экономический и демографический кризис и где ощущается острая нехватка людей трудоспособного возраста и специалистов, что несомненно сказывается на уровне благосостояния страны. Присоединение страны к Европейскому союзу с одной стороны даст возможность людям переехать в развитые страны и улучшить свою жизнь и жизнь своих близких, с другой стороны, это повергнет страну в экономическую депрессию, если правительством не будут своевременно приняты меры по созданию условий для возвращения трудовых мигрантов в страну и созданию для них благоприятных условий труда.

Библиографический список

1. Гагауз О. Е. Рождаемость в Республике Молдова: европейские тенденции и национальная специфика // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 3. С. 57–80. EDN [YLCCZV](#).
2. Гаджимурадова Г. И. Миграционные тренды в эпоху глобальных перемен // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 4–8. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1](#). EDN [ASIFNT](#).

3. *Morozan S.* Aspecte ale fenomenului „brain drain” in Republica Moldova // Conferința „Provocări și tendințe actuale în cercetarea componentelor naturale și socio-economice ale ecosistemelor urbane și rurale” (Chișinău, Moldova, 23 iunie 2020). 2020. P. 44–50. DOI [10.53380/9789975891608.09](https://doi.org/10.53380/9789975891608.09).
4. *Мошняга, В. Г., Цуркан В. Д.* Миграционные планы выпускников молдавских вузов // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 2. С. 54–73. EDN [VBTETF](https://www.edn.ru/VBTETF).
5. *Гневашева В. А.* Новые режимы воспроизводства и миграции трудовых ресурсов // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 8. Статья 37. DOI [10.55186/2413046X_2022_7_8_480](https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_8_480). EDN [KWCTCB](https://www.edn.ru/KWCTCB).
6. *Рязанцев С. В., Русу С. В., Медведь В. А.* Факторы миграции в страны Евросоюза во время кризиса 2015-2016 годов // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 4. С. 19–28. DOI [10.26653/2076-4650-2020-4-02](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-02). EDN [VLHHWM](https://www.edn.ru/VLHHWM).
7. *Потемкина О. Ю.* «Европейская повестка дня по миграции» — новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. 2015. № 4(64). С. 28–40. DOI [10.15211/soveurope420152840](https://doi.org/10.15211/soveurope420152840). EDN [VBPKNT](https://www.edn.ru/VBPKNT).
8. *Мукомель В. И.* Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 2. С. 31–59. DOI [10.19181/socjour.2020.26.2.7264](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264). EDN [UIZFRO](https://www.edn.ru/UIZFRO).
9. *Воробьева О. Д., Рубина А. Е.* Подходы к оценке вклада трудовых мигрантов в экономику принимающей страны // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 4. С. 591–601. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_4_9_591_601](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_9_591_601). EDN [VHTVKK](https://www.edn.ru/VHTVKK).
10. *Рыбаковский Л. Л., Кожеевникова Н. И.* Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 106–116. DOI [10.31857/S013216250006665-4](https://doi.org/10.31857/S013216250006665-4). EDN [SOKPVX](https://www.edn.ru/SOKPVX).
11. *Поалелунжэ О., Мазур Ж.* Расширенный миграционный профиль Республики Молдова 2010-2015. Кишинёв, 2017. URL: https://www.pragueprocess.eu/phocadownload/userupload/Irina/_2010-2015_RU.pdf (дата обращения: 06.10.2023).

Поступила: 31.01.2024. Доработана: 04.03.2024. Принята: 11.03.2024.

Сведения об авторах:

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России. Москва, Россия. gadzhimuradova7@gmail.com

Author ID РИНЦ: [293234](https://elibrary.ru/293234); ORCID: [000-0003-3080-1813](https://orcid.org/000-0003-3080-1813); Researcher ID (WoS): [AAH-4148-2020](https://orcid.org/AAH-4148-2020)

Русу Светлана Витальевна, соискатель кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России. Москва, Россия. svetlana_167467@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1230039](https://elibrary.ru/1230039); ORCID: [0000-0002-1250-9125](https://orcid.org/0000-0002-1250-9125); Researcher ID (WoS): [GZD-0294-2022](https://orcid.org/GZD-0294-2022)

G. I. Gadzhimuradova¹, S. V. Rusu¹

¹ MGIMO University. Moscow, Russia

MIGRATION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE CONTEXT OF THE COUNTRY'S PROSPECTS FOR JOINING THE EU

Abstract. The Republic of Moldova is a small country that has recently become a labour resource donor to Russia and OECD countries due to declining living standards, economic issues, lack of social guarantees, and prospects within the country. The article analyses the consequences of citizen emigration for Moldova, focusing on its impact on demographics, socio-economic conditions, and the labour market, since 2014 when Moldova signed an agreement on a visa-free regime with the European Union and many residents of the country were able to freely cross the border and go to European Union countries in order to work. At the same time, special emphasis is placed in the article on the demographic problems that are currently being observed in the country. The authors note that Moldova's accession to the EU entails a demographic crisis due to the fact that young, educated and able-bodied people leave the country, fewer children are born in Moldova every year, the death rate in the country exceeds the birth rate, and the number of marriages is equated to the number of divorces. On the one hand, joining the EU will open up opportunities and broad horizons for the citizens of the Republic of Moldova, but on the other hand, the same problems will remain, and therefore, will people want to develop and live in their country? In their study, the authors rely on statistical and sociological data, as well as analytical materials from the Republic of Moldova, OECD countries, UNHCR, etc.

Keywords: Republic of Moldova, European Union, population migration, demography, labor market, socio-economic development, demographic crisis

For citation: Gadzhimuradova G. I., Rusu S. V. Migration of the population of the Republic of Moldova in the context of the country's prospects for joining the EU. *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):109–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.8>.

References

1. Gagauz O. E. Fertility in the republic of Moldova: European trends and national particularities. *Demographic Review*. 2018;5(3):57–80. (In Russ).
2. Gadzhimuradova G. I. Migration trends in the era of global change. *Research Result. Sociology and management*. 2022;8(1):4–8. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1).
3. Moroza S. Aspecte ale fenomenului „brain drain” in Republica Moldova. In: Conferința „Provocări și tendințe actuale în cercetarea componentelor naturale și socio-economice ale ecosistemelor urbane și rurale” (Chișinău, Moldova, 23 iunie 2020). 2020:44–50. DOI [10.53380/9789975891608.09](https://doi.org/10.53380/9789975891608.09).
4. Mosneaga V., Turcan V. Migration plans of graduates of Moldavian universities. *Demographic Review*. 2015;2(2):54–73. (In Russ).
5. Gnevasheva V. A. New modes of reproduction and migration of labor resources. *Moscow economic journal*. 2022;7(8):37. (In Russ.). DOI [10.55186/2413046X_2022_7_8_480](https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_8_480).
6. Ryazantsev S. V., Rusu S. V., Medved V. A. Factors of Migration in the European Union Countries during the 2015–2016 Crisis. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo*. 2020;(4):19–28. (In Russ). DOI [10.26653/2076-4650-2020-4-02](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-02).
7. Potemkina O. Yu. “European Agenda on Migration” – a New Turn in the EU Immigration policy? *Contemporary Europe*. 2015;(4):28–40. (In Russ.). DOI [10.15211/soveurope420152840](https://doi.org/10.15211/soveurope420152840).
8. Mukomel V. I. Highly Skilled Migrants from Post-Soviet States: Labor Mobility. *Sotsiologicheskii Zhurnal*. 2020;26(2):31–59. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2020.26.2.7264](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264).
9. Vorob'eva O. D., Rubina A. E. Approaches to Assessing the Contribution of Migrant Workers to the Economy of the Host Country. *Living Standards of the Population*

- in the Regions of Russia*. 2023;19(4):591–601. (In Russ.) DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_4_9_591_601](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_9_591_601).
10. Rybakovsky L., Kozhevnikova N. International migration of population of Russia: exchange of population with the post-USSR countries. *Sociological Studies*. 2019;(9):106–116. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250006665-4](https://doi.org/10.31857/S013216250006665-4).
 11. Poalețunze O., Mazur J. Extended Migration Profile of the Republic of Moldova 2010-2015. Chisinau; 2017. URL: https://www.pragueprocess.eu/phocadownload/userupload/Irina/_2010-2015_RU.pdf (accessed: 06.10.2023).

Received: 31.01.2024. Corrected: 04.03.2024. Accepted: 11.03.2024.

Information about the authors:

Gyulnara I. Gadzhimuradova, Candidate of Philosophy, associate professor, Head of the Department of Demographic and Migration Policy at MGIMO University. Moscow, Russia. gadzhimuradova7@gmail.com

ORCID: [000-0003-3080-1813](https://orcid.org/000-0003-3080-1813); Researcher ID (WoS): [AAH-4148-2020](https://orcid.org/AAH-4148-2020)

Svetlana V. Rusu, Applicant of the Department of Demographic and Migration Policy at MGIMO University. Moscow, Russia. svetlana_167467@mail.ru

ORCID: [0000-0002-1250-9125](https://orcid.org/0000-0002-1250-9125); Researcher ID (WoS): [GZD-0294-2022](https://orcid.org/GZD-0294-2022)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.9](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.9)
EDN [AGTBRN](https://edn.agtbrn.ru)
УДК 323

А. Р. Салгириев¹

¹ Институт философии РАН. Москва, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Аннотация. В статье анализируется общая социально-политическая ситуация в регионе, рассматриваются центробежные и центростремительные силы, определяющие природу политики в регионе через призму этнической и гражданской форм идентичностей. Возникновение новых точек этнополитической и этнорелигиозной напряжённости, шовинистических поползновений, антисемитских настроений, демонстрируют достаточно высокий уровень конфликтного потенциала, остроту националистических проявлений в регионе. Такое конфликтное поведение чаще всего провоцируется извне, в том числе с использованием современных информационных ресурсов, социальных сетей, с применением манипулятивных технологий, оказывающих воздействие на массы. Эти процессы свидетельствуют о существовании социокультурных и религиозных оснований для роста дискриминационной риторики и столкновений. Изучение этих проблем является актуальной научной задачей в условиях трансформации и транзита локальных особенностей идентичностей. Также в статье анализируются формы и подходы формирования идентичностей на Северном Кавказе, выделяются общие и особенные факторы, противоречия развития общегражданских установок. Рассматривается национальный состав, отдельно выделяется роль региональных акторов в политическом управлении и развитии региона. В работе применяются специализированные политологические методики: метод анализа конкретной ситуации – case-study, вторичный анализ данных социологических исследований. Наряду с частными научными методами и подходами в исследовании применяются и общенаучные: историко-философские методы и подходы (диалектика, принцип историзма), системно-интегративный метод, компаративистика. В заключении представлены рекомендации, нацеленные на решение проблем формирования гражданской идентичности народов Северного Кавказа посредством перехода этнических форм идентичности к общероссийским.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, идентичность, этническая идентичность, общероссийская идентичность, элиты, политический процесс, политическое управление, конфликты

Для цитирования: Салгириев А. Р. Формирование общероссийской гражданской идентичности в контексте деятельности региональных элит (на материалах Северного Кавказа) // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 119–131. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.9](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.9). EDN [AGTBRN](https://edn.agtbrn.ru).

Введение. Северный Кавказ – регион, представленный широким национальным составом. Он является самой густонаселённой территорией России, в которой проживают около 10 миллионов человек различных национальностей, этносов со своими этнокультурными особенностями, исповедующими мировые религии. Данный регион в значительной степени трайбален, его социальная структура гетерогенна с выраженными элементами архаики и традиционализма. В контексте этой диспозиции актуализируется проблема формирования

гражданской идентичности, общегосударственных установок, построенных на основе общих ценностей, чувстве единой страны и её будущего. В условиях этнического многообразия, противоречивых интересов возникают коллизии, сопряжённые с формированием общественного сознания, основанного на принципах гражданства, социального и государственного единства и взаимопонимания.

Российский Северный Кавказ сложился как весьма сложный гетерогенный регион с выраженными элементами архаики. На этом фоне затрудняется процесс интеграции этносов, формирования у них общегражданской идентичности, достижения межконфессионального и межнационального единства. Анализом институционализации, трансформации гражданской идентичности в полиэтнических обществах, как в теоретическом, так и практическом отношении занимаются отечественные и зарубежные учёные. Проблемы идентичности, в общих аспектах самобытности народов Северного Кавказа анализируют В. А. Тишков, В. В. Черноус, З. А. Жаде, Ю. Г. Волков и др. [1; 2]. В западной литературе в основном рассматриваются проблемы расовой, гендерной, возрастной идентичностей, проблемы адаптации мигрантов, их ресоциализации. Вопросы региональной идентичности, интеграционные процессы на субнациональном уровне отражаются в исследованиях В. А. Ядова, В. А. Авксентьева, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриева, И. А. Савченко, В. А. Ачкасова, А. А. Вартумяна, В. Х. Акаева, А. К. Магомедова и пр. [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

В 90-е годы XX века, пришедшие к власти политические маргиналы, часто входящие в этнические кланы и группировки, способствовали возникновению очагов этнополитического напряжения в регионе. Прикрываясь борьбой за историческую справедливость, они преследовали частные партикулярные интересы, что создало устойчивую базу для возникновения экстремизма и терроризма, питательной средой которой являлись социально-экономическая неустроенность региона, общая социально-политическая напряжённость, резкая социальная дифференциация, маргинализация правящих элит и аномия.

Развал Советского Союза, возникновение новых и обострение старых конфликтов, политическая поляризация, снижение авторитета политико-административной элиты спровоцировали обострение гражданской идентичности посредством дилеммы: «Я – гражданин России», «Я – гражданин своей республики». И сегодня наблюдается продолжающийся транзит советских идеологических установок и ценностей. В условиях ослабления федерального центра народы Северного Кавказа самостоятельно наполнили и коннотировали смысл понятий *этническая, национальная, общероссийская, гражданская* идентичность [11]. Надо отметить, что структура этнонациональной идентичности в регионе очень сложная, разноректорная в историко-культурном, ментально-психологическом контекстах, поскольку этнические, национальные, конфессиональные паттерны и фронтирное положение региона осложняют проблему изучения объекта научного исследования [12].

Проблемы и факторы формирования гражданской идентичности. Под общероссийской гражданской идентичностью нами понимается восприятие России как общей страны для всех народов, проживающих на её территории, осознание и признание общих ментальных, духовных, культурных и исторических ценностей. Общероссийская идентичность должна превалировать над национальной идентичностью. Но это не значит, что надо затушёвывать, игнорировать этническую культуру, традиции и корни. Речь идёт о восприятии России как общего дома для всех народов, о равенстве «всех перед всеми» при

соблюдении этнокультурных ценностей. Совмещение понятий «Я – гражданин своей республики/области» и «Я – гражданин России» заведомо эклектично, антагонистично и несёт в себе элементы противоречий, которые со временем могут аккумулировать скрытый конфликтный потенциал и при необходимости его артикулировать.

Нужно отметить, что национальное самосознание конструирует и развивает гражданскую идентичность. Важным условием для этого являются формы самоорганизации общества, как справедливо подчёркивает Л. М. Дробизева [13]. Частота инициатив снизу, функционирование институтов гражданского общества является условием для развития гражданской идентичности. И это прежде всего работа общественных и некоммерческих организаций, советов старейшин, народной дипломатии, волонтёрских и молодёжных движений, национально-культурных автономий, неправительственных организаций¹.

В Северо-Кавказском федеральном округе зарегистрировано 9517 некоммерческих организаций: в Кабардино-Балкарской Республике – 883; в Карачаево-Черкесской Республике – 725; в Республике Дагестан – 2948; в Республике Ингушетия – 498; в Республике Северная Осетия-Алания – 927; в Ставропольском крае – 2969; в Чеченской Республике – 567². Организации представляют собой большой гражданский ресурс, который должен на современном этапе играть более заметную роль, быть глубже погружен в социально-политические процессы. Такое количество некоммерческих организаций подтверждает наличие элементов гражданского общества в регионе, что является позитивным сигналом для властей.

Представляется, что при формировании общегражданской идентичности важно основательно снижать влияние этнической идентичности. Следует избегать практику возвеличивания одних этносов над другими, не допускать риторики удревления и исключительности этнонациональной истории. Этнокультурные установки должны находиться в самосознании этноса, а не в государственном, политическом поле. Сказанное означает, что без формирования общегражданской, наднациональной идентичности не обойтись.

Таблица 1

Россияне – о России, %

Насколько Вы согласны или не согласны с утверждением «Россия лучше других стран»?	2018 г.	2023 г.
Совсем не согласен	9	7
Не согласен	31	25
Согласен	32	35
Совершенно согласен	20	22
Не знаю	5	10
Отказ от ответа	3	1

Источник: Россияне – о России // ВЦИОМ. 17 августа 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii> (дата обращения: 01.12.2023).

¹ На Северном Кавказе проверяют финансирующиеся из-за рубежа НКО // ТАСС. 12 апреля 2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14356995> (дата обращения: 07.07.2023).

² Реестр некоммерческих организаций // Министерствѣ юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 01.10.2023).

Особенным показателем для формирования общегражданской идентичности является патриотизм как гражданская солидарность и согласие в социуме. Динамика патриотических настроений в обществе отслеживается в результатах социологического исследования ВЦИОМ, посвящённого гражданской идентичности. Респондентам был задан вопрос: «Скажите, насколько Вы согласны или не согласны с утверждением «Россия лучше других стран» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных).

Из таблицы 1 видна динамика подъёма патриотизма в обществе. За последние 5 лет Россию воспринимают лучше других стран 57% опрошенных, 32% респондентов не согласны с таким утверждением. Вместе с тем наблюдается и рост числа сомневающихся (с 5 до 10%). Природа таких ответов может быть детерминирована специальной военной операцией, усилением работы правоохранительной системы.

Этнополитические реалии на Северном Кавказе. В условиях Северного Кавказа сильна роль региональных элит в общей системе политики, они порою оказывают определяющее влияние на весь политический процесс [14; 15]. Место политических элит в формировании гражданской идентичности на Северном Кавказе актуализируется в период возрастания международных рисков, рестрикции, конфликтов. Что приводит к сужению поля гражданских свобод, демократических институтов, что является дополнительным фактором, ограничивающим формирование предпосылок российской гражданской идентичности.

Национальные элиты в Татарстане, Чечне и др. в начале 90-х годов проводили политику, направленную на сецессию, выход из юрисдикции России. В ряде республик Северного Кавказа проходили многотысячные митинги с требованием отделиться от России, создать независимые государства. Данные процессы были активны на территории Чеченской Республики, они детерминировали начало тяжёлого и длительного внутригосударственного российско-чеченского конфликта в 1994-1999 годах. Важно понимать, что национальная «карта» местными этноэлитами использовалась исключительно для торга с Москвой с целью удержания собственной власти и влияния. Идеологическими, патристическими смыслами их действия не были наполнены.

Можно обозначить несколько точек этнополитической напряжённости на Северном Кавказе, которые несут в себе большой конфликтогенный потенциал и угрозы региональной безопасности: территориальный спор вокруг Пригородного района Северной Осетии-Алания; территориальные претензии казаков на Наурский, Шелковской районы Чеченской Республики, которые до выселения чеченцев в 1944 году входили в состав Ставропольского района; восстановление Ауховского района Республики Дагестан, откуда были выселены чеченцы в 1944 г.; споры вокруг соглашения, подписанного в 2018 году между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой о разграничении территории между ними. Все эти «тлеющие точки» напряжённости – наследие репрессивной политики Советского Союза, последствия выселения народов Северного Кавказа. Они существуют до сих пор из-за незавершённости процесса реабилитации этих народов и отсутствия политической воли со стороны федерального центра, его чёткой и последовательной позиции. Неопределённость, плюрализм мнений в этих вопросах создаёт дополнительный фактор напряжения и провоцирует эскалацию.

Выраженная историческая память народов Кавказа, обострённое чувство справедливости также тормозят достижение общественного компромисса. Проблема усугубляется и отсутствием диалога между региональными политиче-

скими элитами, научной и творческой интеллигенцией, лидерами общественного мнения. Территориальные конфликты носят глубинный характер, на одни и те же проблемы существуют противоположные точки зрения у научной, творческой и политической элиты [16].

В связи с этим необходимо определить важные конфликтогенные факторы, которые способствуют эскалации старых и возникновению новых конфликтов. Мононациональность, сильная историческая память, традиционализм и клановость, низкий уровень связей с регионами России блокируют интеграцию народов Северного Кавказа в единое политическое, социокультурное, цивилизационное пространство России.

Характерной особенностью Северного Кавказа является моноэтничность. Подавляющее большинство граждан проживает в границах одного субъекта, связаны одним языком, обычаями, традициями и нравами. Данный феномен можно рассматривать и положительно, он способствует развитию национальной культуры, приводит к снижению междоусобицы и противоречий на основе «инаковости». Любая форма локализации этничности, гипертрофированная культивация национальных ценностей в итоге приводит к межнациональным коллизиям, очагам напряжённости, глокализации.

Данные переписи населения 2020-2021 годов показывают в основном однородный национальный состав республик и областей Северного Кавказа за исключением Дагестана.

Таблица 2

Численность и национальный состав населения, указавшего этническую принадлежность (Северо-Кавказский федеральный округ, 2020 г.)

Регион	Население, чел.	Национальный состав		
		национальность	чел.	% от числа жителей региона
Всего С-КФО	10 171 434			
Республика Дагестан	3 182 054	Аварцы	956 831	30,1
		Даргинцы	521 381	16,4
		Кумыки	496 455	15,6
		Лезгины	416 963	13,1
Республика Ингушетия	509 541	Ингуши	473 440	92,9
Кабардино-Балкарская Республика	904 200	Балкарцы	120 898	13,4
		Кабардинцы	502 615	55,6
Карачаево-Черкесская Республика	469 865	Карачаевцы	205 578	43,8
		Черкесы	58 825	12,5
Республика Северная Осетия – Алания	687 357	Осетины	439 949	64,0
Чеченская Республика	1 510 824	Чеченцы	1 456 792	96,4
Ставропольский край	2 907 593	Русские	2 309 460	79,4

Источник: составлено автором по данным: Итоги ВППН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: <https://u.to/Tp151A> (дата обращения: 07.07.2023).

Из таблицы виден высокий мононациональный состав в Чеченской Республике, доля чеченцев здесь составляет более 95% от числа населения региона; аналогично доля ингушей в Республике Ингушетия – более 92%; а доля русского населения в Ставропольском крае – около 80%, хотя все эти регионы граничат между собой. В других регионах Северного Кавказа ситуация не сильно отличается. Кроме того, наблюдается высокий отток русских из национальных республик, что усиливает моноэтничность. Высокая концентрация титульных народов в национальных республиках формирует замкнутость, персистентность политического ландшафта, ограничивает контакты, снижает международное сотрудничество, замедляет развитие науки, культуры и межнациональных связей. И как следствие может вызвать конфликты, снижение толерантности к иной культуре, ксенофобию [17].

Проблемы формирования национальной, гражданской идентичности в регионе. Глобализация, миграция, социальные трансформации формируют новые паттерны, понимание гражданской (общегражданской) и национальной идентичности становится узловым для анализа социальных процессов. Академик В. А. Тишков определяет идентичность так: «Идентичности – это своего рода система культурно-исторических координат, которые изобретаются обществом, могут меняться или подвергаться коррекции в зависимости от политики и других факторов». Валерий Александрович увязывает две формы идентичности и пишет: «Идентичности выражаются не только во внутренних ментальных образах, но и во внешних координатах»³.

На наш взгляд, гражданская и национальная идентичность, хотя тесно переплетены в сознании многих, на самом деле обладают рядом различий, которые определяют их уникальность и разные пути проявления в обществе. В основе различия лежит принцип принадлежности и самоидентификации личности в рамках широкого спектра общественных отношений.

Гражданская идентичность заключается в принадлежности к определённому государству, и это определение формируется посредством юридических и политических связей. В её основе лежит концепция равенства перед законом и участие в политической жизни общества вне зависимости от этнического происхождения или культурных особенностей. В отличие от гражданской, национальная идентичность формируется на основе этнической принадлежности, общности культуры, языка, традиций, истории и общего представления о прошлом. Национальная идентичность определяет принадлежность человека к определённой нации, что воспринимается на более личном и эмоциональном уровне, чем гражданская принадлежность. Ещё одно важное различие – в сфере проявления, так гражданская идентичность активно вовлекает личность в процессы принятия решений в рамках политической системы страны, в то время как национальная идентичность в большей степени связана с культурным самовыражением и сохранением исторического наследия.

Считаем, что спекуляции вокруг национальной памяти народов Кавказа являются дополнительным дестабилизирующим фактором в формировании общегражданской идентичности. Территориальные споры, вопросы этногенеза (к примеру история алан), насильственное выселение народов в 1943–1944 годах, межнациональные и внутригосударственные конфликты XX века несут

³ Старые и новые идентичности // Валерий Тишков: [сайт]. URL: <https://u.to/0Mx51A> (дата обращения: 02.02.2024).

в себе риски развития перманентных конфликтов [18]. Отсутствие гражданско-го согласия по этим вопросам, чёткой и продуманной национальной политики на федеральном уровне, общей позиции региональных этнических элит переводит эти моменты напряжённости в законсервированное состояние. Политика нейтралитета федерального центра в области межнациональных отношений, размытость контуров взаимодействия между Москвой и субъектами федерации, предела региональных и федеральных полномочий, приводит не к снижению этнополитической ситуации, а к её активизации.

Национальная память как символический ресурс используется региональными политическими элитами, при этом они ссылаются на сложную историю, репрессии, несправедливость, национализм, дискриминацию. Акторы используют национальную память как механизм давления на федеральный центр и в формировании заданного общественного мнения. Принятие Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» признаёт ряд народов жертвами политического режима и чётко осуждает политику того периода. Его полноценное исполнение требует ясного административного подхода, политизация его недопустима.

Архаика, традиционализм, клановость органов государственной власти в регионах, патрон-клиентальная система организации власти, преобладание этноцентристских принципов политической системы – дестабилизирующие факторы. Подобная система организации власти, подбор и расстановка кадров по гильдейскому подходу сводят на нет любые формы и методы по развитию институтов гражданского общества, демократических и общегражданских ценностей, приводит к коррупции, политическому экстремизму и религиозному радикализму. Уровень клановости, этнический и трайбальный механизм инкорпорации элит, слабый авторитет судебной системы, отсутствие социальных лифтов, пауперизация, резкая социальная дифференциация являются базовой питательной средой для столкновений и конфликтов. К сожалению, в экспертном сообществе не отмечается снижение указанных конфликтогенов в политическом процессе. Основополагающий подход «закон для всех», отход от правового плюрализма, повышение институционального доверия должны главенствовать, особенно на Северном Кавказе, многоправие приводит к оппортунизму в принятии решений. Эти противоречия с общей системой права, примат локальных этнических особенностей, и их сочетание эклектично, нередко ведёт к смешению фундаментальных государственных основ, политической неустойчивости и коллизиям [19; 20].

Особое место в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации уделяется сохранению и развитию русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов Российской Федерации. В этих целях в Чеченской Республике проводятся различные мероприятия, конкурсы, всероссийские фестивали, конференции, круглые столы, творческие встречи, посвящённые русскому языку. В образовательных учреждениях проходят мероприятия, приуроченные ко Дню славянской письменности и культуры.

Магистральный процесс по сближению народов Северного Кавказа, налаживанию межконфессионального и межнационального согласия не может получить успешное развитие без учёта особенных этнокультурных тенденций, отчётливо просматривающихся, например, на Северном Кавказе, Татарстане, Башкортостане и т.д. Следует учитывать в процессе формирования общероссийской идентичности ценности традиционной этнической культуры,

памятуя, что локальные, региональные, этнические формы идентичностей должны не противопоставляться общероссийским гражданским ценностям, а взаимодополняться. С нашей точки зрения, формирование общероссийской идентичности будет успешным, если оно будет опираться на местные, локальные, этнические, духовные ценности, которые составляют компоненты общероссийской культуры.

Следует отметить, что в условиях современного, быстроменяющегося мира, геополитической значимости и социокультурной специфики исследуемого региона возникают факторы, вызовы, оказывающие влияние на процесс формирования гражданской идентичности. Один из основных вызовов – это эскалация конфликтов и насилия в регионе. Продолжительные вооружённые конфликты повлияли не только на экономическое развитие региона, но и создали напряжённую обстановку между различными этническими группами. Это затрудняет процесс формирования единого гражданского сознания и снижает доверие между жителями Северного Кавказа. Недавние антисемитские митинги, выступления в Дагестане, Карачаево-Черкесии свидетельствуют о высокой степени электризованности местного населения, сильном влиянии информационно-коммуникационных технологий на протестную активность граждан. Эти процессы показывают уровень национализма и шовинизма в обществе. Как нам представляется, проблема не столько в провокациях, международной обстановке, информационных вбросах и искусственных триггерах, но и в высоком уровне конфликтного потенциала, возможности повторения подобных криминогенных ситуаций и неспособности органов правопорядка оперативно реагировать на эти вызовы, хотя были ранние сигналы в блогосфере. Подобные точки роста национализма, реакция властей являются лакмусовой бумагой, показывающей, что система межнационального диалога не целостна, не синхронизирована, не выдерживает изменений, любого управляемого воздействия. Государственные органы, общественные организации, должны пересматривать свои подходы и методы, направленные на гармонизацию межнациональных отношений и согласия.

Рост национализма на Северном Кавказе так же показывает, что в современном мире информационно-коммуникационные технологии играют всё более значимую роль во всех сферах. Повышение уровня использования таких технологий приводит к возникновению новых угроз и вызовов в области безопасности. Информационная безопасность, вернее её уязвимость, дезинформация используются в политических целях, для дестабилизации общественно-политической ситуации, разжигания межнациональной розни и развития экстремизма. Сегодня информация передаётся между странами и континентами мгновенно, что создаёт новые возможности для кибершпионажа и кибератак на объекты. Каждый день будут появляться новые уязвимости и способы сетевых атак, что требует от государства и экспертов в области информационной безопасности быть на шаг впереди злоумышленников, прогнозировать угрозы. Технические средства защиты должны обновляться и совершенствоваться, чтобы соответствовать новым рискам. Кроме того, с ростом использования мобильных устройств и облачных сервисов, необходимо разрабатывать новые методы защиты данных, защиты от непроверенной информации [21].

Ещё одна проблема, способствующая росту напряжённости, развитию гражданского диалога – это распространение религиозно-политического экстремизма под лозунгами ислама. Одной из причин его бытования на Северном Кавказе

является влияние идеологии террористических государств и течений. Несмотря на то, что ИГИЛ-ИГ* больше не контролирует значительную территорию, его идеология продолжает оказывать ощутимое влияние на молодых людей, особенно через интернет и социальные сети. Пропаганда ИГИЛ* подстрекает к ненависти к западным ценностям, светским институтам и призывает к джихаду. Любые формы экстремизма создают угрозу для безопасности и стабильности региона, а также препятствуют процессу формирования гражданской идентичности на Северном Кавказе [22].

Культурные различия и этническая диверсификация также являются значительной проблемой. Разные этнические группы на Северном Кавказе имеют свои традиции, язык и обычаи, что может затруднять процесс создания общегражданской идентичности [23; 24; 25]. Более того, некоторые меньшинства могут чувствовать себя отторгнутыми или дискриминированными в условиях этнической напряжённости, что дополнительно затрудняет интеграцию. Для преодоления этих проблем и создания стабильного общества на Северном Кавказе необходимо уделить внимание формированию идентичности, базирующейся на принципах гражданского согласия, толерантности, уважения к различиям и справедливости. Религиозные лидеры и этнические группы должны активно включаться в процесс создания такой идентичности, а также способствовать диалогу между разными этническими и конфессиональными группами. Сочетание общих и особенных аспектов в формировании общероссийской идентичности – естественный процесс, который следует поддерживать, успешно конструировать на основе выверенной государственной политики. Необходимо уделить особое внимание социально-экономическим проблемам. Обеспечение экономического развития, создание новых рабочих мест, повышение уровня жизни и доступа к образованию и здравоохранению – это основные факторы для обеспечения стабильности и процветания Северного Кавказа [26].

Активное участие молодёжи в общественной жизни, её встроенность в политику, является позитивным фактором. Поддержка молодёжных инициатив, создание условий для развития молодёжных организаций и проектов, проведение образовательных программ и тренингов по гражданскому воспитанию способствует формированию у подрастающего поколения гражданской идентичности. Должны чётко работать социальные лифты для молодёжи, каналы вертикальной и горизонтальной мобильности, инкорпорации во властные органы. Молодёжь должна поверить в свою перспективу, в завтрашний день. Чувство справедливости, незыблемость и защищённость гражданских и политических свобод, независимая судебная система, подконтрольные правоохранительные структуры – это основа формирования общегражданских установок и стимулов для молодёжи [27; 28]. Безработица, социальная дифференциация, сужение информационного поля для взаимодействия, коррупция, патрон-клиентальные механизмы функционирования власти, вертикально-интегрированная этнизация государственных органов, внутренняя дискриминация, кавказофобия, стимулируют миграцию, отток за рубеж, протестную часть молодёжи.

Важным интегрирующим компонентом является широкое участие Северо-Кавказских регионов в федеральных и международных проектах, что позволит расширить границы, установить контакты с другими субъектами федерации и странами, обменяться опытом и знаниями. Это поможет более широкому

* Террористическая организация. Запрещена на территории Российской Федерации.

осознанию своей принадлежности к мировому сообществу. Международная интеграция региона будет способствовать формированию гражданского сознания, продвигать и лучше понять ценности многообразия культур и религий, это расширит понимание, что каждый человек имеет право на своё мнение и веру, независимо от этнической принадлежности [29].

В заключение можно отметить, что формирование гражданской идентичности, особенно на Северном Кавказе является сложным, многогранным процессом, сталкивающимся с множеством вызовов и угроз региональной и национальной безопасности. Однако путём проведения комплексных реформ, развития толерантности и борьбы с социально-экономическим неравенством, повышения уровня образования, и самое главное – расширением политических свобод можно достичь устойчивого развития региона и формирования единого гражданского сознания.

Библиографический список

1. Tishkov V. A., Novikova N. I., Pivneva E. A. Indigenous peoples of the Russian Arctic // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 85(3). P. 278–286. DOI [10.1134/S1019331615030181](https://doi.org/10.1134/S1019331615030181). EDN [UFAFIV](#).
2. Дяттерев А. К., Черноус В. В. Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 16–20. EDN [NXEPXV](#).
3. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4(76). С. 31. EDN [RURMWB](#).
4. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М.: Инфра-М, 2008. 368 с. ISBN 978-5-98281-145-5. EDN [SDQPJN](#).
5. Основные факторы укрепления общероссийской идентичности народов Дагестана / В. Х. Акаев, Ш. Р. Кашаф, Н. Д. Бахмудкадиев, Д. Р. Тумалаев // Minbar. Islamic Studies. 2022. Т. 15, № 2. С. 343–352. DOI [10.31162/2618-9569-2022-15-2-343-352](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-343-352). EDN [WKJHNL](#).
6. Акаев В. Х., Солтамурадов М. Д., Газиев В. З. Особенности формирования гражданской нации в России: путь от этнокультурной идентичности к гражданскому становлению // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 5(96). С. 22–26. EDN [ZTUMQJ](#).
7. Акаев В. Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17, № 1. С. 89–102. EDN [SKFMSB](#).
8. Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4. С. 106–123. EDN [RRRJBX](#).
9. Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22. EDN [PFJOON](#).
10. Вартумян А. А. Политические элиты постсоветской России: основные подходы и прикладной анализ // Современная наука и инновации. 2014. № 2(6). С. 94–101. EDN [TOCEHX](#).
11. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16. EDN [MXKAMB](#).
12. Иванова Н. Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 1. С. 52–60. EDN [OXFXHN](#).
13. Дробизева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. 2021. № 1-2. С. 39–52. EDN [HAGVQK](#).
14. Койбаев Б. Г., Бязров А. В. Проблемы взаимодействия политических элит с общественными организациями в России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2011. № 2. С. 41–46. EDN [NXNJER](#).
15. Магомедов А. К. Элита и идеология. Как правящие группы создают смыслы и

- систему идеологических координат? (на примере российского регионализма 1990-х годов) // Властные структуры и группы доминирования : Матер. десятого Всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2011 г.). СПб. : Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ, 2012. С. 190–211. EDN [UMSTLT](#).
16. Дука А. В. Концептуальные основания анализа властных элит // Управленческое консультирование. 2011. № 1(41). С. 48–62. EDN [NRAXFL](#).
 17. Гончаров В. В. Влияние процессов глобализации на организацию и деятельность национальных политических элит // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 3. С. 264–270. DOI [10.15643/libartus-2017.3.6](#). EDN [ZCSCBL](#).
 18. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. М. : Институт социологии РАН, 2006. 327 с. ISBN 5-89697-111-7. EDN [SIJCVL](#).
 19. Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. 2-е изд. М. : Аспект Пресс, 1999. 271 с. ISBN 5-7567-0215-6. EDN [QBSMJ D](#).
 20. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3(76). С. 216–222. EDN [OHLNCH](#).
 21. Вилков А. А., Шестов Н. И. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191. EDN [QMHSV](#).
 22. Санина А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12(344). С. 57–65. EDN [PHCZSH](#).
 23. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / М. К. Горшков, А. Г. Гусейнов, А. В. Дмитриев [и др.]. М. : Новый хронограф, 2015. 624 с. ISBN 978-5-94881-290-8. EDN [UCNWMF](#).
 24. Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.]. Книга 5. М. : Весь Мир, 2017. 427 с. ISBN 978-5-7777-0687-4. EDN [YYWQBH](#).
 25. Горишков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества // ИНАБ. 2013. № 1. С. 001–054. EDN [PUVQPR](#).
 26. Казиева А. М., Бродзели А. О. Роль традиций и стереотипов в формировании позитивного имиджа Северного Кавказа // Гуманитарные исследования. 2013. № 3(47). С. 30–36. EDN [RCCXRD](#).
 27. Дробизева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4(140). С. 7–22. DOI [10.14515/monitoring.2017.4.02](#). EDN [YLYNRW](#).
 28. Gorshkov M. K. Russian Society in the Sociological Dimension // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90(2). P. 149–157. DOI [10.1134/S1019331620020021](#). EDN [SUYYFG](#).
 29. Седова Н. Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. №. 2. С. 48–71. EDN [SJUOAN](#).

Поступила: 09.02.2024. Принята: 13.03.2024.

Сведения об авторе:

Салгириев Али Русланович, кандидат политических наук, докторант сектора философских проблем политики, Институт философии РАН. Москва, Россия. 010585@list.ru
Author ID РИНЦ: [688489](#); ORCID: [0000-0002-0878-3498](#); Researcher ID (WoS): [AAF-5548-2019](#)

A. R. Salgiriev¹¹ Institute of Philosophy RAS. Moscow, Russia

FORMATION OF ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY IN THE CONTEXT OF REGIONAL ELITES' ACTIVITIES (ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

Abstract. The general socio-political situation in the region is analyzed, the centrifugal and centripetal forces that determine the very nature of politics in the region through the prism of ethnic and civic forms of identity are considered. The emergence of new points of ethnopolitical and ethno-religious tension, chauvinistic tendencies, and anti-Semitic sentiments demonstrate a fairly high level of conflict potential and the severity of nationalist manifestations in the region. Such conflict behavior is most often provoked from the outside, including through the use of modern information resources, social networks, using manipulative technologies that have an impact on the masses. These processes indicate the existence of socio-cultural and religious grounds for the growth of discriminatory rhetoric and clashes. The study of these problems is an urgent scientific task in the context of transformation and transit of local identity features. The article also analyzes various forms and approaches of identity formation in the North Caucasus, highlights common and special factors, contradictions in the development of general civil attitudes. The national composition is considered, the role of regional actors in the political management and development of the region is highlighted separately. These issues carry elements of novelty and relevance. The work uses specialized political science techniques: the method of analyzing a specific situation - case-study, secondary analysis of sociological research data. Along with private scientific methods and approaches, general scientific methods and approaches are also used in the study: historical and philosophical methods and approaches (dialectics, the principle of historicism), the system integrative method, comparative studies. In conclusion, recommendations are presented aimed at solving the problems of forming the civil identity of the peoples of the North Caucasus, through the transition of ethnic forms of identity to all-Russian ones.

Keywords: Russia, North Caucasus, identity, ethnic identity, all-Russian identity, elites, political process, political governance, conflicts

For citation: Salgiriev A. R. Formation of all-Russian civil identity in the context of regional elites' activities (on the materials of the North Caucasus). *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):119–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.9>.

References

1. Tishkov V. A., Novikova N. I., Pivneva E. A. Indigenous peoples of the Russian Arctic. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2015;85(3):278–286. DOI [10.1134/S1019331615030181](https://doi.org/10.1134/S1019331615030181).
2. Dyagterev A. K., Chernous V. V. Civil identity in the space of nationalist discourse. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*. 2011;(3):16–20. (In Russ.).
3. Avxentyev V. A., Aksyumov B. V. The Russians: from civil to civilizational identity. *Scientific Thought of Caucasus*. 2013;(4):31.
4. Avksent'ev V. A., Gritsenko G. D., Dmitriev A. V. Regional conflictology: concepts and Russian practice. Moscow: Infra-M; 2008. (In Russ.). ISBN 978-5-98281-145-5.
5. Akaev V. Kh., Kashaf Sh. R., Bakhmudkadiev N. D., Tumalayev D. R. The main factors of strengthening the all-Russian identity of the peoples of Dagestan. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(2):343–352. (In Russ.). DOI [10.31162/2618-9569-2022-15-2-343-352](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-343-352).
6. Akaev V. Kh., Soltamuradov M. D., Gaziev V. Z. Civil nation formation features in Russia: way from ethnocultural identity to civil. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2017;(5):22–26. (In Russ.).
7. Akaev V. Kh. Religious and political elites in the North Caucasus: factors of formation, ideological contradictions and practical confrontation. *Central Asia and the Caucasus*. 2014;17(1):89–102. (In Russ.).
8. Achkasov V. A. "Politics of memory" as a tool for post-socialist "nation-building". *The*

- Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;16(4):106–123. (In Russ.).
9. Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. Social transformations in Russia in epoch of global changes. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2008;(4):8–22. (In Russ.).
 10. Vartumyan A. A. The political elites of post-Soviet Russia: the main approaches and applied analysis. *Modern Science and Innovations*. 2014;(2):94–101. (In Russ.).
 11. Gadzhiev K. S. National identity: conceptual aspect. *Voprosy filosofii*. 2011;(10):3–16. (In Russ.).
 12. Ivanova N. L. Structure of personality' social identity: the problem of analysis. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2004;25(1):52–60. (In Russ.).
 13. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. *Vestnik Rossijskoj nacii*. 2021;(1-2):39–52. (In Russ.).
 14. Koibaev B. G., Byazrov A. V. Problems of interaction between political elites and civil society organizations in Russia. *Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*. 2011;(2):41–46. (In Russ.).
 15. Magomedov A. K. Elite and ideology. How do the ruling groups create meanings and a system of ideological coordinates? (using the example of Russian regionalism in the 1990 year). In: Power structures and dominance groups: Mater. of the Tenth All-Russian seminar "Sociological problems of Government institutions in the context of Russian transformation". St. Petersburg: Mezhdunarodnyi Fond podderzhki sotsiogumanitarnykh issledovanii i obrazovatel'nykh program; 2012. P. 190–211. (In Russ.).
 16. Duka A. V. Conceptual foundations of the analysis of power elites. *Administrative Consulting*. 2011;(1):48–62. (In Russ.).
 17. Goncharov V. V. The formation and functioning of national political elites in the context of globalization. *Rossiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*. 2017;6(3):264–270. (In Russ.). DOI [10.15643/libartus-2017.3.6](https://doi.org/10.15643/libartus-2017.3.6).
 18. Magun V. S. (ed). Civil, ethnic and religious identities in modern Russia. Moscow: Institute of Sociology of RAS; 2006. (In Russ.). ISBN 5-89697-111-7.
 19. Arutyunyan Yu. V., Drobizheva L. M., Susokolov A. A. Ethnosociology. 2nd ed. Moscow: Aspect Press; 1999. (In Russ.). ISBN 5-7567-0215-6.
 20. Eremina E. V. Regional identity in the context of sociological analysis. *Regionology*. 2011;(3):216–222. (In Russ.).
 21. Vilkov A. A., Shestov N. I. Political subjectness of regional societies and elites. *Vlast'*. 2014;(7):186–191. (In Russ.).
 22. Sanina A. G. Formation of Russian identity: a civil-state approach. *Sociological research*. 2012;(12):57–65. (In Russ.).
 23. Gorshkov M. K., Huseynov A. G., Dmitriev A. V. [et al.] Regional sociology: problems of consolidating the social space of Russia. Moscow: New Chronograph, 2015. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-290-8.
 24. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Barash R. E. [et al.] Russian society and challenges of the time. Book Five. Moscow: Ves' Mir; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0687-4.
 25. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Sociocultural factors of consolidation of Russian society. *INAB*. 2013;(1):001–054. (In Russ.).
 26. Kaziyeva A. M., Brodzel A. O. Role of traditions and stereotypes in formation of positive image of the North Caucasus. *Humanitarian Researches*. 2013;(3):30–36. (In Russ.).
 27. Drobizheva L. M. Dynamics of civic identity and its potential in positive integration processes in the Russian community. *Public Opinion Monitoring*. 2017;(4):7–22. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2017.4.02](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02).
 28. Gorshkov M. K. Russian Society in the Sociological Dimension. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020;90(2):149–157. DOI [10.1134/S1019331620020021](https://doi.org/10.1134/S1019331620020021).
 29. Sedova N. N. Civic activism in modern Russia: forms, factors, and social base. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2014;(2):48–71. (In Russ.).

Received: 09.02.2024. Accepted: 13.03.2024.

Information about the author:

Ali R. Salgiriev, candidate of political science, doctoral student in the sector of philosophical problems of politics, Institute of Philosophy RAS. Moscow, Russia.

010585@list.ru

ORCID: [0000-0002-0878-3498](https://orcid.org/0000-0002-0878-3498); Researcher ID (WoS): [AAAF-5548-2019](https://orcid.org/AAAF-5548-2019)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.10)
EDN [FMZSPE](#)
УДК 316.48+323.1

Д. А. Пистолетов¹

¹ Российский государственный университет социальных технологий,
Волгоградский филиал
Волгоград, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ СТРАН ЗАПАДА

Аннотация. Актуальные на сегодняшний день сложности межкультурного взаимодействия, опыт противодействия ксенофобии и иные проблемы рассматриваются в рамках статьи на примере стран Запада, преимущественно США, как государства, значимую долю населения которого, в том числе и в процентном соотношении, занимают представители различных рас и культур. В ходе исследования проведена оценка актуальности и остроты проблем межкультурного взаимодействия, рассмотрены проблемы ослабления самосознания народов и формирования комплексов обвиняемой в ксенофобии расы, а также попыток внедрения в науку ксенофобских идей. Также автор затрагивает тему выборочной толерантности. В основе исследования лежит анализ научных и информационных публикаций по исследуемой теме, как отечественных, так и зарубежных, представляющих собой взгляд на проблему изнутри. Рассмотренный в статье материал позволяет заключить, что проблемы межкультурных взаимоотношений в Соединённых штатах со временем лишь усложняются, схожие процессы происходят и в других западных странах, что даёт основания признать неэффективной проводимую политику борьбы с ксенофобией. Данные статьи могут использоваться как основа для дальнейшего исследования проблем межкультурного взаимодействия и возможной разработки мер по урегулированию и последующему предотвращению этих проблем.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, расизм, обратный расизм, критическая расовая теория, ксенофобия в США, проблемы межкультурного взаимодействия

Для цитирования: Пистолетов Д. А. Актуальные проблемы межкультурного взаимодействия: опыт стран Запада // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 132–143. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.10). EDN [FMZSPE](#).

Введение. Исторически социокультурное формирование народов связано с необходимостью упрощения жизни, решения общих вопросов. Обусловленное необходимостью передачи полезных для выживания знаний молодому поколению [1], обучение в первобытном обществе велось не только членами семьи, но и членами всего общества в целом в силу отсутствия значимого разделения между ними. Сельские земледельческие общины были сформированы для организации производства, регулирования землепользования и иных целей. С развитием иерархии в обществе, землевладельческие общины нередко заменялись на земледельческие и управлялись земельными собственниками или государством [2]. Постепенно народы продвигались в научно-техническом познании, что серьёзно влияло на их жизнь. От формирования народов общества перешли к взаимодействию с другими народами, начались союзные либо конфликтные отношения между друг другом. Однако, чаще всего основной целью было доминирование над другими народами, союзы использовались скорее, как

инструмент для достижения данной цели. Одним из хороших примеров влияния прогресса на развитие народов является внедрение культуры железа среди норвежцев, которое привело к началу походов викингов [3, с. 97–100].

События XX век заставил человечество пересмотреть своё отношение к конкуренции между народами, особенно касательно войн. Первая мировая война унесла 22 миллиона жизней [4]; общие потери во Второй мировой войне принято оценивать примерно в 60 миллионов человек [5]; параллельные локальные войны, такие как Японо-Китайская и Тихоокеанская войны, в совокупности унесли жизни около 2,5 миллионов человек [6, с. 304]; атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки с целью предотвратить вступление СССР в сражения с Японией, которые президент США Г. Трумэн считал правильным решением [7]. Можно сказать, что в этот век, особенно в первую его половину, был достигнут апогей взаимной человеческой ненависти, который привёл к огромным жертвам среди людей и иному вреду. Одним из событий, которые отображают желание человечества решать конфликты между собой, стало создание Организации Объединённых Наций, призванной создавать условия для соблюдения справедливости и уважения при реализации международного права¹.

К сожалению, проблемы межкультурного взаимодействия никуда не исчезли, были разрешены отдельные противоречия, однако люди столкнулись с новыми вызовами. И если раньше это были по большей части вызовы «справа», то есть вызываемые по инициативе представителей правых политических взглядов, то сегодняшние вызовы практически во всех случаях приходят от представителей левых политических взглядов. Так, Ангела Меркель признала провал попыток построить мультикультурное общество в Германии²; в США и странах Европы начался массовый вандализм, статуи исторических деятелей подверглись порче и разрушению под предлогом неполиткорректности тех, кому они посвящены³; в США получило начало движение Black Lives Matter (BLM), связанное с бандитизмом, ксенофобией, оправдывающее ненависть по отношению к полиции. В ответ даже появилось движение Blue Lives Matter, которое отстаивало ценность жизни американских полицейских⁴. Нельзя умалчивать появление различных праворадикальных объединений, вроде политизированной субкультуры бритоголовых, однако, как минимум в России, ещё на момент их высокой активности, они не имели серьёзных шансов на политическую власть, хотя и могли быть источником дестабилизации [8]. Эти обстоятельства являются весомыми аргументами в пользу актуальности изучения данной темы в настоящий момент. Ещё до всех этих событий Н. П. Медведев писал о том, что межнациональные конфликты в некоторых регионах бывшего СССР привели к многочисленным жертвам и появлению сотен тысяч беженцев, породили социальную и культурную деградацию, материальные потери и другой вред [9, с. 50]. Очевидно, что это утверждение будет верным не только для прошедших актов межнациональной вражды, но и для всех будущих.

¹ Устав ООН // Организация Объединённых Наций. URL: <https://u.to/i8Z9IA> (дата обращения: 20.12.2023).

² Меркель признала провал мультикультурной модели // Lenta. 17 октября 2010. URL: <https://u.to/n8Z9IA> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Трамп разрешил арестовывать всех разрушающих памятники вандалов // РБК. 23 июня 2020. URL: <https://u.to/0sZ9IA> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴ Федоров Р. Геноцид синих: история движения Blue Lives Matter // Royal Cheese. URL: <https://u.to/5sZ9IA> (дата обращения: 20.12.2023).

Методы и результаты. Основной целью статьи является освещение текущих проблем межкультурного взаимодействия в обществах различных стран, в особенности мультикультурных, вроде США, а также выдвижение предложений по преодолению этих проблем. В задачи исследования входит: подтвердить наличие проблем межкультурного взаимодействия; затронуть проблему ослабления самосознания народов и проблему формирования комплексов обвиняемой в ксенофобии расы; указать на попытки внедрения в науку ксенофобских идей; затронуть выборочную толерантность; провести историческую аналогию с политикой толерантности в странах Запада.

Статья носит теоретический характер, основными методами исследования является анализ информационных материалов, рассмотрение существующих работ по данной теме и их дополнение с учётом актуальной новостной повестки.

Наличие критической массы межкультурных проблем в западных странах сложно назвать преувеличением. Опрос 6752 человек африканского происхождения, проведённый в 2022 г. показал, что 45% респондентов сталкивались с расовой дискриминацией. Стоит отметить, что опрос был проведён в 13 странах: Австрии, Германии, Италии, Бельгии, Финляндии и других, что позволяет заявить о большей репрезентативности, нежели опрос среди людей африканского происхождения какой-либо одной европейской страны⁵. Даже при успешной адаптации на российском рынке труда, мигранты из Китая имели проблемы с социально-психологической адаптацией, во многом они не были склонны к ассимиляции, жили очень изолированно [10]. Опрос, проведённый Public Religion Research Institute среди американцев в 2014 г. показал, что 56% респондентов не согласны с равенством правосудия для представителей разных рас; 52% белых американцев считают, что дискриминация белых стала такой же проблемой, как и дискриминация меньшинств⁶. Некоторые отечественные исследователи также считают, что и люди русской нации в России сталкиваются с ксенофобией [11], как и белые люди в США.

Можно выделить следующие ключевые вызовы, с которым столкнулись общества разных стран в современном мире:

1) Ослабление самосознания народов, которое вызвано изменением ценностей и влиянием глобализации. Российское общество также столкнулось с кризисом национального самосознания и потерей общенациональной идентичности, которые во многом были вызваны ослаблением внутренних институтов и вестернизацией культуры [12, с. 95]. Представители русского народа столкнулись в том числе с давлением на национальное самосознание, например, в Киргизии в период ограничения на использования каких-либо языков кроме государственного [13]. Кризис идентичности может привести не только к потере собственной идентичности и культивированию чужой культуры, но и к ресентименту по отношению к представителям своей культуры [14]. Под ресентиментом понимается чувство враждебности по отношению к тому, кого человек считает причиной своих неудач. По мнению М. Шелера, ресентимент является «самоотравлением души», которое исходит из импульса мести, свойственном слабым людям, поскольку месть вызывается чувством бессилия человека [40, с. 12–15].

Закономерно, что ресентимент может привести и к ненависти своей собственной культуры и народа, расы, поскольку человек без чёткой идентичности может определять себя как «неправильного», считая чужую культуру лучше

⁵ Boffey D. 'Pervasive and relentless' racism on the rise in Europe, survey finds // The Guardian. 25 Oct 2023. URL: <https://u.to/IMd9IA> (accessed: 21.12.2023).

⁶ Piacenza J. Americans' Racial Disconnect on Fairness and Discrimination // PRRI. 10 Juny 2014. URL: <https://u.to/58d9IA> (accessed: 21.12.2023).

своей. А. А. Пустарнакова и Т. А. Батищева, обсуждая проблемы сохранения русской культуры, приходят к выводу о необходимости возрождения национального достоинства и авторитета России [15]. Очевидно, что проблема распространяется не только на российское общество, но и другие общества, на которые оказало сильное влияние глобализация. Как отмечал В. Ю. Хотинец: «социальная идентичность есть ... объединение с теми, кто занимает сходные позиции» [16, с. 21]. Из этого можно сделать вывод, что раз человек не ассоциирует себя со своей нацией, либо ему свойственен ресентимент, то он будет допускать её дискриминацию, ведь сам он к ней равнодушен.

2) Из первой проблемы следует вторая – формирование комплексов у «виновной» расы либо нации. Некоторые авторы называют это «обратным расизмом» [17], что некорректно, ведь термин «расизм» подразумевает любую расовую ксенофобию, а не только ксенофобию со стороны людей с белым цветом кожи. В настоящий момент мы можем наблюдать как людей европейского происхождения пытаются демонизировать, вызывая у них комплексы, то есть эмоционально окрашенную совокупность явлений, которые влияют на развитие личности и психики человека [18]. Главной виной, которую вменяют белым людям, является мнение о реализации систематического угнетения чернокожих людей белокожими. Следует вспомнить, что Гражданская война в США стала причиной серьёзных людских и финансовых потерь [19, с. 37], при том, что далеко не каждый белый американец имел в своём подчинении рабов, то есть, формально, не несёт ответственности за действия рабовладельцев. Вполне можно сказать, что белые люди, не являвшиеся рабовладельцами, но пострадавшие от Гражданской войны, точно так же являлись жертвами, как и чернокожие рабы. Добавим, что были и чернокожие рабовладельцы. Более 80% чёрных рабовладельцев в США в 1850-м году были представителями смешанных рас, однако около 90% из них считали себя чернокожими [20, с. 10]. Учитывая и тот факт, что рабство существовало ещё до заселения США европейцами, например, в Древней Греции [21, с. 8–10], подведём итог о первичной значимости в вопросах возникновения рабства не цвета кожи, а наличие неравенства социального статуса.

Тем не менее, заинтересованные политические и иные объединения продолжают вменять людям с белым цветом кожи вину за угнетение. Уже нельзя говорить о желании добиться равенства, вопрос упирается в открытую ненависть к людям с белым цветом кожи, формирование у них чувства вины за свой цвет кожи является лишь предлогом для оправдания ксенофобии. Информация о создателе игры была удалена из Minecraft по той причине, что он написал: «быть белым это нормально»⁷; преподаватель из США написала в социальной сети о том, что «жизни белых не важны» и призвала «отменить белизну»⁸; в американской компании запретили без разрешения нанимать на руководящие посты белых мужчин⁹; лишь летом 2023 г. Верховный суд США отменил привилегии темнокожих при поступлении в высшие учебные заведения¹⁰; сотрудников

⁷ Из Minecraft убрали все упоминания о ее создателе Маркусе Перссоне. Вероятно, из-за его расистских твитов // Кибер. 29 марта 2019. URL: <https://u.to/scl9IA> (дата обращения: 21.12.2023).

⁸ Дагаева К. Опасная белизна. Обратный расизм меняет названия рок-группам и слишком «светлым» товарам // 360tv. 26 июня 2020. URL: <https://u.to/YMp9IA> (дата обращения: 21.12.2023).

⁹ Мещерская И. В американской компании запретили без разрешения нанимать на руководящие посты белых мужчин // Секрет фирмы. 07 ноября 2021. URL: <https://u.to/Hst9IA> (дата обращения: 21.12.2023).

¹⁰ Пасечников Л. Верховный суд «расколол Америку» решением отменить привилегии темнокожих при поступлении в вузы // RuPosters. 30 июня 2023. URL: <https://u.to/CM99IA> (дата обращения: 21.12.2023).

Google уволили из-за белого цвета кожи, поскольку работодатель ввёл квоты найма на должности женщин и представителей меньшинств, в корпорации, по словам уволенных, им угрожали и подвергали притеснениям¹¹. К. Трейси приводит пример судебного процесса, в котором афроамериканский работодатель был обвинён в создании расово враждебной рабочей среды для своего белого подчинённого. Исследователь прогнозирует, что расовые проблемы станут неотъемлемой частью американской жизни [22], что в очередной раз подвергает сомнению правильность выбранных методов для преодоления ксенофобии в американском обществе.

Ксенофобия в отношении белых людей не ограничивается повседневностью, она проникла и в американскую науку. Так, например, С. Бери считает, что эмпатия белых людей представляет собой не более, чем технологию белого превосходства [23]. Попытки белыми людьми реализовать мультикультуралистическое общество она считает негативным явлением, которое приводит к превосходству белых [24]. Э. Бондс выделяет особую роль белых женщин в превосходстве белых, считая «очевидным заявить, что белые женщины играют роль в идеологическом и материальном построении превосходства белой расы» [25]. Г. Квок считает необходимым провести деколонизацию христианства и социологии [26]. Х. Итцигсон пишет, что интерес к деколонизации социологии растёт, но пока не имеет чётких идей [27]. Согласно статье Ш. Белизер, М. Пауэрс и Я. Мекави, родителей с белым цветом кожи следует учить детей не быть расистами [28]. Более того, некоторые авторы абсолютно серьёзно относятся к теме исследования «анти-расистских» взглядов у белых учителей английского языка [29]. На самом деле, это неудивительно, учитывая существование англоязычного издания, которое посвящено вопросам «белизны» в образовании¹². Вместо науки, мы можем увидеть здесь лишь культивирование предрассудков и ксенофобии по отношению к белым американцам, которое подкреплено идеологическими обоснованиями. Понятно, что в случае появления аналогичного издания либо статьи, посвящённых не «белизне», а «черноте», такую публикацию сразу окрестили бы апофеозом расизма. Иными словами, исследователи, которые позиционируют себя антирасистами, на самом деле являются идеологами ксенофобии.

3) Попытки внедрить в науку ксенофобские идеи. В продолжение предыдущего абзаца следует отметить, что проблема исследований по теме «белизны» не нова для США, более того, она представляет собой не отдельных авторов, а целое научное направление, которое называется Критической расовой теорией (КРТ). По мнению сторонников данной теории, институтам в США присущ расизм, поскольку они существуют для создания и поддержания неравенства между белыми и небелыми. Ознакомление с идеями КРТ даёт возможность сделать вывод о её абсолютно ненаучной конспирологичности (в частности, учитывая вышеупомянутые квоты на обучение и трудоустройство чернокожих). Один из основоположников КРТ, Ч. Харрис, считает, что наличие белого цвета кожи является формой собственности и ценным благом, которое имеет правовую защиту [30]. Тем не менее, Национальная ассоциация образования (NEA) США одобрила план внедрения Критической расовой те-

¹¹ Лисицын А. Теперь в США угнетают белых. Лекарство от расизма оказалось хуже болезни // РИА Новости. 10 января 2018. URL: <https://u.to/vM99IA> (дата обращения: 21.12.2023).

¹² Whiteness and Education journal. URL: <https://www.tandfonline.com/journals/rree20> (accessed: 22.12.2023).

ории в образование и противодействия попыткам запретить КРТ и т.н. «Проект 1619»¹³.

Отметим, что проблема уже вышла далеко за пределы США. Так, в австралийской школе белых мужчин-христиан назвали угнетателями, а также навязывали мнение о привилегиях белых мужчин. Учеников, которые соответствуют данным параметрам, представительница городского совета попросила встать в классе перед остальными¹⁴. Сотрудник британского информационного агентства BBC, а именно руководитель «отдела разнообразия», назвала чернокожего актёра одного из сериалов «недостаточно темнокожим»¹⁵.

Пропаганда коснулась и Африки. Достаточно интересное мнение по теме деколонизации высказывает Д. Янсен. Он напоминает, что некоторые термины, такие как «белый монополистический капитал», использовались британской фирмой по связям с общественностью Bell Pottinger как способ отвлечься от государственного захвата и коррупции при президенте Джейкобе Зуме. Он подчёркивает, что язык деколонизации в Южной Африке не был частью языка борьбы на протяжении более трёх столетий, термин этот совершенно новый, который появился в 1950-х годах, но даже тогда не получил особого распространения. Описанные автором события дают понять, что всё, к чему привела политика деколонизации в Южной Африке – снос памятников тем, кого они считают колонизаторами. В учебных же программах и иных институтах эта политика не смогла достичь значительных изменений [31]. Меньшинствам свойственно острое национальное самолюбие, особое осознание своей национальной принадлежности и сплочённость [32, с. 56], потому создание образа угнетателя для белых людей очень хорошо работает в качестве пропаганды.

4) Выборочная толерантность, очевидно, является лишь лицемерием, либо заблуждением. Выборочная толерантность, при которой некоторая группа людей представляется угнетаемыми, а другая – угнетателями не может считать хорошей, это обыкновенная ксенофобия, скрытая за маской толерантности. Попытка реализовать толерантное общество по-американски видится ошибочным путём, поскольку не избавляет общество от ненависти, а лишь заменяет одну группу людей для ненависти на другую, не снимая изначальной проблемы.

Примером двойных стандартов в толерантности является взгляд стран Запада на Россию. Как пишет Н. П. Таньшина, ещё во времена Московской Руси на Россию стали смотреть как на варварское молодое государство, которое отстаёт от Европы и больше похоже на колониальные владения Британии, чем на саму Британию. Россия не стремилась копировать страны Европы, чем отталкивала их от себя, и что постепенно сформировало образ России как чуждый элемент в их глазах [33, с. 97–103]. Антироссийские устремления англосаксов берут начало ещё в XVI веке как итог планов Британии контролировать северную Евразию. Чем сильнее становилась российская конкуренция за влияние, тем сильнее проявлялась английская русофобия и желание создать негативный образ России. До XVIII века эта русофобия была распространена лишь среди местных элит [34]. Отметим, что фобия представляет из себя тревожное рас-

¹³ Шитов А. Критическая расовая теория в США: расизм шиворот-навыворот? // ТАСС. 12 июля 2021. URL: <https://lzl.su/flrD> (дата обращения: 22.01.2023).

¹⁴ Кузнецов В. В австралийской школе белых мужчин-христиан назвали «угнетателями» // Lenta. 27 апреля 2021. URL: <https://u.to/TdJ9IA> (дата обращения: 22.12.2023).

¹⁵ Фанаты «Лютера» идут войной на BBC. Компания зря объяснила, почему детектив недостаточно темнокожий // Medialeaks. 15 апреля 2021. URL: <https://u.to/2NJ9IA> (дата обращения: 22.12.2023).

стройство, которое сопровождается страхом и избеганием пугающих объектов и ситуаций, однако, говоря о ксенофобии, речь идёт скорее о неприязни. При этом, рассматривая именно боязнь Британии потерять своё влияние, можно говорить о фобии в первоначальном смысле. Егоров М. Д. считает, что русофобия в современное время стала вестись сразу в нескольких формах: открытой и закамуфлированной [35].

В своём письме к А. Ф. Аксаковой Тютчев писал следующее: «Речь идёт о русофобии некоторых русских — причём весьма почитаемых... Прежде они говорили нам, и говорили совершенно искренно, что Россия их отвращает отсутствием прав, свободы слова и т.д. и т.д., а Европа внушает им нежную любовь именно наличием там всего этого... Что же мы видим теперь? По мере того как Россия, добиваясь некоторых послаблений, всё более самоутверждается, отвращение к ней этих господ только растёт» [36, с. 271]. Сегодня эта проблема касается не только либеральной общественности в России, но и определённых групп людей по всему миру, которые исповедуют так называемый антирасизм американского толка. Они могут ненавидеть свою расу либо нацию, однако уважать другую культуру и даже считать её идеалом. Касательно России, здесь роль в ресентименте такого рода может быть вызван вестернизацией, поскольку она приводит к утрате аутентичности и национальной идентичности [37].

Обсуждение и заключение. Проводя историческую аналогию, будет вполне уместно вспомнить Рейнский кризис 1936 г., когда Адольф Гитлер решил укрепить границу Германии с Францией и Бельгией, одновременно с тем подняв свою репутацию среди народа, и подготовиться к дальнейшей экспансии. Гитлер учёл беспомощность Лиги Наций во время итало-эфиопской войны, а также их желание проводить политику умиротворения, что и повлияло на его решение начать укреплять своё влияние [38]. Точно так же сейчас представители левых радикальных взглядов и иные заинтересованные лица прощупывают почву для ксенофобии в отношении белых жителей США, постепенно их интересы растут. Если в XX веке речь шла о равенстве и борьбе с дискриминацией, то сейчас они пошли дальше, «позитивная» дискриминация белых американцев в США стала обыденным явлением. Вполне возможно, что в случае, если дальнейшая позиция американского правительства, научного сообщества США и иных институтов останется соглашательской по отношению к антибелой ксенофобии, то она распространится и на другие страны, а также вызовет усиление ксенофобии в отношении белых людей.

Свидетельством двойных стандартов может быть отношение китайцев к толерантной политике Запада. Так, китайцы стали использовать по отношению к американцам слово «байцзо» с 2016 г., когда во время предвыборной гонки демократы выступали за права афроамериканцев и латиноамериканцев, а про азиатов совсем забыли. Они считают это примером того, как под прикрытием толерантности и защиты чьих-то прав идёт простое продвижение своих интересов¹⁶.

Ситуация с потаканием левым радикальным деятелям затрагивает не только США. Бывший социал-демократ из Германии Т. Саррацин подчёркивает абсурдную позицию СМИ Германии по отношению к темам миграции. Там эту тему не принято затрагивать. Согласно его исследованию, политика замещения

¹⁶ Товсепова Д. Почему китайцы решили, что западные люди – байцзо // Рамблер. 13 июня 2020. URL: <https://u.to/o9V91A> (дата обращения: 24.12.2023).

населения в Германии посредством миграции привела лишь к появлению в Германии неквалифицированных мигрантов, которые не желают получать образование, а также не принимают активного участия в трудовой деятельности, зато получают трансфертные выплаты и активно участвуют в преступной деятельности [39, с. 225–231].

Очевидно, нынешняя политика противодействия ксенофобии в США, как и в странах Западной Европы, не просто бесполезна, но и абсолютно вредна, поскольку ненависть к одной группе людей сменилась на ненависть к другой группе людей, сама суть этой ненависти никак не изменилась: под лицемерным прикрытием намерений оправдывается ксенофобия, подаваемая как благие намерения по предотвращению ненависти. Путь, который выбрали страны Запада в попытке преодолеть ксенофобию, приведёт лишь к культивированию ещё большей ксенофобии, что не видится в качестве достойного выбора для решения проблем культурного взаимодействия.

Библиографический список

1. О возникновении и развитии обучения в первобытном обществе / Б. И. Пак, З. Х. Ким, Ч. У. Цой, Ч. З. Ким // Вестник Белгородского института развития образования. 2018. № 4(10). С. 6–11. EDN [YTRXET](#).
2. Алаев Л. Б. Сельские земледельческие соседские общины: логика vs. История // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 4. С. 113–125. DOI [10.31857/S086919080010820-9](#). EDN [FTWXSI](#).
3. История Норвегии / Отв. ред. А. С. Кан. М. : Наука, 1980. 713 с. EDN [HYXCUA](#).
4. Гадеев А. В. Утраченная победа (Об итогах Первой мировой войны) // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2019. № 2(18). С. 4–5. EDN [AUSFTE](#).
5. Бельтюкова Т. В., Ракитова М. Ш., Юрлова О. А. Итоги 2 мировой войны // Advanced Science. 2017. № 3(7). С. 392–400. EDN [ZQIUHX](#).
6. Танака Т. Япония. Полная история страны / Пер. Т. С. Барина. М. : Издательство АСТ, 2021. 336 с. ISBN 978-5-17-134413-9.
7. Боков А. В., Киселев Д. Ю. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: вынужденная необходимость или военное преступление? // Война: продолжение политики или преступление : матер. региональной науч.-практич. конф. (Омск, 15 сентября 2017 г.). Омск : ОмГТУ, 2017. С. 7–9. EDN [YLCZPW](#).
8. Урсул В. И. Скинхеды: миф или реальность в современной России // Власть. 2008. № 1. С. 36–39. EDN [KARCHX](#).
9. Медведев Н. П. Межнациональные конфликты и политическая стабильность. Саранск : МГУ им. Н. П. Огарёва, 1993. 60 с. ISBN 5-88608-004-X. EDN [UCZJKX](#).
10. Рязанцев С. В., Хунмэй Я. Китайские мигранты в России: проблемы адаптации и миграционные установки // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. № 6. С. 3–5. EDN [NDDJVF](#).
11. Пистолетов Д. А. Профилактика русофобии в современном российском обществе: состояние и тенденции // Проблема насилия и политика формирования толерантности в современном обществе : Матер. междунаrod. науч.-практич. конф (Кизляр-Махачкала-Бишкек, 12 ноября 2023 г.). Махачкала : Типография Формат, 2023. С. 205–210. EDN [SXHERV](#).
12. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](#). EDN [ORTSAQ](#).
13. Хоперская Л. Л. «Негитульность» как основа коллективного статуса и самоидентификации российских соотечественников в Киргизской Республике // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12(89). С. 27–34. DOI [10.24158/perp.2020.12.3](#). EDN [XRLRFI](#).
14. Гутнер Г. Б. Ресентимент и образ мысли русской интеллектуальной элиты // Vox. Философский журнал. 2017. № 23. С. 11–31. DOI [10.24411/2077-6608-2017-00019](#). EDN [YMDFHZ](#).

15. Пустарнакова А. А., Батищева Т. А. Проблемы сохранения и развития русской культуры в деятельности творческих коллективов // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : Матер. V Всерос. науч.-практич. конф., посвящённой памяти Л. М. Дробжиной (Казань, 28–29 апреля 2022 г.). Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 162–165. EDN [YUBMTO](#).
16. Хотинцев В. Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2002. 124 с. ISBN 5-7525-0600-X. EDN [SJYPIF](#).
17. Гимадиева Р. Р., Чеджемов Г. А. Проблема обратного расизма в современном обществе // Известия Института систем управления СГЭУ. 2021. № 2(24). С. 28–32. DOI [10.46554/PICS-2021.2-pp.28](#). EDN [OAVVRN](#).
18. Коммунарова А. И. Методы устранения комплексов неполноценности у современных подростков // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 74-8. С. 29–33. DOI [10.18411/lj-06-2021-299](#). EDN [WBBYUA](#).
19. Попов В. В. Краткая история США. М. : Эксмо, 2022. 128 с. ISBN 978-5-04-155837-6.
20. Koger L. Black Slaveowners: Free Black Slave Masters in South Carolina, 1790-1860. Jefferson, NC : McFarland, 2011. 300 с. ISBN 978-0-7864-6931-4.
21. Валлон А. А. История рабства в античном мире : в 2 т. Т. 1 / Пер. с фр. С. П. Кондратьева. М. : Юрайт, 2017. 267 с. ISBN 978-5-534-05588-7. EDN [ZTFKHN](#).
22. Tracy K. "Race Trouble": Competing Accounts in a Trial About Anti-White Racism // Journal of Language and Social Psychology. 2024. Vol. 43(1). P. 14–36. DOI [10.1177/0261927X231201402](#).
23. Bery S. A Diagnostic of Whiteness: The Empathy Conundrum // On Whiteness: The Racial Imaginary Institute / L. A. Martin [et al.]. New York : SPBH Editions/The Racial Imaginary Institute, 2022. P. 103–144.
24. Bery S. Multiculturalism, Teaching Slavery, and White Supremacy // Equity & Excellence in Education. 2014. Vol. 47(3). P. 334–352. DOI [10.1080/10665684.2014.933072](#).
25. Bonds A. Race and ethnicity II: White women and the possessive geographies of white supremacy // Progress in Human Geography. 2020. Vol. 44(4). P. 778–788. DOI [10.1177/0309132519863479](#).
26. Kwok H. De-colonization, Sociology, and Christianity // The Routledge International Handbook of Sociology and Christianity / Ed. by D. Hiebert. London : Routledge, 2024. P. 153–164.
27. Itzigsohn J. On Decolonizing Sociology // Transilvania. 2023. No. 4. P. 1–12. DOI [10.51391/trva.2023.04.01](#).
28. Belizaire S., Powers M., Mekawi Y. How can white parents raise anti-racist children? Introducing the routes to effective anti-racist parenting (REAP) model // Family Process. 2023. P. 1–42. DOI [10.1111/famp.12951](#).
29. Schuman J. G., Reynolds D. Attempts at anti-racist teaching by white English teachers of black students // English Teaching: Practice and Critique. 2023. Vol. 22(4). P. 418–432. DOI [10.1108/etpc-05-2022-0071](#). EDN [YPNXAU](#).
30. Harris C. I. Whiteness as property // Harvard Law Review. 1993. Vol. 106(8). P. 1707–1791. DOI [10.2307/1341787](#).
31. Jansen J. The problem with decolonisation: entanglements in the politics of knowledge // The Journal of Modern African Studies. 2023. Vol. 61(1). P. 139–156. DOI [10.1017/s0022278x23000162](#). EDN [GIBRPS](#).
32. Социокультурная дифференциация населения: этническое расселение, межнациональные браки и метисация / И. А. Таскина, Г. Ю. Лизунова, Е. Ю. Кудрявцева [и др.]. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2018. 112 с. EDN [YQGUKT](#).
33. Таньшина Н. П. Русофобия: История изобретения страха. М. : Концептуал, 2023. 496 с. ISBN 978-5-907624-82-5. EDN [OFBVWA](#).
34. Крыжко Е. В., Паиковский П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионология. 2023. Т. 31, № 1(122). С. 30–45. DOI [10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045](#). EDN [YLGNST](#).
35. Егоров М. Д. Русофобия в современной Западной пропаганде // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее : матер. XXV юбилейной ежегодной междунар. науч. конф. : в 4 т. Т. 3 (Санкт-Петербург, 22 марта 2019 г.). СПб. : СПбГУПТД, 2019. С. 201–203. EDN [KSAYEW](#).

36. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 6: Письма 1860–1873. М. : Классика, 2004. 592 с. ISBN 9785773501473.
37. *Толок Е. С.* Угрозы национальной идентичности России в условиях вестернизации // *Цивилизация-общество-человек : Научно-образовательный альманах.* Саратов : Издательство КУБиК, 2020. С. 30–32. EDN [FSNPBL](#).
38. *Иванов А. Г.* Рейнский кризис 1936 г. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2017. Т. 9, № 5-1. С. 76–85. DOI [10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-76-85](#). EDN [ZSMNFB](#).
39. *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация / Пер. с нем. Т. А. Набатникова. М. : Рид Групп, 2012. 400 с. ISBN 978-5-4252-0682-4. EDN [QOPOFF](#).
40. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А. Н. Малинкина. СПб. : Наука, Университетская книга, 1999. 231 с. ISBN 5-7914-0040-3.

Поступила: 09.01.2024. Доработана: 26.02.2024. Принята: 11.03.2024.

Сведения об авторе:

Пистолетов Данил Андреевич, студент, Российский государственный университет социальных технологий, Волгоградский филиал. Россия, Волгоград.

danil.pistoletoff@gmail.com

Author ID РИНЦ: [1228847](#); ORCID: [0000-0003-0655-1498](#)

D. A. Pistoletov¹

¹Russian State University of Social Technologies,
Volgograd, Russia

CURRENT ISSUES OF INTERCULTURAL INTERACTION: EXPERIENCE OF WESTERN COUNTRIES

Abstract. The current difficulties of intercultural interaction, experience of counteracting xenophobia and other problems are considered in the framework of the article on the example of Western countries, mainly the United States, as a state with a significant proportion of its population, including in percentage ratio, occupied by representatives of different races and cultures. In the course of the research the relevance and acuteness of the problems of intercultural interaction are assessed, the problems of weakening of peoples' self-awareness and formation of complexes of the race accused of xenophobia, as well as attempts to introduce xenophobic ideas into science are considered. The author also touches upon the topic of selective tolerance. The research is based on the analysis of scientific and informational publications on the topic under study, both domestic and foreign, representing an inside view of the problem. The material considered in the article allows us to conclude that the problems of intercultural relations in the United States are becoming more and more complicated over time, and similar processes are taking place in other Western countries, which gives grounds to recognize the policy of fighting xenophobia as ineffective. These articles can be used as a basis for further research into the problems of intercultural interaction and the possible development of measures for the settlement and subsequent prevention of these problems.

Keywords: intercultural interaction, racism, reverse racism, critical race theory, xenophobia in the USA, problems of intercultural interaction

For citation: Pistoletov D. A. Current issues of intercultural interaction: experience of western countries. *Science. Culture. Society.* 2024;30(1):132–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.10>.

References

1. Pak B. I., Kim Z. H., Choe Ch. U., Kim Ch. Z. Education system origin and development in the primitive society. *Bulletin of BelIED.* 2018;(4):6–11. (In Russ.).

2. Alaev L. B. The Rural Agricultural Neighbors' Communities: Logic vs History. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*. 2020;(4):113–125. (In Russ.). DOI [10.31857/S086919080010820-9](https://doi.org/10.31857/S086919080010820-9).
3. Kan A. S. (ed.) History Norway. Moscow: Nauka; 1980. (In Russ.).
4. Gadeev A. V. Lost Victory (On the outcome of the First World War). *Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnogo i nauchno-tehnicheskogo znaniya*. 2019;(2):4–5. (In Russ.).
5. Bel'tiukova T. V., Rakipova M. Sh., Urlova O. A. Outcome of World War 2. *Advanced Science*. 2017;(3):392–400. (In Russ.).
6. Tanaka T. Japan. A complete history of the country. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.). ISBN 978-5-17-134413-9.
7. Bokov A. V., Kiselev D. Yu. Atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki: forced necessity or war crime? In: War: a continuation of policy or a crime : proceedings of the regional scientific-practical conf. (Omsk, September 15, 2017). Omsk: OmSTU; 2017. P. 7–9. (In Russ.).
8. Ursul V. I. Skinheads: myth or reality in the modern Russia. *Vlast'*. 2008;(1):36–39. (In Russ.).
9. Medvedev N. P. Interethnic conflicts and political stability. Saransk: Ogarev Mordovia State University; 1993. (In Russ.). ISBN 5-88608-004-X.
10. Ryazantsev S. V., Hongmei Y. Chinese migrants in Russia: problems of adaptation and migration attitudes. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2010;(6):3–5. (In Russ.).
11. Pistoletov D. A. Prevention of Russophobia in modern Russian society: status and trends. In: The problem of violence and the policy of tolerance formation in modern society. Mater. of international scientific-practical conf. (Kizlyar-Makhachkala-Bishkek, November 12, 2023). Makhachkala: Format Typography; 2023. P. 205–210. (In Russ.).
12. Berezina N. V., Bogdanov I. Ya., Velikaya N. M. [et al.] Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023).
13. Khoperskaya L. L. "Non-title" status as a basis of collective status and self-identification of Russian compatriots in the Kyrgyz republic. *Society: Politics, Economics, Law*. 2020;(12):27–34. (In Russ.). DOI [10.24158/pep.2020.12.3](https://doi.org/10.24158/pep.2020.12.3).
14. Goutner Gr. Ressentiment and the way of thinking of the Russian intellectual elite. *Vox. Filosofskii zhurnal*. 2017;(23):11–31. (In Russ.). DOI [10.24411/2077-6608-2017-00019](https://doi.org/10.24411/2077-6608-2017-00019).
15. Pustarnakova A. A., Batischeva T. A. Problems of preservation and development of Russian culture in the activities of creative groups. In: Positive experience of regulation of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation: Mater. V All-Russian scientific-practical conf. dedicated to the memory of L. M. Drobizheva (Kazan, April 28-29, 2022). Kazan: Sh. Marjani Institute of History; 2022. P. 162–165. (In Russ.).
16. Khotinets V. Yu. Ethnic Identity and Tolerance. Ekaterinburg: Ural State University; 2002. (In Russ.). ISBN 5-7525-0600-X.
17. Gimadieva R. R., Chedzhemov G. A. The problem of reverse racism in modern society. *Proceedings of the Institute of Management Systems of Samara State University of Economics*. 2021;(2):28–32. (In Russ.). DOI [10.46554/PICS-2021.2-p.28](https://doi.org/10.46554/PICS-2021.2-p.28).
18. Kommunarova A. I. Methods of eliminating inferiority complexes in modern adolescents. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2021;74(8):29–33. (In Russ.). DOI [10.18411/lj-06-2021-299](https://doi.org/10.18411/lj-06-2021-299).
19. Popov V. V. A Brief History of the USA. Moscow: Eksmo; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-04-155837-6.
20. Koger L. Black Slaveowners: Free Black Slave Masters in South Carolina, 1790-1860. Jefferson, NC: McFarland; 2011. ISBN 978-0-7864-6931-4.
21. Vallon A. A. History of slavery in the ancient world. In 2 vols. Vol. 1. Transl. from Fr. by S. P. Kondratyev. Moscow: Yurait; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-534-05588-7.
22. Tracy K. "Race Trouble": Competing Accounts in a Trial About Anti-White Racism. *Journal of Language and Social Psychology*. 2024;43(1):14–36. DOI [10.1177/0261927X231201402](https://doi.org/10.1177/0261927X231201402).
23. Bery S. A Diagnostic of Whiteness: The Empathy Conundrum. In: Martin L. A. [et al.]. On Whiteness: The Racial Imaginary Institute. New York: SPBH Editions/The Racial Imaginary Institute; 2022. P. 103–144.
24. Bery S. Multiculturalism, Teaching Slavery, and White Supremacy. *Equity & Excellence in Education*. 2014;47(3):334–352. DOI [10.1080/10665684.2014.933072](https://doi.org/10.1080/10665684.2014.933072).

25. Bonds A. Race and ethnicity II: White women and the possessive geographies of white supremacy. *Progress in Human Geography*. 2020;44(4):778–788. DOI [10.1177/0309132519863479](https://doi.org/10.1177/0309132519863479).
26. Kwok H. De-colonization, Sociology, and Christianity. In: Hiebert D. (ed.) *The Routledge International Handbook of Sociology and Christianity*. London: Routledge; 2024. P. 153–164.
27. Itzigsohn J. On Decolonizing Sociology. *Transilvania*. 2023;(4):1–12. DOI [10.51391/trva.2023.04.01](https://doi.org/10.51391/trva.2023.04.01).
28. Belizaire S., Powers M., Mekawi Y. How can white parents raise anti-racist children? Introducing the routes to effective anti-racist parenting (REAP) model. *Family Process*. 2023;1–42. DOI [10.1111/famp.12951](https://doi.org/10.1111/famp.12951).
29. Schuman J. G., Reynolds D. Attempts at anti-racist teaching by white English teachers of black students. *English Teaching: Practice and Critique*. 2023;22(4):418–432. DOI [10.1108/etpc-05-2022-0071](https://doi.org/10.1108/etpc-05-2022-0071).
30. Harris C. I. Whiteness as property. *Harvard Law Review*. 1993;106(8):1707–1791. DOI [10.2307/1341787](https://doi.org/10.2307/1341787).
31. Jansen J. The problem with decolonisation: entanglements in the politics of knowledge. *The Journal of Modern African Studies*. 2023;61(1):139–156. DOI [10.1017/s0022278x23000162](https://doi.org/10.1017/s0022278x23000162).
32. Taskina I. A., Lizunova G. Yu., Kudryavtseva E. Yu. Sociocultural differentiation of the population: ethnic settlement, interethnic marriages and mestissation. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University; 2018. (In Russ.).
33. Tanshina N. P. Russophobia: History of the invention of fear. Moscow: Conceptual; 2023. (In Russ.). ISBN 978-5-907624-82-5.
34. Kryzhko E. V., Pashkovsky P. I. Genesis and Features of Anglo-Saxon Russophobia: Geopolitical Dimension. *Regionology*. 2023;31(1):30–45. (In Russ.). DOI [10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045](https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045).
35. Egorov M. D. Russophobia in modern Western propaganda. In: Russia and the World in the New and Modern Times – from the Past to the Future. Proc. XXV anniversary annual international scientific conf. in 4 vols. Vol. 3 (St. Petersburg, March 22, 2019). St. Petersburg: SPbGUPTD; 2019. P. 201–203. (In Russ.).
36. Tyutchev F. I. Complete Works and Letters in Six Volumes. Vol. 6. Letters 1860-1873. Moscow: Klassika; 2004. (In Russ.). ISBN 9785773501473.
37. Tolok E. S. Threats to the national identity of Russia in the conditions of Westernization. In: Civilization-society-human. Scientific and educational almanac. Saratov: KUBiK Publ.; 2020. P. 30-32. (In Russ.).
38. Ivanov A. G. The Rhineland crisis of 1936. *Historical and Socio-Educational Idea*. 2017;9(5-1):76–85. (In Russ.). DOI [10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-76-85](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-76-85).
39. Sarrazin Th. Deutschland schafft sich ab. Moscow: Rid Grup; 2012. (In Russ.). ISBN 978-5-4252-0682-4.
40. Scheler M. Das ressentiment im aufbau der moralen. Transl. from Ger. by A. N. Malinkin. St. Petersburg: Nauka, Universitetskaya kniga; 1999. (In Russ.). ISBN 5-7914-0040-3.

Received: 09.01.2024. Corrected: 26.02.2024. Accepted: 11.03.2024.

Information about the author:

Danil A. Pistoletov, student, Russian State University of Social Technologies,
Volgograd branch. Volgograd, Russia. danil.pistoletoff@gmail.com
ORCID: [0000-0003-0655-1498](https://orcid.org/0000-0003-0655-1498)

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2024. Том 30. № 1. Дата выхода в свет: 29.03.2024.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru